

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. И. МАРКОВА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

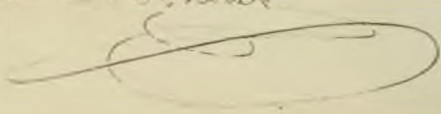

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

Portrait of Erik F. A. ...

Dr. P. K. ...
Rockwell

Лѣсковъ. Николай Ивановичъ
III

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie
СОЧИНЕНІЙ

Sovinniy
Н. С. ЛѢСКОВА.

120/3

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

1/22

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

551730
2710 52

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 23.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

Чтобы оцѣнить писателя по достоинству, надо прежде всего его понять. Это элементарное правило здоровой критики соблюдается очень рѣдко. Обыкновенно критикъ, придерживаясь пзвѣстныхъ воззрѣній и подвергая данному писателя оцѣнкѣ, только удостовѣряется, подходит ли этотъ писатель подъ его воззрѣнія, и если подходит, то одобряетъ его, если не подходит — высказываетъ ему порицаніе. Такимъ образомъ господствующій методъ критики мало выясняетъ духовную фзіономію писателя: писатель остается въ тѣни, а на первый планъ выступаетъ личность критика.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ принадлежитъ къ числу перво-классныхъ нашихъ писателей. Если мы назовемъ Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Писемскаго, Салтыкова, Л. Толстого, то Лѣсковъ приедняется къ этой блестящей плеядѣ, какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и превосходящій ихъ въ другихъ. Но, какъ всѣ эти выдающіеся представители нашей литературы, и Лѣсковъ имѣетъ свою собственную, рѣзко обозначенную фзіономію. Онъ сказалъ свое самостоятельное слово. Вся образованная Россія это сознаетъ. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе добросовѣстныхъ литературныхъ критиковъ, г. Венгеровъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Лѣскова: «Подходя нѣкоторыми сторонами своего таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, онъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто-художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ та-

кого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ не много знаетъ Лѣсковъ соперниковъ въ русской литературѣ по колоритности и оригинальности своего языка». Но тотъ же критикъ прибавляетъ, что «критика мало имъ занималась, и только успѣхъ въ публнкѣ полного собранія его сочиненій скрасилъ это несоотвѣтствовавшее размѣрамъ его художественнаго дарованія положеніе».

Въ послѣднихъ словахъ есть преувеличеніе. О Лѣсковѣ очень много писали, имъ очень много занимались, быть-можетъ, въ общемъ не менѣе, чѣмъ нѣкоторыми другими первоклассными писателями, напр. Гончаровымъ. Были моменты, когда вся Россія говорила о Лѣсковѣ, и иногда читавшая публика о немъ не забывала. Но слова названнаго критика вѣрны въ томъ отношеніи, что духовный обликъ Лѣскова, своеобразность котораго все чувствуютъ, не отмѣченъ и не разъясненъ еще никѣмъ. Вся Россія читаетъ Лѣскова, наслаждается его произведениями, знакомится по нимъ со многими сторонами русской дѣятельности, изображенными покойнымъ писателемъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, находитъ себѣ въ нихъ нѣрѣдко утѣшеніе, черпаетъ въ нихъ бодрость,—а русская литературная критика до сихъ поръ не дала ни біографіи, ни сколько-нибудь обстоятельной оцѣнки этого столь заслуженнаго писателя. Правда, Лѣсковъ отчасти раздѣляетъ въ этомъ отношеніи участь другихъ выдающихся представителей русскаго слова. Но врядъ ли кому-либо изъ нихъ посчастливилось менѣе Лѣскова. И Тургеневъ, и Островскій, и Салтыковъ только еще ожидаютъ своего безпристрастнаго критика, по каждому изъ этихъ писателей посвящены обстоятельныя изслѣдованія, въ которыхъ сдѣлана, по крайней мѣрѣ, попытка установить ихъ умственный обликъ. Лѣскову же, кромѣ журнальной полемики *), бѣглыхъ рецензій,

*) Наибольше обширныя статьи этого рода принадлежатъ гг. Протопопову и Скабичевскому («Вольной талантъ» и «Чѣмъ отличается направление въ искусствѣ отъ партійности», — «Русская Мысль» и «Сѣверный Вѣстникъ» 1891 г.).

воспоминаній *), посвящена только одна болѣе серьезная критическая статья, принадлежащая г. Венгеру, да и то это — статья энциклопедическаго словаря (Брокгауза и Ефрона), слѣдовательно удовлетворяющая по своей цѣли и размѣрамъ только требованіямъ, которыя вообще предъявляются статьямъ подобнаго рода.

Спрашивается, почему столь выдающагося писателя, какъ Лѣсковъ, постигла такая участь? Ключъ къ разгадкѣ этого вопроса заключается въ первыхъ строкахъ нашей характеристики. Русская литературная критика до сихъ поръ не задавалась цѣлью *понять* нашего автора: къ нему прикладывали лишь мѣрку собственныхъ воззрѣній и снматій тѣ или другіе критики, и такъ какъ Лѣсковъ по причинамъ, которыя мы впоследствии разъяснимъ, недѣ эту мѣрку не подходилъ, то оцѣнка его не могла быть ни справедливою, ни убѣдительною. Надъ Лѣсковымъ до сихъ поръ произносила судъ не русская литературная критика, а та или другая партія. Попытаемся же установить его умственный обликъ, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній. Осмыслить наслажденіе, которое Лѣсковъ доставляетъ читателю, выяснитъ, за что онъ боролся и страдалъ, указать на ту высокую цѣль, къ которой онъ стремился всѣми силами своего блестящаго дарованія, отмѣтить, почему онъ на ряду съ другими выдающимися нашими писателями вызывалъ и много злобы, и много любви, словомъ, понять его, вотъ — задача немногихъ, къ сожалѣнію, строкъ, которыя мы можемъ посвятить ему въ этой вступительной статьѣ къ его произведеніямъ.

I.

«Чтобы понять писателя (поэта), надо побывать въ его странѣ». Это извѣстное и во многихъ отношеніяхъ глубокое изреченіе можетъ быть понято и въ томъ смыслѣ, что надо изучить всю обстановку, въ которой родился, воспитывался и провелъ свою молодость писатель, чтобы должнымъ образомъ его оцѣ-

*) «Памяти Н. С. Лѣскова» и «Памятка Н. С. Лѣскова» г. Фарсова («Историческій Вѣстникъ» 1895 г. и «Книжки Недѣли» 1896 г.).

пять. По крайней мѣрѣ по отношенію къ Лѣскову это безусловно вѣрно. Если мы будемъ его оцѣнивать съ точки зрѣнія разныхъ взглядовъ, стремленій и вѣяній, господствовавшихъ въ нашемъ обществѣ въ періодъ 35-лѣтней литературной дѣятельности Лѣскова, то мы его врядъ ли поймемъ, т.-е. уяснимъ себѣ осуществленную имъ крупную литературную задачу. Съ точки зрѣнія этихъ вѣяній онъ постоянно былъ, что называется, не ко двору: ни одна изъ нашихъ партій не признавала его своимъ человѣкомъ, и если онъ повидному примыкалъ то къ одной, то къ другой, то очень скоро происходилъ разрывъ. Примкнувъ въ началѣ своей литературной дѣятельности къ либеральной партіи, онъ вскорѣ разошелся съ нею и снова какъ бы примкнулъ къ ней подъ конецъ своей жизни. Одно время могло казаться, что онъ прочно присоединился къ консервативной партіи, но и консерваторы вскорѣ отшатнулись отъ него. Если теперь предположить, что воззрѣнія либеральной и консервативной партій составляютъ нѣчто болѣе или менѣе неизмѣнное, то логически получается тотъ выводъ, что самъ Лѣсковъ спльно колебался въ своихъ воззрѣніяхъ. Такимъ и изображаетъ его ходячая литературная критика. Но если изучить добросовѣстно его произведенія, то мы придемъ къ совершенно другому выводу: мы убѣдимся, что воззрѣнія Лѣскова въ общемъ необычайно устойчивы, что онъ остался самимъ собою съ начала до конца, что многое измѣнялось вокругъ него, но что онъ самъ не измѣнялся.

Какъ же объяснить это на первый взглядъ совершенно непонятное явленіе, — какъ объяснить себѣ, что казавшееся неизмѣннымъ измѣнялось, а неизмѣнное казалось измѣнчивымъ? Не происходилъ ли тутъ обманъ зрѣнія, напоминающій известное явленіе, когда при встрѣчѣ двухъ поѣздовъ пассажирамъ движущагося поѣзда кажется, что движется другой поѣздъ, на самомъ дѣлѣ стоящій неподвижно. На первый разъ мы оставляемъ этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, потому что убѣдительный отвѣтъ на него можетъ получиться лишь послѣ того, какъ мы задумаемся въ жизнь Лѣскова и въ его дѣятельность. Онѣ, какъ мы увидимъ, представляютъ нѣчто цѣльное, однолитное и ко-

реплятся не въ тѣхъ или другихъ вѣяніяхъ или настроеніяхъ нашего общества, а въ русской дѣйствительности, въ тѣхъ условіяхъ нашей общественной и обще-народной жизни, которыя Лѣсковъ изучилъ очень глубоко даже по признанію лицъ, укоряющихъ его въ измѣнчивости настроенія, взглядовъ и убѣжденій.

Лѣсковъ началъ писать, въ отличіе отъ многихъ другихъ литераторовъ, сравнительно поздно: ему было уже почти тридцать лѣтъ, когда появилась первая его статья въ печати. Но и это конечно не имѣло бы большого значенія, если бы Лѣсковъ прошелъ обыкновенный курсъ образованнаго человѣка, т.-е. кончилъ бы курсъ сперва въ гимназій, а потомъ въ университетѣ. Его жизнь сложилась бы тогда такъ, какъ складывается жизнь громаднаго большинства интеллигентныхъ людей: примѣрно до 24 лѣтъ онъ посвятилъ бы себя книжнымъ занятіямъ въ четырехъ стѣнахъ городской квартиры, а затѣмъ вступилъ бы уже въ жизнь, если не былъ бы обреченъ на канцелярскую работу въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ. Но жизнь Лѣскова сложилась совершенно иначе: свои впечатлѣнія онъ черпалъ гораздо меньше изъ книгъ, чѣмъ изъ живой дѣйствительности, съ которой онъ сталкивался въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и непосредственная связь съ которой у него не прерывалась до того времени, какъ онъ окончательно посвятилъ себя писательству. Только шесть лѣтъ своей молодости онъ провелъ въ стѣнахъ гимназій: съ 10 до 16 лѣтъ, да и то пребываніе въ гимназій постоянно прерывалось поѣздками на каникулы и рождественскія вакаціи въ деревню, съ которой онъ поддерживалъ постоянную связь. Родился онъ въ деревнѣ (4-го февраля 1831 г. въ селѣ Гороховѣ, орловской губерніи), затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Орлѣ, чтобы опять на нѣсколько лѣтъ переселиться въ деревню. Тутъ слѣдовало пребываніе въ гимназій въ томъ же Орлѣ, смѣнившееся службою въ орловской уголовной палатѣ. Но уже 18 лѣтъ отъ роду онъ переселяется въ Кіевъ, поступаетъ на службу въ тамошнюю казенную палату, имѣетъ общеніе со студентами, пользуется руководствомъ нѣкоторыхъ изъ кіевскихъ профессоровъ, въ то же время

разъѣзжаетъ по уѣздамъ, знакомится съ народнымъ бытомъ, затѣмъ посвящаетъ себя коммерческой службѣ и въ качествѣ агента англичанина Шкота странствуетъ по Россіи въ теченіе пяти-шести лѣтъ. За все это время онъ постоянно сталкивается съ людьми самыхъ разнообразныхъ профессій, видитъ другіе края, прелушчивается къ тому, что занимаетъ, волнуетъ, озабочиваетъ людей въ самомъ различномъ положеніи. За границей Лѣсковъ побывалъ три раза, посѣтилъ Германію, Францію, бывалъ въ славянскихъ странахъ. Словомъ, Лѣскова по всей справедливости можно назвать человѣкомъ бывалымъ, видѣвшимъ и слышавшемъ очень много на своемъ вѣку и притомъ не изъ вторыхъ рукъ, а непосредственно въ самой жизни. Если же прибавить къ этому его необычайную наблюдательность, его даръ быстро схватить и осмыслить видѣнное и слышанное, на долгіе годы сохранять въ памяти свои впечатлѣнія, то мы поймемъ, какъ должна была отразиться на его писательской дѣятельности практическая школа, которую онъ прошелъ уже въ дни молодости. Лѣскова, быть-можетъ, мѣшѣ всякаго другого изъ нашихъ писателей можно назвать книжнымъ человѣкомъ: онъ вскормленъ не книгами, а самою жизнью, что вовсе, однако, не значитъ, чтобы книжная мудрость ему была чужда; онъ сторицею восполнилъ внослѣдствіи педочеты полученнаго имъ, такъ сказать, официальнаго образованія, да и въ молодости, какъ мы сейчасъ увидимъ, читалъ не мало. Но главнымъ руководителемъ его была все-таки не книга, а жизнь... Быть-можетъ, это—одна изъ причинъ неспособности многихъ критиковъ оцѣнить его по достоинству.

Но приметрима ближе къ тому, какъ вліяла жизнь на молодого Лѣскова. Тутъ мы должны взять сперва отдѣльныхъ лицъ, а потомъ и общія условія. Прежде всего конечно вниманіе наше останавливается на родителяхъ Лѣскова, на его отцѣ и матери. По пропхожденію своему нашъ знаменитый писатель официально признается дворяниномъ: на самомъ дѣлѣ въ его жилахъ течетъ смѣшанная кровь. Его дѣдъ — священникъ, его бабушка — изъ купеческаго сословія; его отецъ — личный дворянинъ, чиновникъ, его мать — потомственная дворянка. Такимъ образомъ соедини-

лись четыре сословія, чтобы дать намъ Лѣскова. Въѣтъ съ тѣмъ онъ съ ранняго дѣтства постоянно находился подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ четырехъ сословіи, а въ лицѣ дворовыхъ людей и нянекъ еще подъ сильнымъ вліяніемъ пятого, крестьянскаго сословія: его няня была московская солдатка, няпкою его брата, разсказами которой онъ заслушпвался, — крѣпостная. Намъ кажется, что трудно представить себѣ болѣе значительнаго разнообразія въ воздѣйствіи представителей разныхъ нашихъ сословіи на жизнь ребенка, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ, на него вліяли и представители другихъ національностей, въ томъ числѣ особенно сильно нѣмецъ и англичанка.

Но остановимся сперва на отцѣ и матери. Какъ видно изъ личныхъ воспоминаній самого Лѣскова, щедрою рукою разбросанныхъ въ его произведеніяхъ, онъ былъ любящимъ сыномъ, но ни отецъ, ни мать не были тѣми личностями, которыя оказали наиболѣе сильное воздѣйствіе на его міросозерцаніе. Отца онъ любилъ рано. Лѣсковъ изображаетъ его человѣкомъ благомыслящимъ, довольно гуманно относившимся къ своимъ крестьянамъ и до нѣкоторой степени пристрастнымъ къ литературѣ. Такимъ образомъ книгъ въ родительскомъ домѣ было не мало. Но по всему видно, что отецъ Лѣскова въ умственномъ отношеніи былъ натурою болѣе воспріимчивою, чѣмъ дѣятельною: онъ неправдо служилъ, старался увеличить достатокъ своей семьи, даже пріобрѣлъ имѣніе, въ которомъ сынъ провелъ нѣсколько лѣтъ, но вскорѣ все это пошло прахомъ. Самъ отецъ умеръ отъ холеры, оставшееся въ Орлѣ имуществу сгорѣло во время извѣстныхъ орловскихъ пожаровъ, и молодому Лѣскову пришлось уже въ ранней молодости испытать тяжелую пужду. Что касается до матери, то сынъ изображаетъ ее женщиною ничѣмъ особеннымъ не выдававшееся, жившею по установленнымъ въ ея быту традиціямъ, болѣе склонною къ старинѣ, чѣмъ ко всякаго рода новшествамъ. Значитъ, не съ этой стороны намъ надо искать наиболѣе рѣшительныхъ факторовъ, вліявшихъ на Лѣскова въ дѣтствѣ. Въ его воспоминаніяхъ гораздо рельефнѣе выступаютъ другія личности: няньки, дворовые люди, учителя, священники, родственники.

Чтобы охарактеризовать вліяніе, которое имѣли эти различныя лица на Лѣскова, достаточно вспомнить самыя типичныя фигуры. Возьмемъ, напримѣръ, няньку Любовь Опинцовну, бывшую крѣпостную и актрису графа Каменскаго, которая влюбилась въ крѣпостного же гримпровщика Аркадія, бѣжала съ нимъ, была настигнута людьми графа, затѣмъ чуть было не кончила жизнь самоубійствомъ, подвергнутая пыткамъ слушать, какъ подъ поломъ ея комнаты петязали любимаго человѣка, и вынужденная принять ласки своего грознаго властителя, и наконецъ была для дальнѣйшихъ мукъ едана на скотный дворъ. Такіе разказы слушала Лѣсковъ, когда былъ ребенкомъ. Рассказывала эта нянька и о томъ, какъ палачу передъ дѣломъ давали выпивать три стакана рому, какъ онъ билъ сто разъ кнутомъ свою жертву «для одного мученія», но сто первый разъ «такъ щелканеть, что всю позвонцовую кость растрепать», а затѣмъ все еще покрикиваетъ: «давай еще кого бить, — всѣхъ орловскихъ убью!» («Тупейный художникъ»). А вотъ дворовая баба Аграфена, вышедшая замужъ за крѣпостного, но, хотя и свободная сама, оставшаяся при своихъ крѣпостныхъ дѣтяхъ, гордая, суровая, честная, никогда не жаловавшаяся на свою судьбу. Не спасла она, однако, свою больную дочку Васенку. Опасаясь, что во время ея отсутствія дочку ея могутъ заподозрѣть въ томъ, что она таскаетъ господскій хлѣбъ (дѣло происходило во время голода), Аграфена послала ее въ общую людскую избу, а Васенка побоялась туда идти, потому что тамъ, въ сѣняхъ, была бѣлая телка, забилась на чердакъ и тамъ окоченила. Глубоко трогательны тѣ странницы, на которыхъ Лѣсковъ описываетъ чувство жалости къ Васенкѣ и какъ онъ, видя горе Аграфены, бросился весь въ слезахъ къ ней на шею. А между тѣмъ въ горѣ Аграфены была повинна сама мать Лѣскова, потому что упрекнула ее въ томъ, что она дастъ дочери господское добро. Но всѣ сцены Лѣскова были на сторонѣ несчастной дворовой бабы («Юдоль»). Возьмемъ еще двороваго человѣка Храпошку, который на потѣху дяди Лѣскова долженъ былъ затравить любимаго ручнаго медвѣдя. Медвѣдь, однако, спасся, и Храпошку ожидало страшное наказаніе.

Случилось это въ рождественскій сочельникъ. Вся семья собралась передъ елкою и ждала рѣшенія главы семейства. Былъ тутъ и священникъ, о. Алексѣй. Старикъ пригласилъ всѣхъ молиться рожденному Христу, говорилъ о любви, о прощеньи, о долгѣ каждаго утѣшить друга и недруга во имя Христово. Всѣ понимали, къ чему клонится его слово, всѣ слушали его съ особеннымъ чувствомъ, какъ бы молясь, чтобы это слово достигло цѣли. Оно тронуло и грознаго дядю. Произошло нѣчто удивительное: онъ проронилъ слезу. Позванъ былъ Храпошка, и дядя далъ ему вольную со словами: «Ты любилъ звѣря, какъ не всякій умѣетъ любить человѣка». Храпошка, однако, остался при дядѣ, и тотъ его въ шутку постоянно называлъ «укротителемъ звѣря» («Звѣрь»). Тутъ мы въ то же время видимъ, какое вліяніе имѣлъ на Лѣскова пастырь церкви. «Я былъ очень счастливъ, — говоритъ онъ въ другомъ разсказѣ: — въ томъ отношеніи, что первые уроки религіи мнѣ даны были превосходнымъ христіаниномъ. Это былъ орловскій священникъ Остромысленій, — хорошій другъ моего отца и другъ всѣхъ насъ, дѣтей, которыхъ онъ умѣлъ научить любить правду и милосердіе».

Однако въ этомъ же разсказѣ («Пугало») онъ упоминаетъ о томъ, что интеллигентное руководство дѣтьми было ввѣрено дяконовскому сыну, исключенному изъ семинаріи ритору, который «состоялъ при моей особѣ на линіи наставника». Надъ этимъ наставникомъ Лѣсковъ добродушно подсмѣивается и очень далеко отъ того, чтобы перенести на него чувства уваженія, которыя онъ питалъ къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ духовнаго званія. Между своими наставниками онъ вообще дѣлалъ большое различіе: тѣхъ, кто умѣлъ на него повліять въ хорошемъ направленіи, онъ не забылъ до заката своихъ дней. Тутъ умѣстно будетъ вспомнить о типической фигурѣ длиннаго и тощаго цѣмца, носившаго прозваніе «Козы». Очень недолго оставался этотъ наставникъ въ домѣ; но о немъ Лѣсковъ никогда въ жизни не забывалъ. Въ гости пріѣхала губернаторша. Ея сынъ оборвалъ въ саду какую-то рѣдкостную сливу. Чрезвычайно сливы было замѣчено, и за это жестоко выпороли ни въ

чемъ неповиноваго сына садовника. Самъ виновный промолчалъ; промолчали и остальные дѣти, но, лежа съ спать, Лѣсковъ не стерпѣлъ и сказалъ Козѣ, что сына садовника наказали напрасно. На другой день оказалось, что учителя уволили: онъ явился къ господамъ и наговорилъ губернаторшѣ много неприятныхъ вещей. Въ домѣ дѣти не рѣшились съ нимъ проститься, но подкараулили его въ нѣкоторомъ отдаленіи, и тутъ между учителемъ и воспитанниками произошелъ характерный разговоръ, кончившійся предсказаніемъ, что они еще увидятся. «Гдѣ же, гдѣ?» — кричали дѣти вслѣдъ учителю, а онъ отвѣчалъ: «Все равно... Иногда увидимся... и опять... не увидимся»... «И еще что-то такое, а самъ все дальше и дальше отъ глазъ и скрылся, и съ тѣхъ поръ ушло очень много лѣтъ и Козы долго, очень долго не было предо мною, но потомъ онъ вдругъ совершенно неожиданно явился разъ и два и сталъ такъ близко, какъ будто онъ и не отходилъ, и затѣмъ опять исчезнетъ и опять откуда-то возьмется:—у всѣхъ паисенныхъ однимъ духомъ должно быть одно разумѣніе жизни».

Мы видимъ, какъ близко соприкасается вліяніе, оказанное на Лѣкова отцомъ Алексѣемъ и этимъ учителемъ-нѣмцемъ. Но возьмемъ еще одну личность, имѣвшую сильное вліяніе на нашего писателя. Мы говоримъ объ его теткѣ Пелагеѣ Дмитріевнѣ или, какъ ее въ семьѣ называли, тетѣ Полли. Въ 1840 году, когда нашему писателю было девять лѣтъ, разразился въ орловской губерніи страшный голодъ и вслѣдъ затѣмъ между крестьянскимъ людомъ стала свирѣпетовать очень опасная эпидемическая болѣзнь. Родители Лѣкова не знали, что и дѣлать. Врачебной помощи тогда, понятно, не было, и крестьяне умирали совершенно безпомощно. Въ эту критическую минуту отецъ послалъ за тетей Полли, и она тотчасъ же пріѣхала съ своимъ неразлучнымъ другомъ, квакершею англичанкою Гильдегардою. Вмигъ картина перемѣнилась. Больные были отдѣлены отъ здоровыхъ, устроенъ былъ временной лазаретъ, оказана была возможная медицинская помощь, и все это почти безъ всякихъ затратъ, дѣловито, умно, практично. Вечеромъ послѣ дневной работы, тетя Полли вмѣстѣ съ своимъ другомъ квакершею молилась,

пѣли духовныя пѣсни, а въ это время девятилѣтній Лѣсковъ, уткнувшись лицомъ въ спинку мягкаго кресла, плакалъ впервые слезами невѣдомаго ему до той поры счастья. Ему казалось, что тихій свѣтъ озаряетъ его сердце, и что въ то же время все въ комнатѣ, и голодные мужики, и вся земля несутся куда-то навстрѣчу мірамъ. «О, если бы за все скорби жизни земной еще разъ получить такую минуточку при уходѣ изъ тѣла. Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ жптейской зпмы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жпзнь» («Юдоль»). Въ этой тетѣ Полли совмѣщаются двѣ черты: подъ вліяніемъ квакерши она исполнилась глубокаго религіознаго чувства и въ то же время научилась приходить на помощь ближнему. Душа ребенка, подготовленная вѣдомъ страданій дворовыхъ людей и крѣпостныхъ вообще, жаждала придти имъ на помощь; но онъ не зналъ, какъ приняться за это дѣло, и первое указаніе дано было тетеею Полли. Тѣ же двѣ черты дѣятельной любви къ ближнему и глубокаго религіознаго чувства въ высокой степени совмѣщались въ бабушкѣ Лѣкова, пропеходившей изъ московскаго купческаго рода и взятой въ замужество въ дворянскій родъ «не за богатство, а за красоту». Но лучшія ея свойства были «душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранился простонародный складъ». До конца жизни она говорила: «эхтоть» вмѣсто «этоть», считала слово «мераль» оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить: «бухгалтеръ», но гдѣ только она узнавала о людской бѣдѣ, она приходила ей на помощь просто, съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который характеризуетъ нашъ народъ. Ей было рѣшительно все равно, кто нуждался въ помощи или добромъ совѣтѣ: достаточно ей было узнать о несчастии, какъ бабушка Александра Васильевна сѣшшла къ нему на помощь. Несчастіе всего, однако, былъ народъ, и поэтому она чаще всего заботилась о немъ. Съ этою бабушкою Лѣсковъ часто странствовалъ по лѣснымъ монастырямъ, но такъ пазываемымъ пустынямъ, и эти странствованія повторялись въ теченіе четырехъ лѣтъ, до самаго поступленія Лѣкова въ губернскую гимназію. Онъ тогда уже началъ знакомиться съ монастырскою

жизнью («Овцебыкъ»). Но религиозное его чувство, благодаря вліянію какъ этой бабушки, такъ и тети Полли, не имѣло въ себѣ ничего мистическаго, а носило характеръ дѣятельной, практичной, осмысленной любви къ ближнему.

О гимназическихъ учителяхъ и паставникахъ Лѣсковъ почти ничего не упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ вообще самая гимназія на него не оказала сколько-нибудь значительнаго вліянія. Говоря о своемъ пребываніи въ гимназіи, Лѣсковъ любилъ вспоминать, что онъ тогда перечиталъ много книгъ, особенно беллетристическаго содержанія. Онъ часто посѣщалъ домъ г-жи Зпповьской, племянницы извѣстнаго нашего писателя князя Масальскаго, автора многихъ историческихъ романовъ и разсказовъ и, кажется, перваго у насъ переводчика безсмертнаго Дошкнхота. У этой г-жи Зпповьской была богатая бібліотека, и Лѣсковъ до 15-лѣтняго возраста перечиталъ ее всю.

Гораздо болѣе значительное вліяніе имѣли на него нѣкоторые кіевскіе профессора, подъ руководствомъ которыхъ онъ занимался, состоя чиновникомъ тамошней казенной палаты. Изъ этихъ профессоровъ онъ особенно любилъ вспоминать о Журавскомъ, авторѣ нѣсколькихъ статистическихъ изслѣдованій и горячемъ приверженцѣ освобожденія крестьянъ, составившемъ записку «о крѣпостныхъ людяхъ и о средствахъ устроить ихъ положеніе изъ лучшихъ началъ» и пытавшемся приложить свои освободительныя идеи въ имѣніяхъ графовъ Перовскихъ. За память этого любимаго профессора Лѣсковъ неоднократно заступался впоследствии («Смѣхъ и горе»). Общеніе съ нимъ было ему особенно дорого не только потому, что тотъ постоянно мечталъ объ улучшеніи участи крестьянъ, къ страданіямъ которыхъ Лѣсковъ такъ близко присмотрѣлся въ дни своего дѣтства, но и потому еще, что Журавскій по образу мыслей близко подошелъ къ идеаламъ, посившимся уже тогда въ головѣ Лѣскова. Журавскій не особенно жаловалъ людей «слишкомъ возвышенныхъ», т. е. такихъ, которые, «имѣя высокой идеаль, ничего не уступаютъ условіямъ времени и необходимости» («Захудалый родъ»). Онъ думалъ, что падо считается съ условіями, не задаваться слишкомъ широкими планами, чтобы не компрометировать дѣла, которому служишь.

Большой идеалетъ по существу, Журавскій старался быть практикомъ, и это его настроеніе повидимому особенно пришлось по душѣ Лѣскову.

Такое же вліяніе имѣлъ на него и второй мужъ жены дяди Лѣскова, пріотивнаго его у себя въ Кіевѣ, англчанинъ Шкотъ, управлявшій имѣніями графовъ Перовскихъ и Нарышкиныхъ. Со Шкотомъ и его сыновьями Лѣсковъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія въ 50-хъ годахъ до своего переселенія въ Петербургъ. У старика Шкота онъ даже состоялъ на службѣ. Шкоты, какъ англчанине, были люди религіозные и въ то же время практики. Видя невѣжество и безпомощность нашего народа, они всячески стремились просвѣтить его въ практическомъ отношеніи, приучить его къ болѣе совершеннымъ способамъ хозяйничанья, внушить ему культурныя привычки. Все это соотвѣтствовало настроенію Лѣскова, а порученія, которыя ему давали Шкоты, приходились ему по душѣ и удовлетворяли его стремленію придти самому на помощь народу. Кромѣ того, они удовлетворяли его любознательности, его страсти къ новымъ наблюденіямъ, а здравое отношеніе къ жизни на почвѣ дѣятельной любви къ ближнему, составлявшей основу міросозерцанія семьи Шкотовъ, гармонировало такъ полно съ настроеніемъ бабушки Александры Васильевны, тети Нолли и неразлучной съ нею квакерши Гильдегарды!

II.

Въ предыдущемъ мы старались вкратцѣ охарактеризовать тѣхъ лицъ, которыя имѣли наиболѣе сильное вліяніе на Лѣскова въ дѣтствѣ и молодости. Теперь мы должны коснуться общихъ условій, вліявшихъ на него въ этотъ періодъ его жизни. Лѣсковъ родился, какъ мы видѣли, въ деревнѣ, затѣмъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ городѣ, онятъ провелъ нѣкоторое время въ деревнѣ, потомъ учился, служилъ, терпѣлъ нужду въ томъ же городѣ, переселился въ Кіевъ, гдѣ имѣлъ близкое прикосновеніе къ университетской жизни, затѣмъ сталъ развѣзжать въ качествѣ должностнаго лица по кіевской губерніи, странствовалъ по значительной части Россіи въ качествѣ агента Шкота и уже въ возрастѣ полной возмужалости, послѣ многихъ житейскихъ не-

взгодъ и съ громаднымъ запасомъ жизненныхъ наблюдений явился въ качествѣ писателя въ Петербургъ и окунулся въ водоворотъ бурной тогдашней жизни, во время разгара освободительныхъ реформъ незабвеннаго царствованія Александра II.

Дѣтство Лѣскова совпало съ тридцатыми годами, отрочество— съ сороковыми, молодость— съ пятидесятыми. Онъ родился въ вѣкъ, названный великимъ нашимъ поэтомъ «железнымъ», и дѣтскія его воспоминанія наполнены печальными картинками этого вѣка. Присмотрѣлся онъ къ нему не въ столицахъ, а «во глубинѣ Россіи»: онъ видѣлъ печальную картину жизни крѣпостного люда, слышалъ его рассказы въ деревнѣ, а въ городѣ смотрѣлъ какъ на большомъ выгонѣ, на которомъ стояли казенные магазины, учили солдатъ, и какъ ихъ били,— «смотрѣлъ ежедневно, но никакъ не могъ къ этому привыкнуть и всегда плакалъ» («Пугало»). Если бы онъ жилъ не «во глубинѣ Россіи», а въ столицѣ, онъ можетъ быть вынесъ бы впечатлѣніе, что ничего другого въ Россіи не увидишь и что только въ столицахъ есть сердобольные люди, которые печалятся о народѣ. Но живи «во глубинѣ Россіи» и обладая рѣдкою наблюдательностью, онъ видѣлъ на ряду съ этими печальными картинками и многое другое,— на первый разъ людей, которые тутъ же на мѣстѣ сокрушались объ обездоленныхъ и старались придти имъ на помощь по мѣрѣ силъ и возможности. Уже ребенкомъ онъ виикъ въ народную душу и открылъ въ ней много свѣтлыхъ, но и много темныхъ сторонъ. Достаточно напомнить о потрясающей картинѣ народнаго голода въ 40-хъ годахъ, нарисованной Лѣсковымъ въ его «Юдоли» по дѣтскимъ воспоминаніямъ, чтобы понять, какъ уже въ душѣ ребенка сложилось смутное сознаніе, что народъ безпомощенъ не только вълѣдствіе юридическаго и экономическаго своего положенія, но и вълѣдствіе невѣжества, мрака, всякаго рода предрассудковъ и суевѣрій, которыми онъ опутанъ. И въ этотъ мракъ погруженъ не одинъ народъ, по отчасти и интеллигенція, тѣ, кому довѣрена его судьба. Онъ въ дѣтствѣ видѣлъ на живыхъ примѣрахъ, что народу можно придти на помощь даже въ тогдашнемъ его положеніи, если воодушевиться любовью къ ближнему, отрѣшиться отъ господствовав-

шихъ предразсудковъ и практически принятыя за дѣло. Бабушка Александра Васильевна, тетья Полли, квакерша Гильдегарда служили ему въ томъ порукой, и впечатлѣнія, которыя онъ тогда вынесъ въ этомъ отношеніи, воплотились впоследствии въ характерномъ и мощномъ типѣ княгини Протозановой («Захудалый родъ»). Въ самомъ пародѣ и въ другихъ сословіяхъ,—дворянствѣ, духовенствѣ и чиновничествѣ онъ наталкивался уже въ дѣтствѣ на хорошихъ и дурныхъ людей, научился отличать въ одномъ и томъ же человѣкѣ хорошія и дурныя стремленія, видѣлъ, что люди въ очень скромномъ положеніи могутъ сдѣлать массу добра и принести много пользы и что даже самая обширная власть не даетъ благихъ результатовъ, если она находится въ рукахъ неумѣлыхъ или не склопныхъ творить добрыя дѣла. Все дѣтскія впечатлѣнія Лѣскова наталкивали его на мысль, что жизнь прежде всего нуждается въ добрыхъ людяхъ, въ людяхъ готовыхъ придти на помощь ближнему и умѣющихъ это сдѣлать. Эта готовность и это умѣнье, повидному, уже тогда составляли идеалы Лѣскова, потому что, когда онъ впоследствии возвращался къ дѣтскимъ своимъ воспоминаніямъ, онъ съ особенною любовью отмѣчалъ людей, въ которыхъ соединялись эти два качества, и такіе люди представлялись ему идеальными дѣятелями.

Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что Лѣсковъ приступилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ къ усиленному чтенію книгъ разнаго рода, пѣтя уже въ душѣ при своей крайней впечатлительности занасъ готовыхъ наблюденій, сложившихся симпатій и антипатій. Онъ не читалъ книгъ изъ простой любознательности, но искалъ въ нихъ соотвѣтственнаго настроенія, отвѣта на усѣвшіе уже въ немъ зародиться вопросы. Книга уже въ дѣтствѣ не была для него цѣлью, а лишь средствомъ для удовлетворенія другихъ цѣлей, отчасти уже тогда сложившихся въ немъ благодаря близкому соприкосновенію съ жизнью и многообразными представителями разныхъ сословій и даже разныхъ національностей. Этимъ въ значительной степени объясняется, что книжная мудрость и всеъ вызываемая ею увлеченія мало коснулись его. Но пріѣздъ въ Кіевъ въ концѣ сороковыхъ годовъ Лѣсковъ часто проводилъ вечеромъ часы въ аллеяхъ верхняго сада съ другими

молодыми людьми, съ представителями учащейся молодежи, со студентами. Тамъ образовался даже своеобразный «лицей», и молодежь иногда проводила цѣлыя ночи до бѣла свѣта въ разговорахъ о Кантъ, Гегель, о «чувствахъ высокаго и прекраснаго и о многомъ другомъ». Дома онъ читалъ Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и Бабефа, но тѣмъ не менѣе чувствовать себя «одинокимъ и предоставленнымъ самому себѣ». Уже въ началѣ пятидесятихъ годовъ онъ, возвращаясь на родину, предается слѣдующимъ философскимъ размышленіямъ: «Неужто ничто не переменялось въ то время, когда я пережилъ такъ много: вѣрилъ въ Бога, отвергалъ Его и наки находилъ Его; любилъ мою родину и расшпался съ нею и былъ съ расшпалющими ее». И, вернувшись на родину, онъ снѣшть посмотрѣть на знакомыя мѣста, побывать въ «пустынькахъ», какъ онъ въ Кіевѣ тяготѣлъ къ Печерску съ его Лаврою, пещерами и орловскими знакомыми («Овцебыкъ» и «Печерскіе антики»).

Книги не увлекли его въ сторону отъ жизни. Сомнѣнія, которыя въ немъ вызвали Фейербахъ, Штраусъ, Бабефа, бесѣды съ учащеюся молодежью были чисто поверхностны и скоропреходящи. Уже въ дѣтствѣ онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ жизнь, слишкомъ много видѣлъ въ ней прекраснаго и подмѣтилъ слишкомъ много животрепещущихъ задачъ, чтобы принести ее въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ. Въ ряду типовъ изъ всѣхъ классовъ общества, изображенныхъ имъ съ неподражаемымъ мастерствомъ и усмотрѣнныхъ имъ въ жизни уже въ тотъ ранній періодъ, люди, пренеолненные дѣятельной любви къ ближнему, состраданія, готовности жертвовать собою и своимъ достоинствомъ ради страждущаго брата, благородныя, возвышенно настроенныя натуры внушили Лѣскову такую любовь къ жизни, что онъ отъ нея уже не могъ оторвать ни своего взора, ни своихъ помысловъ. Бабушка, тетя Нолли, Пугало, Голованъ, отецъ Алексѣй, Храпюшка — ихъ не перечестъ, всѣхъ этихъ людей, которые раскрыли Лѣскову смыслъ жизни, убѣдили его, что жить стѣдуетъ, и заставили его усиленно думать, какъ придти на помощь тѣмъ, изъ-за которыхъ подобныя свѣтлыя личности страдаютъ. Горе у нихъ большое, столь же большое, какъ широко ихъ любве-

обильное сердце. И молодому Лѣскову казалось, что Фейербахи и Гегели не помогутъ ихъ горю, что отвлеченныя теоріи вообще въ этомъ отношеніи безсплыны. «Овцебыкъ» увлекался ими до самозабвенія, и какъ печальна, трагична его участь: ничего онъ не достигъ, а былъ только смѣшонъ и себя погубилъ. Это одно изъ самыхъ раннихъ и прекрасныхъ произведеній Лѣскова, и въ немъ уже вполне сказалось его скептическое отношеніе къ отвлеченнымъ теоріямъ, когда ими одиѣми вооружаются люди, желающіе *дѣйствовать въ жизни*.

Молодость Лѣскова, совпавшая, какъ мы видѣли, съ пятидесятыми годами, могла только упрочить въ немъ это настроеніе. Въ качествѣ секретаря рекрутскаго присутствія въ Кіевѣ и впоследствии агента Шкота онъ въ теченіе почти десяти лѣтъ разъѣзжалъ по Россіи, знакомясь съ нею, видѣлъ, чѣмъ она страдаетъ, чего ей недостаетъ, и все болѣе убѣждался, что общими мѣропріятіями, какъ они ни желательны, далеко не всего достигнешь, что нужна еще практическая самодѣятельность общества и самого народа, что безъ нихъ даже наилучшія общія мѣропріятія не принесутъ и сотой доли той пользы, какой отъ нихъ ожидаютъ. Самые характерныя страницы, посвященныя Лѣсковымъ его дѣятельности въ качествѣ секретаря рекрутскаго присутствія, содержатся въ разсказѣ: «Владычній судъ». Сколько лжи, сколько обмана онъ видѣлъ со стороны самого населенія, и какъ мало въ сущности требовалось чувства справедливости, чтобы предупредить случаи вопіющихъ злоупотребленій! Разсказанный Лѣсковымъ случай обошелся, сравнительно, благополучно, благодаря личному вмѣшательству генералъ-губернатора и архіерея. По закону они собственно не могли предотвратить жестокою обиду, нанесенную бѣдному еврею, но тѣмъ не менѣе нашлось средство ее смягчить, и такимъ образомъ доброжелательство устранило жестокія послѣдствія обмана и несправедливаго закона.

Но еще болѣе вразумительныя въ этомъ отношеніи страницы посвящены Лѣсковымъ его дѣятельности въ качествѣ агента Шкота. Этотъ англичанинъ, какъ и его сыновья, всячески старался помочь бѣдственному положенію крестьянъ и пользовался вліяніемъ и властью, которыя вполне могли доставить успѣхъ

ихъ начинаніямъ. Они управляли имѣніями столь вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ графы Перовскіе, изъ которыхъ одинъ былъ сперва оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, а потомъ самарскимъ, а другой—вице-президентомъ департамента удѣловъ и настолько интересовался крестьянскимъ бытомъ, что ввелъ новое управленіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Оба они были люди гуманные и живо принимали къ сердцу судьбу крестьянъ. Пользуясь такою вліятельною поддержкою, Шкоты задумали обширныя мѣропріятія для улучшенія участи крестьянъ. Но эти опыты постоянно терѣли неудачу вслѣдствіе невѣжества самихъ крестьянъ. Всѣ попытки ввести болѣе усовершенствованныя земледѣльческія орудія ни къ чему не приводили. Любопытенъ фактъ, какъ въ имѣніи Всеволожскаго для крестьянъ построены были камешныя избы, а крестьяне ни за что не хотѣли въ нихъ поселиться, приравнивая ихъ къ острогу, рядомъ понастроили себѣ курныя избы, а каменные загрызли до того, что въ нихъ можно было задохнуться. Любопытно, что рука объ руку съ невѣжествомъ народа шло и невѣжество интеллигентныхъ людей. По этому поводу возгорѣлся ожесточенный споръ, и образовалась даже цѣлая русская партія, защищавшая курную избу противъ каменной, восторгаясь особенно сажей, покрывающей стѣны курной избы, и приписывая ей мнѣя цѣлебныя и всякія другія свойства. Вопросъ этотъ даже горячо обсуждался въ петербургской печати, и курная изба восторжествовала въ этой полемикѣ («Загонъ»). Крайне поучителенъ и рассказъ Лѣскова о томъ, какъ онъ страствовалъ съ переселенцами на баркахъ по Окѣ и Волгѣ. Онъ очень обрадовался предложенію Шкота сопровождать переселенцевъ и по возможности смягчать ихъ участь. Воодушевленный самыми гуманными намѣреніями, онъ оказался однако только игрушкою въ рукахъ самого народа и проявилъ полную свою практическую несостоятельность передъ мужикомъ Петромъ Семеновымъ, которому довѣрено было перевозить переселенцевъ, и передъ секретаремъ исправника, которые предупредили много бѣдъ, въ то время какъ самъ Лѣсковъ, несмотря на все свои добрыя намѣренія, чуть было не ухудшилъ еще болѣе ихъ горькой участи («Продуктъ природы»).

Мы привели здѣсь только нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, чтобы охарактеризовать тогдашнее настроеніе Лѣскова. Онъ конечно не менѣе всякаго другого просвѣщеннаго человѣка уяснилъ себѣ при своемъ близкомъ знакомствѣ съ жизнью ненормальность условій, господствовавшихъ въ дореформенной Россіи. Изъ его произведеній ясно видно, какъ глубоко возмущали его душу и крѣпостное право, и судебный произволъ, и несправедливости рекрутскаго набора, и жалкое экономическое положеніе крестьянъ, и его невѣжество, и всякія злоупотребленія властью. Нѣтъ у него почти ни одного произведенія, въ которомъ онъ не представилъ бы краснорѣчивыхъ доказательствъ своего отвращенія къ дореформеннымъ порядкамъ и своей глубокой симпатіи, своего пламеннаго воодушевленія реформами Царя-Освободителя. Не даромъ онъ никогда не разставался съ кольцомъ, въ которое былъ вдѣланъ камень, названный «александритомъ» въ честь этого государя («Александритъ»). Но именно потому, что онъ такъ высоко цѣнилъ эти реформы и считалъ ихъ лучшимъ достояніемъ современной Россіи, онъ, когда наступила заря новой жизни, т. е. въ концѣ пятидесятихъ годовъ, сталъ все внимательнѣе присматриваться къ настроенію и дѣятельности той части русскаго общества, которой суждено было главнымъ образомъ осуществить реформы въ жизни. Онъ спрашивалъ себя,—окажется ли она на высотѣ великой и почетной своей задачи? Этотъ вопросъ его волновалъ, не давалъ ему покоя, именно потому, что онъ такъ близко прсмотрѣлся къ жизни. Въ Петербургѣ можно было мечтать, что, благодаря реформамъ, люди въ одинъ мигъ переродятся, что всѣ дурные элементы скроются, а всѣ хорошіе всплывутъ на поверхность, что внезапно произойдетъ какое-то общее перерожденіе. Но Лѣсковъ, именно благодаря громадному житейскому своему опыту, въ это перерожденіе не вѣрилъ. Онъ чувствовалъ, что дурные люди будутъ преобладать, что они новыми формами воспользуются для удовлетворенія старыхъ инстинктовъ, и что дѣло, которое онъ такъ свято чтилъ, можетъ быть компромстировано именно самыми горячими его сторонниками влѣдствіе ихъ непониманія жизни и ея требованій.

III.

Первое печатное произведение Лѣскова появилось въ 1860 г. Это была корреспонденція изъ Кіева о «продажѣ Евангелія на русскомъ языкѣ по возвышеннымъ цѣнамъ». Появилась эта корреспонденція въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ произведеніяхъ самого Лѣскова есть указанія, что онъ въ юности не мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться писателемъ. Эта мысль даже не приходила ему въ голову: онъ только колебался, посвятить ли себя государственной или частной службѣ. Состоя агентомъ Шкота, онъ, понятно, велъ съ нимъ правильную корреспонденцію и въ своихъ письмахъ нерѣдко излагалъ свои впечатлѣнія въ такой интересной формѣ, что Шкотъ ими зачитывался и давалъ читать ихъ членамъ своей семьи и своимъ друзьямъ, въ томъ числѣ писателю Н. В. Селівалову. Послѣдній призналъ въ Лѣсковѣ значительныя литературныя дарованія, и такимъ образомъ покровители и друзья Лѣскова начали его побуждать дѣлиться своими впечатлѣніями и съ публикою.

Мы привели эти свѣдѣнія, встрѣчающіяся во всѣхъ некрологахъ Лѣскова, чтобы показать, что такъ-называемаго писательскаго зуда у Лѣскова въ юности не было, и что литературная слава въ то время его не прельщала. Онъ скорѣе усматривалъ свое жизненное призваніе въ томъ, чтобы въ сферѣ практической дѣятельности проявить воодушевлявшую его любовь къ ближнему и къ родинѣ. Но впечатлѣніе, которое произвели его письма, очевидно, заставило его призадуматься. Со всѣхъ сторонъ ему указывали на его литературное дарованіе. Упомянутая первая его корреспонденція имѣла успѣхъ. Даже кіевскіе профессора наставляли на томъ, чтобы онъ продолжалъ писать для печати. Новыя его статьи имѣли еще большій успѣхъ: Лѣсковъ сталъ самъ вѣрить, что у него есть талантъ. Предъ нимъ раскрывалась перспектива вліять на общество своимъ словомъ, и онъ чувствовалъ, что у него есть что сказать, есть на что обратить вниманіе.

Однако и тутъ скромность и неувѣренность въ собственныхъ силахъ, свойственныя петинному дарованію, заставляли его дѣйствовать очень осмотрительно. Онъ задавался только желаніемъ

указать на тѣ отрицательныя явленія, которыя онъ подмѣтилъ и которыя остались незамѣченными для другихъ. Такимъ образомъ первые печатные труды были только, какъ у насъ принято выражаться, «публицистическими» статьями, посвященными вопросамъ, съ положеніемъ которыхъ онъ ознакомился въ самой дѣятельности. Стоитъ только назвать эти вопросы, чтобы убѣдиться въ вѣрности этой мысли. Онъ писалъ о рабочемъ классѣ, наймѣ рабочихъ, искорененіи пьянства, винокуренной промышленности, переселеніи крестьянъ, полицейскихъ врачахъ, коммерческой службѣ, народномъ здоровіи. Мы видимъ, что все это вопросы, съ которыми онъ ознакомился, служа въ рекрутскомъ присутствіи, странствуя по Россіи по порученію казны или Шкота. Характерно однако для Лѣскова еще то, что главное его вниманіе направлено на народъ, и что онъ въ то же время затрогиваетъ вопросы наиболѣе животрепещущіе, наиболѣе важныя для народной жизни. Народное пьянство, переселенческій вопросъ, наемъ рабочихъ, народное здоровіе,—вотъ на что направлено вниманіе Лѣскова, и вотъ чѣмъ до сихъ поръ усленно занимаются лица, которымъ дорого народное благо. Нельзя не отмѣтить еще характернаго факта, что первая статья Лѣскова была посвящена вопросу о распространеніи Евангелія. Такимъ образомъ уже тутъ сказано во всей силѣ его міросозерцаніе, сложившееся въ дѣтствѣ и юности, получившее такое блестящее выраженіе во всей его литературной дѣятельности,—міросозерцаніе, основанное на глубокомъ альтруистическомъ чувствѣ.

Изучая явленія жизни въ этомъ духѣ и самъ начпная участвовать въ литературномъ движеніи, онъ сразу испытываетъ какую-то неудовлетворенность, и уже въ 1861 г. пишетъ статью о «неблагоприятномъ направленіи нѣкоторыхъ писателей», касается и бурнаго вопроса о женской эмансипаціи. Словомъ, онъ начинаетъ интересоваться и тѣми вопросами, которые возникали и усленно обсуждались въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ, но тотчасъ занимаетъ во всѣхъ этихъ вопросахъ самостоятельное положеніе: онъ не примыкаетъ, какъ многіе другіе, пассивно къ движенію, а старается руководить имъ, направить его въ русло, которое онъ считаетъ спасительнымъ.

Такъ онъ сразу вооружается противъ полемическихъ приемовъ и грубости литературныхъ правовъ, онъ обвиняетъ наше общество въ бездѣятельности, въ стремленіи жить исключительно на казенныхъ хлѣбахъ. Для него писать значило священнодѣйствовать, значило приносить все въ жертву общественной пользѣ. А что онъ видѣлъ вокругъ себя: полемичку, припимавшую характеръ площадной брани, удовлетвореніе личныхъ интересовъ, только прикрываемыхъ громкими фразами объ общественномъ благѣ. Печать какъ бы забывала, что Россія переживаетъ моментъ громадной исторической важности, когда старый строй рушится и замѣняется новымъ. Не того настроенія ожидалъ Лѣсковъ, когда изъ провинціи пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ всею душой примкнулъ къ «новымъ» людямъ, ожидая, что они одушевлены исключительно желаніемъ трудиться серьезно, съ забвеніемъ своей личности на столь внезапно открывшемся широкомъ поприщѣ. Не забудемъ, какое это было время. Россія только-что пережила 19-ое февраля, грандіозную реформу, какой еще не бывало въ ея исторіи. Существовали опасенія, что эта реформа не обойдется мирно; задача всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ друзей свободы и культурныхъ успѣховъ должна была заключаться въ томъ, чтобы вызвать успокоеніе умовъ въ такое время, когда было столько горячаго матеріала. А тутъ началось броженіе въ Польшѣ. Можно было опасаться возстанія въ этой части имперіи. Въ разныхъ мѣстахъ начались какіе-то злобѣщіе пожары. Въ центрѣ столицы огонь охватилъ громадную площадь, въ народѣ начались толки о поджогахъ. Понятно, что подозрѣніе толпы пало на тѣхъ, кто пострадалъ отъ только-что совершенной реформы, затѣмъ на поляковъ, но почему-то она стала подозрѣвать нѣкоторую часть интеллигенціи, учащуюся молодежь, студентовъ. Ихъ обвиняли громогласно на всѣхъ перекресткахъ. Легко себѣ представить, какъ эти обвиненія должны были подействовать на Лѣскова, только-что всею душой примкнувшаго къ «новымъ» людямъ и ожидавшаго отъ нихъ убѣжденнаго, горячаго содѣйствія задуманнымъ правительствомъ реформамъ. Онъ призналъ своимъ прямымъ гражданскимъ долгомъ рѣшительно выступить въ защиту учащейся молодежи, облить ее отъ стель

позорнаго поклена. Съ этою цѣлью онъ и помѣстилъ соотвѣтственную статью въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 143, 1862 г.). Въ статьѣ этой между прочимъ говорится: «Насколько основательны подозрѣнія въ народѣ и насколько умѣтны опасенія, что поджоги имѣютъ связь съ послѣднимъ мерзкимъ и возмутительнымъ воззваніемъ, приглашающимъ къ ниспроверженію всего гражданскаго строя нашего общества, мы судить не смѣемъ. Произнесеніе такого суда—дѣло такое страшное, что языкъ пѣмъ, и ужасъ охватываетъ душу. Но какъ бы то ни было, если бы и въ самомъ дѣлѣ петербургскіе пожары имѣли что-нибудь общее съ безумными выходками политическихъ демагоговъ, то они нисколько не представляются намъ опасными для Россіи. Скрываться нечего. На народъ можно разсчитывать смѣло, и потому смѣло же должно сказать: основательны ли сколько-нибудь слухи, появившіеся въ столицѣ о пожарахъ и о поджигателяхъ? Щадить адскихъ злодѣевъ не должно, но и не слѣдуетъ рисковать ни однимъ волоскомъ ни одной головы, живущей въ столицѣ и подвергающейся небезопаснымъ нареканіямъ со стороны неренеганскаго народа».

Смысль этой статьи такъ ясенъ, что повидному никакія недоразумѣнія тутъ невозможны. Лѣсковъ опасается, что студенты могутъ пострадать отъ народнаго гнѣва. Онъ настойчиво требуетъ, чтобы неосновательныя обвиненія были опровергнуты. Но онъ опасается еще другого: онъ опасается, что эти страшные пожары и толки о поджогахъ могутъ компрометировать великое дѣло задуманныхъ реформъ. Поэтому онъ считаетъ нужнымъ категорически заявить, согласно вышесказанному имъ широкому опыту, что «на народъ можно разсчитывать смѣло». Иначе конечно не могъ и не долженъ былъ выразиться человѣкъ, преданный освободительному дѣлу и знакомый съ условіями, въ которыхъ находилась Россія. Но, несмотря на ясность статьи, Лѣсковъ подвергся за нее цѣлому ряду незаслуженныхъ оскорбленій; его заподозрили въ отступничествѣ, злопамѣренности, въ желаніи натравить полицію на студентовъ... Мы не станемъ разсказывать здѣсь этой печальной исторіи. Она разсказана самимъ Лѣсковымъ въ его «Загадочномъ человѣкѣ», написанномъ восемь

лѣтъ спустя (1870 г.), когда онъ могъ болѣе или менѣе объективно отнестись къ этому въ настоящее время почти непонятному эпизоду первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности. Но мы считаемъ своимъ долгомъ обьявить память Лѣскова отъ другого обвиненія, которое еще до сихъ поръ возводится на него съ нѣкоторыхъ сторонъ, именно будто онъ въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности утратилъ хладнокровіе и подчинился духу озлобленія противъ тѣхъ, кто его тогда такъ незаслуженно оскорбилъ. Какъ на доказательство справедливости этого обвиненія ссылаются обыкновенно на романы: «Некуда», появившіеся въ 1864 г., и «На ножахъ», печатавшійся въ 1870 — 71 гг. Мы считаемъ своимъ долгомъ обьявить память Лѣскова въ этомъ отношеніи не только потому, что привыкли уважать его, какъ личность, но и главнымъ образомъ потому, что это обвиненіе можетъ заставить читателя отнестись къ такому капитальному произведенію, какъ «Некуда», не съ достаточнымъ вниманіемъ и съ неправильной точки зрѣнія.

Прежде всего надо принять во вниманіе, что самъ Лѣсковъ и не думалъ отрекаться отъ «новыхъ» людей послѣ этого печальнаго инцидента. Ровно черезъ годъ въ той же «Сѣверной Пчелѣ» появился фельетонъ Лѣскова, озаглавленный: «Н. Г. Чернышевскій въ его романѣ: «Что дѣлать». Въ этомъ фельетонѣ говорится: «Героевъ романа г. Чернышевскаго называютъ нигилистамъ. Однако между ними и личностями, надобившимъ всѣмъ и каждому своимъ нигилизмомъ, нѣтъ ничего общаго. Люди г. Чернышевскаго совѣмъ другіе, а это—фразеры; въ людяхъ г. Чернышевскаго прежде всего стремленіе дать благосостояніе возможно большому числу людей; въ нигилистахъ нашихъ общность интересовъ только на языкѣ, а на дѣлѣ жестокосердіе. Г. Чернышевскій заставляетъ дѣлать такое дѣло, которое можно сдѣлать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, отъ Корен до Лиссабона. Нужно только для этого добрыхъ людей, какіхъ вывелъ г. Чернышевскій, а ихъ, признаться сказать, очень мало».

Похоже ли это на отреченіе отъ новыхъ людей? И злѣйшій врагъ Лѣскова, если только онъ ихъ теперь имѣетъ, не рѣшится этого утверждать. Напротивъ, это не отреченіе, а скорѣе при-

зпаніе пзвѣстной солидарности. Отрекается Лѣсковъ только отъ несоостоятельныхъ, по его мнѣнію, элементовъ «молодой» Россіи. По самой партіи онъ въ лицѣ главнаго ея вожди выражаетъ сочувствіе,—выражаетъ импепно въ то время, когда его всячески поносятъ за его мнимое отступничество. Романъ же «Некуда» печатался въ 1864 году и написанъ позже фельетона о Чернышевскомъ, а «На ножахъ» — шесть лѣтъ спустя. Можно ли съ психологической точки зрѣнія допустить, чтобы озлобленіе возрастало, а не ослабѣвало съ теченіемъ времени? Вѣдь это слишкомъ исключительное явленіе, и ни одинъ трезвый умъ не повѣритъ, чтобы Лѣсковъ былъ больше озлобленъ, когда писалъ «Некуда», чѣмъ когда писалъ свой фельетонъ о Чернышевскомъ? Да такое предположеніе совершенно несоостоятельно и съ другой точки зрѣнія. Какъ мы сейчасъ выяснимъ, романъ и фельетонъ написаны совершенно въ одномъ духѣ. Какъ въ фельетонѣ проводится граница между «повыми» людьми, заслуживающими и незаслуживающими сочувствія, такъ и въ «Некуда» проведена совершенно та же граница, съ тѣмъ только различіемъ, что въ «Некуда» художественно и обстоятельно разъяснено то, что въ фельетонѣ только намѣчено и что соответствуетъ выраженному уже неоднократно раньше Лѣсковымъ элементарному житейскому правилу, что во всякомъ сословіи и классѣ, во всякой партіи есть дѣятели, заслуживающіе и не заслуживающіе сочувствія. Можно еще возразить, что и сочувственно изображенные въ «Некуда» новые люди, въ родѣ Райнера и Лизы, въ концѣ-концовъ осуждаются Лѣсковымъ. Но выведенные авторомъ «новые» люди не ограничиваются этими знаменитыми героями его романа; въ немъ найдутся и другіе «новые» люди, которымъ авторъ безусловно сочувствуетъ? А почему онъ признаетъ и Райнера, и Лизу дѣятелями бесполезными и даже вредными, несмотря на то, что онъ имъ горячо сочувствуетъ, какъ людямъ,— это и составляетъ канитальный вопросъ всего романа и объясняется не озлобленіемъ Лѣскова, а всеѣмъ его міросозерцаніемъ, сложившимся гораздо раньше, чѣмъ произошелъ отмѣченный нами печальный инцидентъ.

Читатели уже отчасти знакомы съ міросозерцаніемъ Лѣскова.

какъ оно сложилось подъ вліяніемъ тѣхъ богатыхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ во время дѣтства и молодости. Дѣятельная любовь къ ближнему, озаренная религіознымъ чувствомъ и умудренная житейскимъ опытомъ,—вотъ что составляетъ основу его душевной жизни. Когда онъ началъ писать, онъ сразу заботится о распространеніи евангелія и объ устраненіи того, что по его житейскому опыту главнымъ образомъ вызываетъ страданія народа. Крѣпостное право отмѣнено, надо позаботиться теперь о насажденіи образованія, о борьбѣ съ предрасудками, объ искорененіи пьянства. Все это—задачи первостепенной важности; все вниманіе интеллигенціи должно быть на нихъ направлено. Въдѣ интеллигенція и есть та сила, которая можетъ разсѣять мракъ невѣжества и всякихъ суевѣрій въ народѣ. Она призвана къ дѣятельности и должна дѣйствовать умѣло, осмысленно, трезво, въ полномъ сознаніи величія и отвѣтственности своей задачи. Крупная реформа совершена, предстоятъ другія, также очень значительныя. Это — дѣло законодателя. Интеллигенція же должна направить все вниманіе не только на эти реформы, но и на способы ихъ упроченія въ жизни. Ей открывается широкое поле дѣятельности; она должна подумать о средствахъ и способахъ.

Этимъ вопросомъ и занятъ Лѣсковъ. Онъ его ставитъ очень рѣшительно въ чудесномъ своемъ разсказѣ: «Овцебыкъ», напечатанномъ почти за годъ до появленія «Никуда». Кто главный герой этого разсказа? Сынъ сельскаго дьячка, выросшій въ горькой нуждѣ и несколько о себѣ не заботящійся. Онъ ищетъ все только евангельскихъ людей, возмущается «неправдой безсудной, обидой безмѣрной». Его сердце обливаема кровью при видѣ чужого страданія. Онъ ничего не читаетъ, кромѣ евангелія; журналовъ онъ терять не можетъ, мнитъ же онъ себя проповѣдникомъ слова Божья, ходить въ народъ, къ расколышникамъ; но во всемъ терпитъ неудачу. Никого онъ не просвѣщаетъ, ничью участь не облегчаетъ, приходитъ къ горькому разочарованію, становится посмѣшищемъ въ глазахъ народа и кончаетъ жизнь самоубійствомъ, постановивъ самъ надъ собою слѣдующій приговоръ: «Не въ ризѣ учитель—народу шутъ, себѣ—поношеніе, идевъ — нагубникъ. Я—татъ и, что дальне пойду, то больше сворую».

Поэтому онъ и прекращаетъ свою жизнь. А приказчикъ разбогатѣвшаго дѣловитаго мужика, бывшаго крѣпостного, у котораго послѣдніе дни своей жизни служилъ Овцебыкъ, проноситъ слѣдующій паде имъ приговоръ: «Ему—гнать, а вамъ жить, батюшка Александръ Ивановичъ». Самъ Овцебыкъ былъ того же мѣшя.

Мы видѣли уже, какимъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ воодушевился Лѣсковъ въ дѣтствѣ и молодости, и мы увидимъ еще, какъ развилось это чувство въослѣдетвіи. Лѣскова можно упрекнуть, въ чемъ угодно, но только не въ легкомысленномъ отношеніи къ евангелію и къ евангельскимъ истинамъ. И что же мы видимъ? Овцебыкъ,—человѣкъ, который читалъ только евангеліе, который все проникая его духомъ, который все отвергалъ, за исключеніемъ евангельскихъ истинъ, кончаетъ такъ печально, приходитъ къ роковому выводу, что вся его жизнь ничего не стоила. Кто однако рѣшится упрекнуть за это Лѣскова въ недостаткѣ религіознаго чувства, въ невѣріи, въ неуваженіи къ евангельскимъ истинамъ, которыя онъ ставилъ такъ неизмѣримо высоко? Почему же, когда Лѣсковъ изображаетъ намъ не Овцебыка, а Райпера или Лизу, мы его обвиняемъ въ томъ, что онъ кощунственно отнесся къ идеаламъ, которые были священны этимъ его героямъ и за которые они положили жизнь? Очевидно, что мы въ томъ и другомъ случаѣ мѣримъ разною мѣрою. Тотъ, кто осуждаетъ Лѣскова за «Некуда», долженъ бросить въ него камень и за «Овцебыка», иначе онъ нарушитъ элементарные законы логики или представитъ доказательства вопіющаго пристрастія.

Чѣмъ же однако объясняется эта логическая ошибка, если уже не говорить о пристрастіи? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, посмотримъ прежде всего къ дѣятельности Овцебыка. Онъ былъ сперва домашнимъ учителемъ, но выходило какъ-то такъ, что онъ ни на одномъ мѣстѣ ужиться не могъ. точь въ точь, какъ извѣстный уже читателямъ пѣмецъ-учитель Коза въ разсказѣ: «Томленіе духа». Все установленная жизнью формы его тяготили: онъ хотѣлъ сразу найти евангельскихъ людей, а такъ какъ ихъ не находилъ, то тотчасъ же удалялся отъ людей, встрѣченыхъ имъ на жизненномъ пути. И вотъ онъ началъ бродить въ

поискахъ за настоящими людьми. Аскетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не дорожащій ничѣмъ въ мірѣ кромѣ своей идеи, онъ жилъ почти, какъ птицы небесныя. Гдѣ же настоящіе люди? Онъ думалъ, что найдетъ ихъ среди раскольниковъ, и отправился куда-то на сѣверъ. Тамъ его постигло горькое разочарованіе. Онъ подчинился требованіямъ раскольниковъ до того, что даже сталъ жить съ какою-то дѣвушкою внѣ брака. Но все это ни къ чему не привело. Онъ потомъ самъ наивно рассказывалъ, что спасительнаго слова не услышалъ. Какое требовалось знакомство съ жизнью, чтобы вообразить, что онъ отъ раскольниковъ услышитъ сказочное: «Сезамъ, отворись!» Онъ ушелъ отъ нихъ, убѣдившись, что у нихъ только «тюрьма», что онъ только «байбаки дурацкіе, морочащіе людей своимъ секретничаньемъ». Одно у нихъ буквѣдство, — вотъ и все. Онъ возвращается на родину и поступаетъ послушникомъ въ одинъ изъ монастырей, въ пустынь. Но и тутъ съ нимъ происходитъ нѣчто неладное: онъ ведетъ съ богомольцами такія бесѣды, что его изгоняютъ изъ монастыря. И вотъ онъ поступаетъ къ дѣловитому мужику, Александру Ивановичу Свиридову. Тотъ вмѣстѣ съ женою всячески пристраиваютъ его къ дѣлу, хотя это очень трудно. Начнетъ Овцебыкъ говорить съ работниками о божествѣ, да и свернетъ вдругъ на господь, а чтобы придать больше выразительности своимъ словамъ, возьметъ онъ горсть гороху, да и разрежетъ ихъ по свиткѣ: «Вотъ это — говорить, — самый наибольшій король, а это, поменьше, — его министеры съ князми; а это, еще поменьше, — баре да купцы, да поны толстопузые; а вотъ это — на горсть-то показываетъ — это, говорить, мы, гречкосѣи». Да какъ этими гречкосѣями-то во всѣхъ въ принцевъ и въ поновъ толстопузыхъ шарахнутъ: все и сравняется. Куча станетъ. Народъ смѣется и говоритъ: «Должно быть, изъ комедіантовъ». Эта гороховая революція прошла для Овцебыка безслѣдно. Онъ самъ, какъ Неждановъ въ «Нови», писанной 13 лѣтъ спустя, извѣрился въ своихъ начинаніяхъ и кончилъ жизнь самоубійствомъ, понявъ, что онъ ничего не достигнетъ. Онъ всемъ представлялся шуткомъ, за исключеніемъ очень немногихъ людей, понявшихъ, какая въ немъ заключается нравственная сила и какой глубокой внутрен-

ній трагизмъ представляеть полное несоотвѣтствіе его возвышеннѣйшихъ идеаловъ, самоотверженнѣйшихъ чувствъ съ полною его неспособностью осуществить въ жизни хоть малѣйшую ихъ часть въ слѣдствіе совершеннаго незнакомства съ нею. Эта черта поражала и печалила Лѣскова еще до пріѣзда въ Петербургъ въ такихъ симпатичныхъ ему людяхъ, какъ Шкоты, которые, будучи даже пекуемыми практиками, часто вмѣсто добра дѣлали зло въ слѣдствіе своего незнакомства съ народнымъ бытомъ. А когда Лѣсковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, когда опъ тутъ на каждомъ шагу убѣждался, что за осуществленіе благихъ начинаній принимаются очень неумѣлю, что ищутся въ ходъ совершенно негодныя средства, которыя даже прямо могутъ компрометировать великую задачу, выпавшую на долю русской интеллигенціи, въ немъ это чувство окрѣпло, и опъ написалъ своего «Овцебыка», свое «Некуда». Не озлобленіе говорило въ немъ, а чувство разочарованія, опасеніе, что тѣ радужныя надежды, съ которыми опъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не сбудутся, и чѣмъ болѣе опъ присматривался къ столичной жпзни, чѣмъ быстрѣе шли событія и случились даже факты, которые заставили глубоко призадуматься и Герцена, тѣмъ сильнѣе становилось въ Лѣсковѣ желаніе приостановить это шествіе по наклонной плоскости, это пользованіе негодными средствами. Опъ сталъ высказываться все рѣзче и рѣзче и написалъ свое «На пожахъ». Вотъ чѣмъ объясняется, что послѣднее произведеніе, написанное черезъ восемь лѣтъ послѣ петербургскихъ пожаровъ, по содержанію и тону неумолимѣе по отношенію къ «новымъ» людямъ, чѣмъ «Некуда».

Чтобы подтвердить все сказанное, остановимся еще на основной идеѣ «Некуда». Выведенные въ этомъ романѣ «новые» люди распадаются на три категоріи. Широкою извѣстностью пользуются Райнеръ, Лиза, Помада; менѣе говорить о Розановѣ; совершенно игнорируютъ Масляиникова. А все это — «новые» люди, и разница между ними заключается въ томъ, что первые ведутъ борьбу по мысли автора совершенно негодными средствами, второй можетъ кое-чего достигнуть въ жпзни, а третій навѣрно достигнетъ въ жпзни многого. Этотъ Масляиниковъ — сынъ деревенскаго богача изъ крестьянъ. Отецъ его всецѣлю принадлежитъ

къ старымъ людямъ. Сыпь же его уже «новый» человекъ. Для чего онъ живетъ, — видно изъ заключительной главы романа. Въ «Овцебыкъ» безплоднымъ скитаніямъ идеалиста противопоставляется дѣловитость бывшаго крѣпостного Александра Ивановича, съѣздившаго за границу, чтобы запасть на практическими свѣдѣніями по своему дѣлу. О немъ Овцебыкъ говоритъ: «Некуда идти; вездѣ все одно; черезъ Александровъ Ивановичей не перескочишь». Но Александръ Ивановичъ заботится только о благосостояніи своей семьи и лицъ, наиболѣе ему близкихъ. Онъ самъ обогащается, обогащаетъ и другихъ, способствуетъ улучшенію экономическихъ условій, но идейная сторона въ его дѣятельности отсутствуетъ. А вотъ Масляшниковъ добивается, что въ его деревнѣ возникаетъ и больница, и ремесленная школа, и пожарная команда. Онъ интеллигенціи не боится, напротивъ онъ зоветъ ее къ себѣ, но только не такихъ людей, которые мужиковъ хотятъ облагодѣтельствовать несбыточнымъ. Онъ вліяетъ на крестьянъ: «У меня есть чѣмъ похвалиться: Боровковская волость составила приговоръ, чтобы больше уже не съѣлся». Вотъ къ чему стремится «новый» человекъ изъ народа съ положительными, осуществимыми идеалами, въ противоположность тѣмъ, которые «мутоврятъ народъ тотъ туда, тотъ сюда, а сами, ей право, великое слово тебѣ говорю, дороги никуда не знаютъ, безъ нашего брата не найдутъ ее никогда, все будутъ кружиться и все съѣсть будетъ некуда». Значитъ, Лѣсковъ въ своемъ романѣ съ одной стороны указываетъ на тѣхъ людей, которые, будучи воодушевлены наилучшими намѣреніями, ничего не достигнуть вълѣдствіе негодности избранныхъ ими средствъ, которымъ идти собственно «некуда», а съ другой стороны указываетъ на людей, которые хорошо знаютъ, «куда» идти, и на повѣрку оказывается, что теперь по этому пути идутъ всѣ благомыслящіе люди. Можно только сожалѣть, что петипыи смыслъ романа Лѣскова не былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству въ свое время. Если бы интеллигенція, какъ предлагалъ Лѣсковъ, направила всѣ свои усилія на то, чтобы достигнуть идеаловъ Масляшникова, можетъ-быть, позоръ тѣлеснаго наказанія былъ бы давно уже смытъ, Россія избавилась бы отъ того громаднаго ущерба, который наноситъ ей

народному хозяйству безконечные пожары, и школа и больницъ было бы гораздо больше, чѣмъ теперь. Но какъ бы то ни было, Лѣсковъ въ этомъ вопросѣ является единомышленникомъ Писемскаго, Достоевскаго, Гончарова и Тургенева, которые въ своихъ романахъ: «Взбаламученное море», «Бѣсы», «Обрывъ», «Повѣ» высказались въ томъ же смыслѣ. Лѣсковъ въ силу своего знакомства съ жизнью одинъ изъ первыхъ въ прекрасномъ художественномъ произведеніи указалъ путь, признанный вѣрнымъ такими писателями, которые составляютъ гордость нашей литературы.

IV.

«Некуда» и вызванная этимъ романомъ яростная полемика была для Лѣскова своего рода «огненнымъ крещеніемъ». Требовалось не мало гражданскаго мужества, чтобы въ то время выступить съ такимъ романомъ. Если бы Лѣсковъ дорожилъ только своею литературною славою, возможностью помѣщать свои произведенія въ лучшихъ и наиболѣе распространенныхъ журналахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ существовать безбѣдно, то онъ конечно бы своего романа не написалъ или по крайней мѣрѣ не напечаталъ. Но онъ хорошо знаетъ, на что идетъ: исторія съ петербургскими пожарами его вполне на этотъ счетъ просвѣтила, и тѣмъ не менѣе онъ счелъ своимъ долгомъ высказаться откровенно и рѣшительно. Его не остановили на этомъ пути самыя злостныя выходки противниковъ, а эти выходки превзошли всякую мѣру. Современный критикъ г. Венгеровъ называетъ тогдашній судъ надъ Лѣсковымъ «неумолимо суровымъ и въ значительной степени несправедливымъ». Дѣйствительно, Лѣскова называли шпиономъ; увлекающійся Писаревъ сомнѣвается, найдется ли въ Россіи хоть одинъ журналъ, который «осмѣлится» напечатать на своихъ страницахъ что-нибудь, выходящее изъ-подъ пера Стебницкаго (Лѣсковъ, какъ извѣстно, подписывалъ этимъ псевдонимомъ свои первые произведенія). Эти слова Писарева очень характерны: никто «не осмѣлится» напечатать дальнейшихъ произведеній Лѣскова. Это—своего рода угроза, загромождение. Печатать Лѣскова, какъ выражается дальше Писаревъ,

значить проявить «неосторожность» и быть «равнодушнымъ къ своей репутаціи». Послѣ угрозы слѣдуетъ совѣтъ позаботиться о себѣ, не подвергать себя очевидной опасности. Какой? Понятно, раздѣлить участь Лѣскова, т. е. быть изгнаннымъ изъ журналовъ и лишиться куска хлѣба. Лѣсковъ былъ поставленъ къ позорному столбу, и противъ него началась невѣроятная травля. Но онъ перенесъ это «огненное крещеніе», не сдѣлавъ своимъ противникамъ ни малѣйшей уступки, и вышелъ изъ него «рыцаремъ духа», человѣкомъ, готовымъ на все, чтобы отстаять свою святыню: свободу выказываться такъ, какъ ему велятъ совѣтъ и гражданскій долгъ.

Отречясь отъ своихъ убѣжденій Лѣсковъ не могъ и по другой причинѣ. Его убѣжденія не были чѣмъ-то наноснымъ, въ родѣ разныхъ модныхъ теорій, которыя такъ быстро смѣняются въ нашемъ обществѣ. То, что говорилъ Лѣсковъ, было плодомъ его широкаго знакомства съ жизнью. Если онъ утверждалъ, обращаясь къ идеалистамъ разнаго рода, исповѣдовавшимъ евангельскія истины или тѣ или другія социальныя и политическія теоріи, что имъ идти «некуда», то имъ дѣйствительно идти было некуда, потому что путь былъ ложный и велъ въ глухой переулокъ. Надо было избрать другой путь, быть-можетъ болѣе далекій, но несравненно болѣе вѣрный. Веѣмъ теперь извѣстно, что Лѣсковъ списалъ своего Райнера съ живой личности, съ некоего Бенин, идеалиста крайнихъ воззрѣній. Самъ Лѣсковъ въ своемъ «Загадочномъ человѣкѣ» изложилъ намъ біографію этого дѣятеля шестидесятихъ годовъ, и біографія эта лучше всякихъ разсужденій убѣждаетъ въ полной непригодности средствъ избранныхъ Бенин и однородными съ нимъ дѣятелями. Какъ мы видѣли, точно такую же картину полной непригодности средствъ изобразилъ намъ Лѣсковъ и въ «Овцебыкѣ» относительно осуществленія евангельскихъ истинъ. Принявъ все это во вниманіе, мы легко уяснимъ себѣ, по какому пути самъ Лѣсковъ пойдетъ въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ богатымъ житейскимъ опытомъ, извѣдидъ Россію вдоль и поперекъ, познакомился со всеми классами населенія, убѣдился, что условія очень несовершенны, что требуется усиленная работа

для ихъ персозданія. Въ Петербургѣ ему предлагали разные готовые теоріи крайне отвлеченнаго свойства; заимствованныя по большей части со стороны, изъ другихъ странъ людьми, очень мало знакомыми съ Россією. Средства, предлагавшіяся для осуществленія этихъ теорій, отличались по большей части крайне напыннымъ характеромъ. Въ «Овцебыкъ» и «Некуда» Лѣсковъ произнесъ краснорѣчивый и убѣдительный приговоръ надъ этими средствами. Но понятно на этомъ нельзя было остановиться. Такимъ образомъ предстояла задача подвергнуть критической оцѣнкѣ нарождающіяся новыя теоріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанovitъ ихъ приложимость къ жизни, вдуматься въ средства ихъ осуществленія.

Самыя благія начинанія терпятъ крушеніе, когда они не находятъ себѣ надлежащихъ исполнителей. Если это вѣрно по отношенію къ правительственной дѣятельности, то это не менѣе вѣрно и по отношенію къ дѣятельности общественной. Эта истина представлялась особенно ясно Лѣскову, какъ человѣку, глубоко изучившему русскую дѣйствительность. Поэтому, когда рѣчь заходила о той или другой теоріи, онъ немедленно задумывался надъ исполнителями и уметвепнымъ взоромъ охватывалъ ту безконечную галерею типичныхъ представителей нашего общества, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Эту галерею онъ распредѣлялъ по категоріямъ соотвѣтственно съ ихъ способностью осуществлять въ дѣйствительности идеальныя стремленія. А его суждъ относительно этой пригодности обуславливался общимъ его міросозерцаніемъ, основаннымъ, какъ мы видѣли, на дѣятельной любви къ ближнему. Быть-можетъ, Лѣсковъ больше вѣрилъ въ людей, чѣмъ въ тѣ или другія мѣропріятія. Въ дѣтствѣ и молодости онъ убѣдился, что при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ человѣкъ, воодушевленный чувствомъ дѣятельной любви къ ближнему, можетъ сдѣлать очень много добра. Настроеніе же русскаго общества было въ значительной степени противоположное: оно исходило изъ убѣжденія, что и хорошій человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать добраго при несостоятельныхъ условіяхъ, что благоприятныя условія родятъ хорошихъ людей. Это было глубокое несоотвѣтствіе взглядовъ: для нашего общества центръ тяжести

вопроса лежать въ подлежащихъ мѣропріятіяхъ; для Лѣскова— въ хорошихъ людяхъ или, какъ онъ ихъ называлъ, праведникахъ, понимая подъ этимъ терминомъ людей, не только воодушевленныхъ прекрасными намѣреніями, но и умѣющихъ ихъ осуществлять въ жизни. Указаніемъ на этихъ праведниковъ, на этихъ представителей дѣятельной любви къ ближнему исчерпывается значительная часть беллетристическихъ произведеній Лѣскова. Съ одной стороны онъ намъ рисуетъ цѣлый рядъ типовъ съ тѣми характеристическими чертами, которыя мы уже отмѣтили въ «Овцебыкѣ», съ другой— дѣятелей въ истинномъ значеніи этого слова. Затѣмъ онъ выводитъ еще третій типъ,— людей, которые при отсутствіи идеальныхъ стремленій сами устраиваются въ жизни способо, но причиняютъ другимъ много заботъ и страданій. Иногда дѣятелн этого типа приходятъ къ сознанию своей ошибки уже поздно, и тогда получается трагизмъ, который Лѣсковъ умѣетъ подчеркнуть съ поразительною художественною силой.

Остановимся теперь на этихъ трехъ типахъ, какъ они послѣдовательно изображены въ произведеніяхъ Лѣскова. Велѣдъ за «Некуда» появляея обширный его романъ: «Обойденные». Главный герой этого романа — Доляискій, человекъ недурной. Онъ принадлежитъ именно къ типу людей безъ опредѣленныхъ идеальныхъ стремленій и обусловленной ими жизненной задачи. Любовь, кончающаяся смертью горячо любимой дѣвушки, приводитъ его къ мнетицизму. Неустойчивость его чувствъ и стремленій прекрасно отгѣпена сознательностью, твердостью и цѣлесообразностью всѣхъ дѣйствій и всей жизни главной героини романа Анны Михайловны, которая въ такое повидимому безразличное съ нравственной точки зрѣнія предпріятіе, какъ модная мастерекая, умѣетъ вложить глубокое идеальное содержаніе. Она просто, безъ всякихъ фразъ, разрѣшаетъ вопросъ о женскомъ трудѣ, въ то время, какъ ея сестра, дѣвушка съ блестящими дарованіями, только губитъ свою жизнь, и сама прекрасно разъясляетъ причину своей гибели, говоря, что «сильные люди вывелнеъ». Ея сестра, живущая только для другихъ и умѣющая найтись въ жизни, является такимъ «сильнымъ» человекомъ.

Та же идея положена въ основу другого большаго романа Лѣскова: «Островитяне». Тутъ талантливый художникъ Истемпшъ, думающій только о себѣ, копчаетъ жизнь весьма печально. Любимал имъ дѣвушка, богато одаренная натура, находитъ душевный миръ послѣ безконечныхъ страданій, только когда посвящаетъ себя дѣятельной любви къ ближнему. А ея сестра, Ида, посвятившая себя истинно этой любви, хотя и не находитъ личнаго счастья въ ходячемъ смыслѣ этого слова, представляетъ картину необычайно гармоничной внутренней жизни и влагаетъ въ душу всѣхъ близкихъ ей людей тѣ чувства, которыя болѣе всего обезпечиваютъ человѣческое счастье. Въ концѣ романа она воспитываетъ дѣтей своего брата, ведетъ съ ними длинныя бесѣды, и «крѣпитъ дѣтскій духъ въ этихъ бесѣдахъ, и какъ шептунъ-трава тихо растутъ и вырастаютъ въ нихъ и рѣшимость, и воля, и воспитывается то, что далекий потомокъ можетъ — быть условится называть въ человѣкѣ прямою добродѣтелью гражданина». Противопоставленіе этой вассилье-островской пѣлки, дочери простаго токаря, воспитывающей людей въ истинно-гражданскихъ чувствахъ, дѣятелямъ, такъ много толковавшимъ о гражданскомъ долгѣ и такъ мало его исполнявшимъ, очень характерно для Лѣскова. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что, по его мысли, богато одаренныя натуры, пока онѣ ищутъ исключительно личнаго счастья, цѣли своей не достигаютъ, терпятъ крушеніе въ жизни и умираютъ съ сознаніемъ бесплодно прожитой жизни. Эта мысль такъ и просвѣчивается въ двухъ только-что указанныхъ романахъ Лѣскова.

Одновременно, то-есть тотчасъ же послѣ «Некуда», имъ написаны два очерка, въ которыхъ проводится та же мысль съ поразительною художественною силою по отношенію къ народной средѣ. Это—«Леди Макбетъ Мцескаго уѣзда» и «Вонительница». Второй очеркъ въ то же время—истинный перлъ художественнаго творчества.

Леди Макбетъ — провинціальная кучиха, совершающая рядъ преступленій, чтобы навсегда соединиться съ своимъ возлюбленнымъ и осчастливить его. Она цѣли не достигаетъ, попадаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь и, отвергнутая любовникомъ, коп-

часть жизнь самоубійствомъ. Этотъ очеркъ, написанный, какъ всегда у Лѣскова, съ большимъ знаніемъ бытовыхъ подробностей, производитъ сильное впечатлѣніе, но оно почти меркнетъ, сравнительно съ тѣмъ ужасомъ, который вызываетъ второй очеркъ «Воятельница» — это деревенская баба, торгующая въ Петербургѣ кружевами и при случаѣ занимающаяся и другими дѣлами: сблизаетъ мужчинъ и женщинъ для законнаго брака и для другихъ, менѣе законныхъ отношеній. Этотъ теперь уже исчезающій типъ очерченъ Лѣсковымъ съ поразительною рельефностью. Домна точно живетъ передъ вами. Такая она на видъ славная баба. Въ попеченіяхъ о другихъ нѣтъ конца. Руководствуется она во всемъ только чувствомъ «доброты», мнитъ себя настоящей христіанкой и при этомъ рассказываетъ съ невозмутимою простотою невѣроятныя мерзости. Она постоянно удивляется, что за ея «доброту» се то и дѣло постигаютъ напасти, и удивляется совершенно искренно, потому что мораль у нея своеобразная. Въ церковь она ходитъ, Богу молится, но въ сущности заботится лишь объ одномъ,—какъ бы прожить безбѣдно. Эта баба позволяетъ намъ бросить глубокій взглядъ въ народную жизнь. Она по натурѣ—человѣкъ недурной и одарена значительными способностями, но другого идеала у нея нѣтъ, кромѣ заботы о собственномъ благополучіи. Видитъ она всюду обманъ и ложь, и съ нею въ этомъ отношеніи дѣйствительно не церемонилась: ее обманывали и надунали, при случаѣ пестязали, и ей кажется, что она еще гораздо лучше другихъ людей, потому что, когда она, напримѣръ, ведетъ женщину, находящуюся въ крайности, на позоръ, то чувствуетъ къ ней нѣкоторое состраданіе, а та угощаетъ ее пощечинной. Противопоставленіе того, что происходитъ въ душѣ Домны и ея жертвы во время этой сцены, представляетъ такой блестящій психологическій анализъ, какой встрѣчается только у большихъ художниковъ. И вотъ эта-то баба наконецъ сама въ первый разъ въ жизни узнаетъ, что такое сильная привязанность. Любовь ея несчастна, и тутъ только передъ нею раскрывается завѣса того мрака, которымъ она была окутана всю жизнь. Святое чувство любви расплываемо, и Домна, всю свою жизнь только думавшая о накнвѣ, вдругъ становится

страдальцею, и сознание, что она могла испытать такое сильное горе, сближает насъ съ нею, заставляетъ насъ забыть всё ея грѣхи. Любовь къ ближнему, самоотверженіе, даже въ этой грубой формѣ, возвышаетъ, облагораживаетъ человѣка.

Сопоставляя эти два очерка съ разобранными нами романами, мы видимъ, что, независимо отъ сравнительныхъ достоинствъ всѣхъ этихъ произведеній, они внушены идеею и чувствомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ озлобленіемъ, будто бы вызваннымъ инцидентомъ съ «Некуда», но находящимся въ тѣсной связи съ міросозерцаніемъ Лѣскова, какъ оно сложилось еще въ дни дѣтства и юности. Сѣмена, тогда посеянные, даютъ иногда пышные ветходы, такіе цвѣты, какіе рѣдко встрѣчаются не только въ нашей, но и въ европейской литературѣ.

Слѣдующія по порядку произведенія Лѣскова, сатирическіе очерки: «Смѣхъ и горе» и народная легенда «Очарованный странникъ» еще болѣе насъ убѣждаютъ, что творчество Лѣскова представляетъ собою дерево, прямо выросшее изъ почвы и достигшее доступной ему вершины, безъ всякаго уклоненія въ сторону. Эти двѣ вещи по своей реальности, по неисчерпаемому богатству бытовыхъ чертъ не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онѣ написаны авторомъ, не только глубоко изучившимъ Россію, но и чуждымъ всякой тенденціозности. Жизнь какъ бы сама собою развертывается передъ вами, и пренебрегаясь къ ней, вы не знаете, — плакать или смѣяться, — такъ близко трагическое соприкасается съ комическимъ. Мы не можемъ доставить себѣ здѣсь удовольствія познакомиться читателя хотя бы только съ выдающимися частностями этихъ двухъ картинъ русской жизни; впрочемъ въ этомъ и не представляется надобности, потому что онѣ — въ его рукахъ. Для нашей задачи важно только отмѣтить общій выводъ, который получается при ихъ созерцаніи. О, Русь, это ты! Становой, углубившійся въ дебри философіи и не видящій, что у него происходитъ подъ носомъ, богатый помѣщикъ, весь ушедшій въ протестъ и доходящій въ этомъ отношеніи до комизма, до самыхъ непростительныхъ выходокъ, докторъ, не вѣрящій въ медицину, мпровой посредникъ, поощряющій народное образо-

ваніе тѣмъ, что берсгъ взятки нѣколами, либеральная губернаторша, проливающая слезы о томъ, что мужъ ея губернаторъ, а не редакторъ, губернаторъ, мечтающій о томъ, какъ бы выпоротъ всю Европу и учредить парижскую губернію, наконецъ самъ рассказчикъ, который, несмотря на добрыя свои намѣренія, ничего не можетъ сдѣлать, даже просто не можетъ разобраться во всемъ этомъ хаосѣ, въ этомъ невообразимомъ сумбурѣ! У людей, дѣйствующихъ въ жизни, бродягъ въ головѣ самыя разнообразныя религіозныя, политическія, общественныя, философскія идеи, если только они не жпвуть, какъ жандармскій офицеръ Постельниковъ, исключительно для удовольственія пизменныхъ инстинктовъ; но изъ всего этого ничего не выходитъ или выходитъ одно только уродство, потому что эти люди практической задачи себѣ не создали и постоянно уклоняются куда-то въ сторону. Если таковъ основной смыслъ очерковъ: «Смѣхъ и горе», то, читая «Очарованнаго странника», котораго мы назвали народною легендою и котораго вѣрнѣе было бы называть сборникомъ легендъ, написанныхъ въ чисто-народномъ духѣ и съ цензюстнымъ народнымъ юморомъ, мы убѣждаемся, что и въ пародіѣ вслѣдствіе той же причины гибнутъ и силы, и дарованія, и хорошія стремленія. Очарованный странникъ проявляетъ испещримый запасъ энергій, самоотверженія, честности, находчивости, но все это ни къ чему не приводитъ. Остается только сказать то, что сказалъ лѣбарь, лѣчившій его послѣ одного изъ безконечныхъ его похожденій: «Экій ты, братецъ, барабанъ. Били тебя, били, и ведъ никакъ еще не добьютъ».

Начертавъ эти мрачныя картины русской дѣйствительности, Лѣсковъ сгнѣшитъ указать на вѣрный по его мнѣнію выходъ изъ этого безотраднaго положенія. Въ семейной хроникѣ «Заху-далый родъ» онъ переноситъ читателя въ дореформенную Россію и показываетъ, какъ много могъ сдѣлать хорошій человекъ уже тогда, при сравнительно столь неблагоприятныхъ условіяхъ. Выведенная имъ въ этой хроникѣ княгиня Протозанова несомнѣнно является «праведницею» въ томъ смыслѣ, какой придаетъ Лѣсковъ этому слову. Основное правило ея жизни: «самъ въ себѣ человекъ уважай». Потерявъ еще въ молодости мужа, она всецѣло

посвятила себя воспитанію дѣтей и благу своихъ крестьянъ. Она безъ всякихъ фразъ достигла того, что дѣйствительно «вошла въ народъ или, какъ говорить, слплась съ нимъ». Всякой истиной бѣдѣ опа умѣла помочь, и «всѣ искали свѣта не въ городѣ, а въ Протозановѣ». Чрезвычайно любопытно ея столкновение съ графиней Хотѣтовой. Она не терѣла ни хажей, ни узкихъ патріотовъ, ни тогдашнихъ космополитовъ. Графиня поучала, что надо помнить Бога и молиться Ему; а княгиня добавляла: «безъ добрыхъ дѣлъ и молитва не пользуется». Графиня говорила, что надо умѣть себя сдерживать, поститься; а княгиня возражала: «Лошади никогда мяса не ѣдятъ, а все, какъ они скоты, то скотами остаются... самое главное о другихъ помнить». Графиня говорила о храмѣ Божиёмъ, чтобы «благотѣніе духъ возбуждало»; а княгиня прибавляла: «Надо бѣднымъ тяготы пообавить, а не гробы золотить и не башни строить; тогда скорѣе пачнется Христово царствіе». У нея слово не расходилось съ дѣломъ, деревни ея процвѣтали. Она копчила тѣмъ, что роздала все свое имущество крестьянамъ и поселилась нахлѣбницею у своихъ сыновей.

Можно сказать, что «Захудалый родъ» послужилъ началомъ цѣлаго ряда очерковъ, въ которыхъ Лѣсковъ началъ выводить «праведниковъ», то-есть идеально-пастроенныхъ людей, которые умѣютъ быть полезными въ жизни. Если онъ съ большою симпатіею изобразилъ намъ такихъ идеалетовъ, какъ Овцебыкъ, Райнеръ (Беня), Коза, Червевъ, Рагожпикъ и т. д.,—людей, которые, несмотря на возвышенное свое пастроеніе, ничего не достигаютъ и ведутъ жизнь бродячую, безпріютную, то его «праведники» наоборотъ—приносятъ другимъ несомнѣнную пользу и составляютъ тотъ классъ людей, которые сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію, двигаютъ незаметно, но вѣрно культурные уелѣхи. Въ нихъ воплощается плодотворная работа, болѣе всего обезпечивающая благополучіе родины. Разсказовъ, написанныхъ на эту тему, у Лѣскова не мало. Для нашей цѣли, однако, достаточно отмѣтить главные. Таковы: «Кадетскій монастырь», «Несмертельный Голованъ», «Пугало», «Фигура», «Дурачокъ», «Однодумъ», «Нигмей», хотя люди того же типа встрѣчаются, какъ мы видѣли и какъ мы еще увидимъ, и въ другихъ произведе-

пняхъ Лѣскова. Онъ беретъ ихъ изъ всѣхъ сферъ жизни. Вы тутъ встрѣтитесь и съ крестьянникомъ, живущимъ впроголодь, и съ купцомъ, и съ помѣщикомъ, и съ администраторомъ, и съ священникомъ. На нихъ Лѣсковъ останавливается съ особенною любовью, потому что они наиболѣе соответствуютъ его идеалу дѣятельной любви къ ближнему и потому что онъ эту любовь считаетъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ исцѣленія нашихъ общественныхъ недуговъ, въ томъ числѣ склонности увлечься фразами и теоріями, несообразными съ жизнью. Какъ бы для того, чтобы лучше отбѣсить свою мысль, онъ рисуетъ намъ еще типичную фигуру «Шерамура», человѣка, выбросившаго всѣ идеальныя стремленія за бортъ и поставившаго себѣ лозунгомъ короткое слово: «жрать». Какъ и крайніе идеалисты, онъ совершенно не умѣетъ пайтись въ жизни, выбить изъ колен и является характернымъ продуктомъ тѣхъ элементовъ нашей интеллигенціи, которые утратили почву въ жизни. Кончается онъ тѣмъ, что становится мужемъ престарѣлой содержательницы на-рижекаго кабака, которая за любовь даетъ ему «жрать» въ волю. Вотъ этимъ безпощадникамъ, будь они крайніе идеалисты, какъ Райнеръ, или крайніе матеріалисты, какъ Шерамуръ, Лѣсковъ противопоставляетъ своихъ «праведниковъ», крѣпко приросшихъ къ родной почвѣ и воплощающихъ каждый въ своей сферѣ великій законъ дѣятельной любви къ ближнему и этимъ вѣрнѣе всего содѣйствующихъ культурнымъ успѣхамъ народа. Эти люди не разсуждаютъ, не философствуютъ, не выступаютъ героями; они какъ бы совершенно забываютъ о себѣ и помнятъ только о ближнему. Возьмемъ для примѣра мужика Селвана въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ Лѣскова: «Пугало». Онъ жестоко провинился предъ людьми, — призрѣлъ всѣмъ отверженную дочь палача, женился на ней и, опасаясь людскаго презрѣнія, держался отъ всѣхъ въ сторонѣ. Онъ и сдѣлался для людей пугаломъ. Всѣ избѣгали его общества. Но онъ сумѣлъ сохранить въ душѣ своей, несмотря на общее нерасположеніе, доходившее по временамъ до ненависти, — свѣтлыя душевныя качества. Случай его выручилъ: онъ оказалъ услугу одной изъ тетокъ Лѣскова, проливши при этомъ рѣдкую честность, и судьба его измѣнилась.

По сколько лѣтъ онъ влачилъ самое жалкое существованіе, посвятивъ себя спасенію *одного* ближняго. Если бы ему дана была возможность заботиться о *многихъ*, сколько бы добра онъ сдѣлалъ! Въ такомъ положеніи находился «Однодумъ», Алексашка Рыжовъ, который случайно попалъ въ кварталныя, а затѣмъ и въ городничіе. Сколько онъ сдѣлалъ добра только тѣмъ, что воздерживался отъ удовлетворенія алчныхъ аппетитовъ прежнихъ полицейскихъ чшовъ! «Несмертельный Голованъ», пренебреженный любви къ ближнему, не боится страшной заразы и приходитъ на помощь крестьянамъ, служить имъ и при другихъ обстоятельствахъ словомъ и дѣломъ. Авторъ характеризуетъ людей этого рода слѣдующимъ образомъ: «Одушевляющая ихъ совершенная любовь ставитъ ихъ выше всѣхъ страховъ». Въ «Кадетскомъ монастырѣ» мы встрѣчаемъ уже людей, приравненныхъ къ дѣлу воспитанія молодежи. Предъ нами корпусъ николаевскихъ временъ, а если познакомиться съ тогдашними директоромъ, экономомъ и врачомъ этого заведенія, то можно только пожелать, чтобы во всякое время находились такіе дѣятелн. Черезъ руки эконома, напримѣръ, прошло 24 милліона, а его самого пришлось похоронить на казенный счетъ. Какую любовь, какое уваженіе внушали эти люди воспитанникамъ, и какъ они умѣли поддерживать въ нихъ человѣческія чувства!.

Но довольно объ этихъ «праведникахъ». Мы достаточно сказали, чтобы выяснитъ основную мысль автора. Знакомясь съ соотвѣтствующими разказами Лѣскова, читатель пойметъ, какое значеніе они имѣютъ для характеристики міросозерцанія Лѣскова.

У.

Уяснивъ себѣ общее міросозерцаніе Лѣскова, мы легко поймемъ и ту роль, которую онъ сыгралъ, какъ изслѣдователь нашей религіозной жизни и знаменитый бытописатель нашего духовенства и раскольниковъ. Какъ по своему происхожденію, такъ и по воспоминаніямъ дѣтства и молодости, онъ стоялъ очень близко къ духовной средѣ. Онъ былъ внукъ священника, воспитывался подъ непосредственнымъ вліяніемъ священниковъ, росъ въ городѣ, гдѣ жило очень много раскольниковъ самыхъ различныхъ толковъ,

до крайнихъ сектъ включительно. Все это неволью обращало вниманіе пытливаго и наблюдательнаго ребенка и юноши на религиозную жизнь нашего народа и общества. Мало того, наиболѣе сильныя дѣтскія впечатлѣнія у него связаны, какъ мы видѣли, съ религиозною жизнью. Образъ тети Полли и Гильдегарды навсегда врѣзался въ его память; онъ съ благодарностью до конца жизни вспоминалъ о своемъ законоучителѣ и другихъ священникахъ, вліявшихъ на него въ дѣтствѣ. Религіозное воздѣйствіе на него было, слѣдовательно, не одностороннее: Христосъ говорилъ съ нимъ черезъ посредство православныхъ священниковъ, лютеранъ, квакеровъ. Обративъ усиленное вниманіе на религиозную жизнь, онъ при своей впечатлительности и наблюдательности улавливалъ все отбѣнки религіознаго чувства и не пропускалъ случая основательно познакомиться съ бытомъ и правами представителей разныхъ религій, а случавшійся этимъ ему представлялось не мало и въ родномъ Орлѣ, и въ окрестныхъ усадьбахъ, и въ Кіевѣ, и во время служебныхъ разъѣздовъ по кіевской губерніи при странствованіи по Россіи въ качествѣ агента Шкота.

Такимъ образомъ и въ этой области у него накопился богатый запасъ наблюденій. Но, можетъ-быть, этотъ запасъ пропалъ бы даромъ или по крайней мѣрѣ не былъ бы разработанъ имъ въ такомъ совершенствѣ и съ такою полнотою, если бы все его міросозерцаніе не покоилось на религіозномъ фундаментѣ, на дѣятельной любви къ ближнему. Онъ всюду искалъ носителей этой любви. Понятно, что онъ ихъ искалъ особенно усердно въ той средѣ, которая по жизненному своему призванію обязана проявлять эту любовь и возбуждать ее въ другихъ. Произведенія Лѣскова, посвященныя описанію религіозной жизни и быта ея главныхъ представителей, слѣдовательно находятся въ самой тѣсной связи съ общимъ его міросозерцаніемъ и должны быть изучаемы съ этой точки зрѣнія; иначе мы ихъ никакъ не оцѣнимъ по достоинству. Въ сферѣ религіозной онъ искалъ, какъ въ общественной и общенародной жизни, носителей воодушевляющаго его глубокаго альтруистическаго чувства.

Мы видѣли уже, что нервнымъ его печатнымъ произведеніемъ

была статья о распространении Евангелія. Показъ въ водоворотъ тогдашней бурной петербургской жизни съ ея отрицаніемъ религиозныхъ пачалъ, онъ однако не подчиняется общему теченію, а продолжаетъ усердно заниматься вопросами религіи. Слѣды этой работы бросаются въ глаза и въ первыхъ его беллетристическихкихъ произведеніяхъ. Въ «Овцебыкъ» онъ даетъ мастерекую картину жизни въ пустынь, касается раскольниковьяго быта; въ томъ же году появляется его чрезвычайно интересное изслѣдованіе «О раскольникахъ города Риги», составленное по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, извѣстнаго Головинна. Въ «Некуда» онъ выводитъ симпатичный типъ игумена Агніи и одновременно рисуетъ намъ бытъ «людей древяго благочестія»; въ «Островитянахъ» изображаетъ крайне симпатичными чертами представителя совершенно иной религиозной секты—геригутера, и тотчасъ же принимается за классическое въ нашей литературѣ произведеніе «Соборіи»,—эту первую блестящую картину быта нашего православнаго духовенства и душевной борьбы, переживаемой лучшими его представителями.

Центральная фигура этой хроникки—провинціальный протопопъ Туберозовъ. Чтобы охарактеризовать его настроеніе, достаточно взять сцену, когда Туберозовъ видитъ, какъ полулицій Низинскій, прирѣвншій младенца дурочки Насти, обольщенной прохожимъ солдатомъ, стоялъ на лѣтницѣ утвержденного на столбахъ разсадника, погружалъ зерна и молился: «Боже, устрой и умножь и возрастъ на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и произволящаго, благословляющаго и неблагодарнаго». О. Туберозовъ вноситъ по этому поводу въ свои «потатки» слѣдующія слова: «Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! Этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился. Это можетъ быть гражданскою критикою не очищается, но это ужасно трагично. О, моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна!» Вотъ еще его взглядъ на проповѣдь: «Я ощущаю порой нѣчто на меня сходящее, когда любимый даръ мой ищетъ дѣйствія; мною тогда овладѣваетъ нѣкое, позволю себѣ сказать, священное безпокойство; душа тремещеть и горитъ, и слово падаетъ изъ устъ, какъ

уль горящій. Нѣтъ, тогда въ душѣ моей есть свой законъ цензуры... а они требуютъ, чтобы я вмѣсто живой рѣчи, направляемой отъ души къ душѣ, дѣлалъ риторическія упражненія... Я сей дорогой не хожу... Я изъ-подъ неволи не проиждивикъ».

Таковы основы религіознаго чувства о. Туберозова. Его дѣятельность — борьба съ тѣми, кто такого религіознаго чувства не признаетъ. Онъ предпочитаетъ, чтобы храмъ его былъ пустъ, чѣмъ чтобы онъ былъ наполненъ людьми, посѣщающими его по постороннимъ соображеніямъ, изъ чувства страха или по другимъ мотивамъ. О силѣ воздѣйствія о. Туберозова на людей можно судить по отношеніямъ, которыя устанавливаются между нимъ и дьякономъ Ахпллоѣ,—этимъ удалымъ казакомъ, по ошибкѣ попавшимъ въ духовныя особы, по натурѣ своей, молодецкой, буйной, совершенно неспособнымъ къ проявленію пастырскихъ добродѣтелей и постепенно перерождающимся подъ вліяніемъ о. Туберозова. Фигура дьякона Ахплла въ художественномъ отношеніи такъ же прекрасна, какъ фигура о. Туберозова—въ идейномъ. Надо ли разсказывать, чѣмъ кончилась глухая борьба, затѣянная протопопомъ? «Прости слѣпому роду его жестокосердіе»,—напутствуетъ его въ смертній часъ его товарищъ о. Захарія. А когда онъ умеръ, дьяконъ Ахплла въ первый разъ въ жизни проявилъ краснорѣчіе и судорожно пролепеталъ дрожащими устами: «Въ міръ бѣ, и міръ его не позна»—и вдругъ, не находя болѣе соответствующихъ словъ, побагровѣлъ и, какъ бы ловя высохшими глазами слова, начертанныя для него въ воздухѣ, грозно воскликнулъ: «по въззрять нашь его же пробоша»...

Такъ кончается жизнь о. Туберозова, цѣлкомъ ушедшаго въ исполненіе заповѣди о любви къ ближнему. Мы не станемъ останавливаться на другихъ типахъ, выведенныхъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи, потому что они встрѣчаются во многихъ произведеніяхъ Лѣскова и нами уже отмѣчены. Богатая помѣщица Марѳа Андреевна является разновидностью княгини Протозановой, осмѣянные въ хрѣстикѣ «новые люди» принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые преслѣдуютъ подъ личиною громкихъ фразъ эгоистическіе и своекорыстные интересы и т. д. Мы те-

перь хотимъ только выяснитъ, какъ основное міросозерцаніе Лѣскова отразилось на его изображеніи релігіозной жизни. Въ окончательной своей редакціи «Соборяне» появились въ 1872 году. Мысль, положенную въ ихъ основаніе, Лѣсковъ развиваетъ затѣмъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть названы перлами художественнаго творчества. Нарисовавъ картину быта православнаго духовенства, онъ въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ» рисуетъ намъ старовѣровъ, поклоняющихся буквѣ, формѣ, но не понимающихъ духа христіанскаго. Изумительно рельефна въ этомъ отношеніи фигура раскольника-старца Малахія, изображеннаго позднѣе Лѣсковымъ въ его «Печерскихъ антикахъ». Онъ ждетъ не дождется посрамленія своихъ враговъ и вѣрять, что при открытіи въ высочайшемъ приуединеніи новоотстроеннаго моста въ Кіевѣ, императоръ ослѣпитъ себя двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, и что тогда настанетъ часъ торжества раскольниковъ. Тѣмъ временемъ онъ моритъ голодомъ своего вѣрнаго слугу, такъ что тотъ умираетъ впоследствии отъ рака въ желудкѣ, проклявъ расколъ съ его мертвящимъ буквоедствомъ.

Борьба съ расколомъ, по мысли автора, можетъ быть успѣшна не на почвѣ вѣшняго принужденія, словопреренія, богословской казуистики, а лишь на почвѣ альтруистической. Когда старовѣры встрѣчаются съ людьми, проникнутыми этимъ духомъ, они невольно чувствуютъ къ нимъ симпатію или даже преклоняются передъ ними и признаютъ себя побѣжденными. Они уважаютъ и любятъ англичанина и его жену, проникнутыхъ духомъ вѣротерпимости и состраданія. Когда старовѣръ встрѣчаетъ отшельника Намву, проникнутаго тѣмъ же духомъ, онъ восклицаетъ: «Господи, дерзаю разсуждать: если только въ церкви два такіе челоуѣка есть, то мы пропали, ибо ей весь любовью одушевленъ». Еще рѣзче и въ дивной формѣ выражена мысль о спасительности дѣятельной любви къ ближнему въ очеркѣ: «На краю свѣта», въ которомъ авторъ беретъ просвѣщеннаго пастыря нашей церкви (позднѣйшаго архіепископа ярославскаго Пшла) и разсказываетъ съ его словъ, какой характеръ приняла его миссіонерская дѣятельность среди зырянъ. Мѣтныи монахъ относится къ

крещенію зырянъ какъ-то странно, какъ будто даже ему не сочувствуетъ, и архіерей никакъ не можетъ понять его настроенія до тѣхъ поръ, пока не видитъ, какъ совершается миссіонерская дѣятельность и невѣжественный зырянинъ не спасаетъ ему жизни, подвергаясь самъ страшной опасности. Фабула этого разсказа нѣсколько напоминаетъ написанный 20 лѣтъ спустя разсказъ графа Льва Толстого: «Хозяинъ и работникъ»; но только тутъ замерзаютъ архіерей и зырянинъ. Когда послѣдній спасаетъ архіерея, тотъ предается слѣдующимъ размышленіямъ: «Онъ бѣжалъ сутки конечно движимый не однимъ естественнымъ чувствомъ состраданія ко мнѣ, а дорожа воссоединеніемъ съ тѣмъ Хозяиномъ, Который сверху смотритъ. Что же я съ нимъ сотворю теперь? Возьму ли я у него эту религію и разобью ее, когда другой лучшей и сладостнѣйшей я лишень возможности дать ему, доколѣ слова путаютъ смыслъ смертнаго, а дѣлъ для плѣненія его показать невозможно? Неужто я стану страхомъ его пудить или выгодною защиты обольщать?.. Гдѣ мои средства его воспитать, его просвѣтить, когда нѣтъ ихъ, этихъ средствъ, и все какъ бы нарочито такъ устроено, чтобы имъ не быть въ моихъ рукахъ?.. Здѣсь печать, которую несвободной рукой не распечатаешь... Ей гряди, Христею, ей гряди Самъ въ сіе сердце чистое, въ сію душу смиренную, а доколѣ медлишь, доколѣ не изволишь сего, пусть мило ему будутъ эти снѣжныя глыбы его долинь, пусть въ свой день онъ скончается... Не мнѣ ставить въ колоды ноги его и преслѣдовать его стези, когда Самъ Сый написалъ перстомъ Своимъ законъ любви въ сердцахъ его и отвелъ его въ сторону отъ дѣлъ гнѣва».

Надо ли послѣ этого еще указывать на основную мысль «Искрещенаго попа»? Герой этого разсказа, православный священникъ Савва—воспитанникъ штундиста, вокругъ него вездѣ штундисты, но его церковь всегда наполнена молящимся православнымъ людемъ, потому что и въ его сердцахъ «написанъ законъ любви», потому что и онъ далекъ «отъ дѣлъ гнѣва».

Мы не имѣемъ возможности коснуться здѣсь другихъ произведеній Лѣскова изъ духовнаго быта, хотя они написаны съ тѣмъ же глубокимъ знаніемъ предмета и съ тою же поразительною

художественною правдою. Укажемъ для примѣра только на «Владычній судъ», гдѣ, какъ и въ «Некрещеномъ попѣ», высокій представитель нашей церкви дѣйствуетъ въ духѣ Христа и предотвращаетъ глубокую неправду. Но и въ этомъ отношеніи Лѣсковъ, какъ всегда, раскрываетъ не только положительныя, но и отрицательныя стороны изображаемой имъ жизни. Вотъ почему съ нимъ буквально повторилось въ 70-хъ годахъ, когда онъ особенно усердно занимался изображеніемъ нашей духовной среды, то, что съ нимъ случилось, когда онъ въ 60-хъ годахъ посвящалъ преобладающее вниманіе изображенію «новыхъ людей». Авторъ «Соборянь», «На краю свѣта», «Некрещенаго попа», въ полной мѣрѣ раздѣлилъ участь автора «Некуда» и «На пожарахъ». Правда, очевидно, глаза колетъ, и какъ Лѣсковъ въ 60-хъ годахъ не угодили либераламъ, такъ онъ въ 70-хъ не угодилъ консерваторамъ. Противъ него пущена была въ ходъ интрига. Прежде его признавали отъявленнымъ врагомъ молодежи, а теперь—«потаеннымъ и хитро-ласковымъ ингилистомъ». Этотъ новый походъ противъ Лѣскова стоилъ ему матеріальнаго обезпеченія, которымъ онъ пользовался, состоя на службѣ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. «Соборяне» обратили на себя милостивое вниманіе императрицы Маріи Александровны, но тѣмъ не менѣе, благодаря интригамъ, Лѣсковъ вынужденъ былъ отказаться отъ службы въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а въ 1883 г., вѣлѣдствіе указапія, что священники по назначенію бываютъ иногда не лучше священниковъ по избранію,—онъ былъ уволенъ «безъ прошенія» и со службы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Такое рѣзкое увольненіе отчасти было вызвано самимъ Лѣсковымъ, который не пожелалъ подчиниться установленной въ подобныхъ случаяхъ формѣ. Утверждаютъ, что ему легко было предотвратить этотъ ударъ, но что онъ этого не хотѣлъ, зная, что его отставка вызвана была желаніемъ до извѣстной степени стѣснить свободу сужденій, высказываемыхъ имъ печатно. Когда Лѣскову предстоялъ выборъ—пожертвовать личными своимъ интересамъ или свободою сужденій, онъ всегда приносилъ въ жертву первые. Такъ онъ по-

ступилъ въ дни молодости, такъ поступилъ и теперь: житейскій опытъ его въ этомъ отношеніи не умудрилъ. Онъ выше всего ставилъ честь писателя и выстраданныя имъ убѣжденія. Жертва, которую онъ приносилъ, была очень тяжелая, потому что у него не было другихъ средствъ къ существованію, кромѣ литературнаго труда, доставлявшаго ему скудное вознагражденіе, несмотря на блестящія дарованія, также потому, что онъ во всемъ и всегда хотѣлъ оставаться самимъ собою.

Разставшись съ казенною службою, онъ продолжалъ попрежнему обсуждать религіозные вопросы. Общество все рѣшительнѣе шло ему навстрѣчу. Вопросы религіи и нравственности начали успешно занимать общество, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ гр. А. Толстой, слѣдуя примѣру Лѣскова, начерталъ на своемъ знамени лозунгъ любви къ ближнему. Лѣсковъ конечно очень обрадовался такому вліятельному союзнику и въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей горячо его защищалъ противъ нападокъ съ разныхъ сторонъ. Одно время могло даже казаться, что Лѣсковъ и гр. А. Толстой пойдутъ рука объ руку, будутъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи, отчасти даже пользуясь одинаковымъ оружіемъ, то-есть воскрешеніемъ древне-христіанскихъ легендъ для распространенія въ нашемъ обществѣ христіанскихъ началъ. Дѣйствительно, Лѣсковъ написалъ цѣлый рядъ такихъ легендъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ несомнѣнныя художественныя достоинства и все проникнуты тѣмъ духомъ, который нашелъ себѣ такое яркое выраженіе въ о. Туберозовѣ. Сюда относятся такія общепзвѣстныя произведенія, какъ «Скоморохъ Намфалонъ», «Прекрасная Аза», «Аскалонскій злодѣй», «Гора» и т. д. Къ этому разряду легендъ относится, хотя она и не касается первыхъ временъ христіанства, и легенда: «Часъ воли Божіей». Возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы выяснитъ основную ихъ идею. Въ «Скоморохѣ Намфалонѣ» выводится столпникъ, 30 лѣтъ живущій въ столбѣ, послѣ того, какъ онъ роздалъ все свое богатство, ничего въ сущности не удовлетворявъ. Но и въ аскетическомъ своемъ подвигѣ онъ не находилъ настоящаго удовлетворенія. И вдругъ ему было видѣніе, что настоящій праведникъ — скоморохъ Намфалонъ. Столп-

никъ идетъ разыскивать его и къ своему удивленію видитъ, что Памфалонъ—настоящій скomorохъ, забавляющій даже гетеръ. Но этотъ скomorохъ отличается отъ столпника тѣмъ, что онъ «не находитъ времени думать о своемъ спасеніи, потому что ему приходится думать все о другихъ». Онъ постоянно раздастъ все, чтобы спасти ближняго, и самъ весь уходитъ въ дѣло оказанія помощи ближнему. Вернувшись на мѣсто своего аскетическаго подвига, столпникъ уже не входитъ въ столпъ, а посвящаетъ себя служенію мѣстнымъ жителямъ. Таковъ же содержаніе легенды о «Совѣтномъ Данилѣ», который находитъ себѣ успокоеніе только тогда, когда перестаетъ «мечтать о подвигахъ, смотритъ ниже», ухаживаетъ за прокаженными, служить чѣмъ можетъ людямъ. Такова и судьба прекрасной Азы. Она выросла въ богатствѣ, но пожертвовала все свое состояніе, чтобы спасти бѣдняка. Будучи сама неспособна къ труду, она, побуждаемая голодомъ, становится блудницею. Но именно за свой подвигъ, за отреченіе отъ всего для ближняго, спасается, хотя она и не удостоилась крещенія. По мысли автора, духъ всегда стоитъ выше формы. Другія героини его легендъ, — Тенія и Нефора, подобно Азѣ, хотя и язычницы, но болѣе достойныя женщины, чѣмъ другіе христіане. Основная мысль Лѣскова выражена яснѣе всего въ сказкѣ: «Часть волнъ Божіей», гдѣ «важнѣйшимъ часомъ признается теперешній; нужнѣйшій человекъ — тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло пмѣешь, а самымъ дорогимъ дѣломъ будетъ добро, которое мы можемъ сейчасъ сдѣлать человеку». Мы видимъ, слѣдовательно, что эти легенды и сказки по духу и настроенію совершенно соответствуютъ тому, что Лѣсковъ проповѣдывалъ въ началѣ своей литературной дѣятельности: спасаетъ не теорія, не идея, а живое дѣло, направленное къ обезпеченію блага ближняго.

Несмотря, однако, на это видимое совпаденіе основы міросозерцанія Лѣскова съ идеями, которыя такъ рѣшительно сталъ проповѣдывать гр. Толстой въ 80-хъ годахъ, союзники очень скоро разошлись, и этому удивляться, конечно, нельзя. Проповѣдуя любовь къ ближнему, гр. Толстой работаетъ на совершенно иной пивѣ, чѣмъ Лѣсковъ. Если послѣдній кладетъ въ

основу своей практической программы дѣятельную любовь къ ближнему, то онъ при этомъ нисколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни. Для него легенды изъ первыхъ временъ христіанства служатъ, такъ-сказать, только аллегоріями. Онъ желаетъ, чтобы современный человекъ проникся духомъ, господствовавшимъ въ тѣ времена, и вдохнулъ этотъ духъ въ современные формы жизни, которыя Лѣсковъ признаетъ неизмѣримо выше прежнихъ. Онъ ничего ломать не хочетъ, онъ добивается только дальнѣйшаго усовершенствованія, а возможность этого усовершенствованія усматриваетъ именно въ самоотверженной любви къ ближнему. Графъ же Толстой, указывая на первые времена христіанства, на разныхъ святыхъ и мудрецовъ, увлекается не только духомъ, господствовавшимъ въ тѣ отдаленныя времена, но и тогдашними формами жизни; онъ отвергаетъ всю современную цивилизацію и въ этомъ отношеніи немного напоминаетъ Овцебыка, не имѣвшаго почти никакихъ потребностей современнаго культурнаго человека, отвергавшаго и книги, и журналы, читавшаго только евангеліе, относившагося съ пренебреженіемъ къ господствующимъ формамъ труда и провозглашавшаго: «сердце мое не терпѣтъ этой цивилизаціи, этой нобилизаціи, этой стерворизаціи» и, когда ему говорили: «да что жъ ты подѣлаешь»,—восклицалъ: «о, когда бы я зналъ, что съ этимъ можно сдѣлать. О, когда бы это знать!.. Я на ощупь иду».

Лѣсковъ съ грустью взиралъ на Овцебыка и своею мастерскою кистью изобразилъ намъ несчастную судьбу этого человека, который, отрѣшившись отъ существующихъ формъ жизни, былъ выброшенъ изъ нея, какъ элементъ негодный, хотя стремленія его были такъ возвышенны, любовь—такъ горяча. Лѣсковъ не только не предлагалъ разрушать существующія формы цивилизованнаго общества, а напротивъ всячески приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе напряженныхъ усилій человѣчества въ теченіе тысячелѣтій. Такимъ образомъ союзъ между Лѣсковымъ и гр. Толстымъ не могъ быть проченъ, и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній («Зимній день») онъ осмѣиваетъ, какъ прежнихъ «новыхъ» людей, которые въ

свое время «все собирались Бокля читать», такъ и нынѣшнихъ «непротивленцевъ», которые все «собираются что-то дѣлать». Несмотря на все свое уваженіе къ гр. Толстому, онъ не могъ не убѣдиться, что его сторонники, какъ и прежніе нигилисты, ни разрушить, ни создать ничего не могутъ, а пробавляются только одними фразами, пересодѣваніями, а если повидному что-то дѣлаютъ, то это дѣло оказывается совершенно безплоднымъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ подъ конецъ жизни боролся противъ стараго врага въ новой личнѣ.

VI.

Для полной характеристики Лѣскова мы должны коснуться еще одной стороны его литературной дѣятельности. Мы видѣли, какъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ близко примыкаетъ къ живой дѣйствительности, какъ онъ ею интересовался, какъ близко принималъ къ сердцу всѣ ея злобы. Въ этомъ смыслѣ Лѣскова можно смѣло назвать публицистомъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ публицистической дѣятельности. Нельзя перечислить всѣхъ вопросовъ, которые его занимали въ этомъ отношеніи. Его изслѣдованій по расколу и старообрядчеству особенно много. Не менѣе часто онъ писалъ о церковныхъ вопросахъ, о семипаріяхъ, о преподаваніи закона Божьяго, о разводѣ, о разныхъ сектахъ, о великовѣтскомъ расколѣ (Редстокъ и Пашковъ), о религіозномъ движеніи въ фабричной средѣ. Очень часто онъ затрогивалъ остзейскій вопросъ. Первый обратилъ вниманіе на прокаженныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы даже смѣло можемъ сказать, что не было крупнаго вопроса за все время его литературной дѣятельности, который онъ не старался бы освѣтить съ своей точки зрѣнія. Особенно кипучую дѣятельность въ этомъ отношеніи онъ проявилъ въ 80-хъ годахъ. Заходила ли рѣчь о германскихъ социалистахъ, о возможности войны, о народныхъ театрахъ, о Саррѣ Бекеръ и Семеновой, о буддизмѣ, о нищихъ дѣтяхъ, объ отцѣ Иоаннѣ, о заграничныхъ паспортахъ, — онъ всегда находилъ сказать дѣльное слово, иллюстрировать всѣ эти вопросы примѣрами изъ живой дѣйствительности.

Послѣ всего вышеназложеннаго не трудно себѣ уяснить, каковъ

былъ характеръ этой публицистической дѣятельности Лѣскова. Всякій возникшій вопросъ возбуждалъ въ немъ рядъ воспоминаній, потому что запасъ этихъ воспоминаній былъ у него очень великъ. Онъ освѣщалъ настоящее прошлымъ, какимъ-нибудь интереснымъ случаемъ, непосредственно взятымъ изъ жизни и разсказаннымъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Такимъ образомъ, публицистика и беллетристика постоянно у него сливались. Онъ словно не могъ иначе думать, какъ только при посредствѣ фактовъ изъ жизни, разныхъ случаевъ, образовъ, запечатлѣвшихся въ его воспримчивой памяти. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, тотчасъ же возникало воспоминаніе, тотчасъ же теоретическія соображенія подкрѣплялись разными случаями изъ жизни. Даже филологическія замѣтки, въ родѣ, напримѣръ, замѣтки о происхожденіи слова «ерунда», превращались у него въ два занимательныхъ разсказа, изъ которыхъ одинъ подкрѣплялъ происхожденіе этого слова отъ латинскаго «герундіумъ», а другой—отъ нѣмецкихъ словъ: hier und da.

Этотъ способъ поясненія своей мысли особенно сильно проявлялся при обсужденіи общественныхъ вопросовъ, относительно которыхъ онъ имѣлъ такой богатый запасъ воспоминаній. Благодаря необычайному мастерству повѣствовательной формы, разсказы эти были всегда занимательны, тѣмъ болѣе, что Лѣсковъ очень часто пользовался столь доступною широкой публикѣ анекдотическою формою. Но онъ лишь въ очень исключительныхъ случаяхъ разсказывалъ анекдоты, такъ-сказать, изъ любви къ искусству: онъ пользовался ими либо, чтобы привлечь вниманіе читателя къ тому или другому вопросу, заинтересовать его, либо для того, чтобы выказать свою мысль въ наиболѣе безобидной формѣ. Лѣсковъ можно назвать выдающимся русскимъ анекдотистомъ, но только именно въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ писателя, пользующагося анекдотомъ для проведенія въ общество тѣхъ или другихъ мыслей, убѣжденій.

Самъ Лѣсковъ далъ нѣкоторымъ изъ своихъ произведеній общее заглавіе: «Разсказы кетати». Но подъ это заглавіе могутъ быть подведены и многіе другіе именно въ томъ смыслѣ, что онъ по поводу того или другого возникшаго вопроса разска-

зываетъ что-нибудь кетати, при чемъ выясняется и его отноше-
ніе къ этимъ вопросамъ. Такимъ образомъ возникло не одно
беллетристическое произведеніе, но большей части изложенное
въ формѣ воспоминаній. И дѣйствительно, это перѣдко—воспо-
минанія, такъ что авторъ даже не скрываетъ ни мѣста дѣйствія,
ни фамилій дѣйствующихъ лицъ, или же прикрываетъ ихъ весьма
прозрачными псевдонимами. Но при тонкой наблюдательности
Лѣскова, при его изумительномъ умѣнии разсказывать, отмѣчать
интересныя положенія и типическія личности, всѣ эти произ-
веденія не только занимательны, но часто отличаются большимъ
художественными достоинствами. Авторъ хочетъ осмѣять модный
спиритизмъ, и у него получается такая пренебреженная безно-
добрнаго юмора вещь, какъ «Духъ г-жи Жанисъ». Заходитъ
рѣчь о настроеніи современныхъ инженеровъ.—Лѣсковъ противо-
поставляетъ ему нѣсколько примѣровъ изъ прошлаго, часто по-
рицаемаго и тѣмъ не менѣе представлявшаго и много свѣтлыхъ
сторонъ, въ разсказѣ: «Инженеры-безеребренники». Жизнь вы-
двигаетъ вопросъ о нашихъ торговыхъ правахъ,—является
трилогія: «Отборное зерно», въ которой авторъ разъясняетъ при-
чины печальнаго состоянія этихъ правовъ. Проявляется въ на-
шемъ обществѣ склонность къ святошеству,—и Лѣсковъ пишетъ
свою «Маленькую ошибку» или глубоко задуманный «Зимній
день». Разражается голодъ,—и наша литература обогащается
такою потрясающею картиною, какъ «Юдоль». Всѣ эти произ-
веденія не только многое разъясняютъ, представляя собою тонкое
наблюденіе надъ жизнью, но и внушаютъ намъ чувство бодрости:
сравнивая настоящее съ прошлымъ, мы видимъ, что недавно еще
общиія условія были гораздо хуже, но что и тогда уже были
борцы, которымъ мы обязаны послѣдовавшимъ улучшеніемъ, что
наше вниманіе должно быть главнымъ образомъ направлено на
то, чтобы и теперь такіе борцы были, потому что бороться
стоитъ, потому что борьба, вѣрно направленная, т. е. веденная
при помощи надлежащихъ средствъ, приводитъ къ цѣли. Лѣсковъ
кончатъ свою жизнь въ такое время, когда многими овладѣла
пострація; противопоставляя современности недавнее прошлое,
опъ живыми примѣрами убѣждалъ, что нѣтъ никакого основанія

падать духомъ, что многое уже достигнуто и будетъ достигнуто еще большее, если мы отрѣшимся отъ безпочвенности, отъ безплоднаго уметвовапія и будемъ энергически работать въ жизни для жизни.

Закатъ дней Лѣскова совпалъ и съ сильнымъ обостреніемъ національнаго вопроса. Надо ли указывать, въ какомъ духѣ онъ обсуждалъ этотъ вопросъ, привыкнувъ уже съ дѣтства различать въ людяхъ разныхъ національностей, каковъ бы ни былъ ихъ ви́шній обликъ, какъ бы они ни молились Богу, прежде всего человѣка. Англичанка Гильдегарда, нѣмецъ Коза научили его вмѣстѣ съ православнымъ священникомъ вѣрить въ Бога, когда онъ былъ ребенкомъ. Ребенкомъ же онъ научился различать человѣка подъ оболочкою раскольника. Когда онъ подросъ, онъ то и дѣло встрѣчался съ евреями и поляками. Русскій ученый научилъ его думать объ общественныхъ вопросахъ; англичанинъ Шкотъ показалъ ему пагляднымъ примѣромъ, какъ можно съ успѣхомъ трудиться въ русской дѣятельности. Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ жилъ нѣкоторое время за границею, присматриваясь къ тамошнимъ людямъ и порядкамъ; затѣмъ еще нѣсколько разъ побывалъ за границею, внослѣдствіи проводилъ лѣто то въ Финляндіи, то въ остзейскихъ губерніяхъ: подъ Рпгою, Ревелемъ, въ Арнебургѣ, Мерскюльѣ. И, какъ въ дѣтствѣ онъ своею воспримчивою душою сразу уловилъ, что было прекраснаго въ нѣмцѣ Козѣ или англичанинѣ Гильдегардѣ, такъ онъ внослѣдствіи, при наблюдательномъ своемъ умѣ и благо-расположеніи ко всѣмъ людямъ, умѣлъ отличать въ представителяхъ каждой національности то, что въ немъ было хорошаго, и то, что ему мѣшало быть хорошимъ. Если Лѣсковъ къ собственнѣй своей странѣ и къ собственному своему народу, благополучіе которыхъ были ему дороже всего на свѣтѣ, относился подчасъ сурово, любящею рукою клеймилъ его недостатки, желая видѣть его болѣе совершеннымъ, то онъ указывалъ и на недостатки другихъ народовъ, но не для того, чтобы превознести собственный, а для того, чтобы добиться нормальной совмѣстной ихъ жизни тамъ, гдѣ Богъ судилъ имъ жить вмѣстѣ и разрѣшать общія задачи. Онъ часто указывалъ на національные недостатки

евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, но противопоставлялъ имъ наши собственные недостатки и такимъ образомъ выяснялъ истинныя причины существующихъ разногласій. Въ разсказѣ «Антука» онъ добродушно подсмѣивается надъ польскимъ возстаніемъ, а въ разсказѣ «Русскій демократъ» въ остроумной формѣ указываетъ на причины нашихъ неудачъ въ Польшѣ, зависящихъ отъ насъ самихъ. Къ этимъ двумъ разсказамъ присоединяется третій: «Интересные мужчины», изъ котораго ясно видно, какъ далеко авторъ отъ чувства національнаго антагонизма. Разсказъ «Колыванскій мужъ» убѣждаетъ читателя, какъ трезво относился Лѣсковъ къ остзейскому вопросу и какимъ горячимъ онъ былъ одушевленъ желаніемъ рѣшить этотъ вопросъ не въ духѣ Аксакова, а съ соблюденіемъ требованій справедливости по отношенію ко всемъ заинтересованнымъ сторонамъ. Въ разсказѣ «Дама и Фефѣла», собственно посвященномъ указанію на истинныя основы счастливой супружеской жизни, онъ мимоходомъ выводитъ симпатичный типъ финскаго простолюдина. Наконецъ, когда онъ касается еврейскаго вопроса, то часто не щадитъ евреевъ, указывая на ихъ отрицательныя стороны («Ракуманскій Меламедъ», «Владычный судъ»), но какъ въ послѣднемъ изъ этихъ разсказовъ онъ умѣетъ возвыситься до чувства полной справедливости, такъ онъ въ «Сказаніи о Федорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ» затрагиваетъ такія струны, которыя звучать въ сердцахъ, глубоко проникнутыхъ изреченіемъ: «иѣсть эллина, ни іудея» и «оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ брато-ненавидѣнія и злопомненія». Христіанинъ Федоръ и еврей Абрамъ послѣ цѣлаго ряда злоключеній, послѣ дружбы въ дѣтствѣ и позднѣ жестокой ссоры основываютъ пріютъ для «всѣхъ бѣдныхъ дѣтей всѣхъ вѣръ безъ разлчія, чтобы они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, и приходили туда христіанинъ и еврей, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о ближнихъ заботясь, мнилп, яко единую и согласную службу приносить всѣхъ сотворившему Богу».

Чтобы въ заключеніе упомянуть еще о двухъ произведеніяхъ Лѣскова, которыхъ мы въ предыдущемъ вовсе не касались или коснулись лишь вскользь, мы укажемъ еще на «Сказъ о туль-

скомъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ» и на разсказъ: «Загонъ». Первый изъ нихъ по чисто-народной своей формѣ, богатству бытовыхъ чертъ является однимъ изъ лучшихъ произведеній Лѣскова этого рода и можетъ быть сопоставленъ только съ «Очарованнымъ странникомъ». Въ немъ звучитъ патриотическая нотка, но онъ въ то же время представляетъ поразительный контрастъ съ разсказомъ «Загонъ», гдѣ по поводу толковъ объ отсталости нашего сельскаго хозяйства Лѣсковъ рисуетъ петнистую причину этой отсталости, въ значительной степени коренищуюся въ самомъ народѣ. Такимъ образомъ и тутъ Лѣсковъ умѣетъ возвыситься до безпристрастнаго отношенія къ собственному народу, изображая его отрицательныя и положительныя стороны и мѣря всѣхъ равною мѣрою, какъ своихъ, такъ и чужихъ. Трезвость мысли у Лѣскова всегда преобладаетъ: онъ менѣе всего тенденціозный писатель, хотя и не понимаетъ другого искусства, кромѣ находящагося въ связи съ общественными задачами. Его возвышенный взглядъ на этотъ предметъ изложенъ, какъ извѣстно, въ «Чортовыхъ куклахъ».

VI.

Намъ остается еще опредѣлить мѣсто, которое Лѣсковъ занимаетъ въ нашей литературѣ.

Первое его печатное произведеніе, какъ мы видѣли, появилось въ 1860 г., когда ему было почти уже 30 лѣтъ; онъ сразу принялъ самое дѣятельное участіе въ движеніи этого времени; слѣдовательно, его по всей справедливости можно назвать писателемъ шестидесятыхъ годовъ. Но между писателями этой эпохи онъ занимаетъ своеобразное мѣсто, потому что онъ подчинился движенію этого времени только въ извѣстномъ смыслѣ и отвергъ его въ другихъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ Салтыковъ, хотя писалъ и составилъ себѣ даже довольно громкую литературную извѣстность уже раньше, является самымъ яркимъ представителемъ движенія шестидесятыхъ годовъ, какъ оно выразилось въ нашей журналистикѣ, Лѣсковъ отсталъ отъ него прежде, чѣмъ успѣлъ окончательно къ нему присоединиться. Салтыковъ относился отрицательно и критически ко всему, за исключеніемъ

того, что составляло сущность движенія въ указанномъ смыслѣ; Лѣсковъ началъ свою литературную дѣятельность съ отрицанія этого движенія. Русское образованное общество теперь все болѣе приходитъ къ сознанію, что оба эти писателя имѣютъ большія заслуги передъ литературою и родною, а между тѣмъ ихъ убѣжденія повидимому совершенно противоположны.

Какъ это объяснить?

Имя Салтыкова окружено легендою. Что думать Салтыковъ, — объ этомъ говорить рано; мы должны судить его, какъ и Лѣскова, только по его произведеніямъ. Если же ограничиться однимъ произведеніемъ Салтыкова, то мы должны будемъ признать, что его литературная дѣятельность является прямымъ продолженіемъ дѣятельности Гоголя въ его двухъ капитальнѣйшихъ произведеніяхъ: «Ревизоръ» и «Мертвыхъ душахъ». Никто изъ русскихъ писателей истекающаго вѣка не осмѣялъ наше общество такъ жестоко, какъ осмѣялъ его Гоголь. Салтыковъ, обладавшій изумительнымъ сатирическимъ талантомъ, является прямымъ послѣдователемъ этой стороны дѣятельности творца «Мертвыхъ душъ». Нуждалось ли, однако, наше общество въ этомъ смѣхѣ надъ самимъ собою? На первый разъ несомнѣнно: этотъ смѣхъ удовлетворялъ очень сильной его потребности. Въ эпоху переходную, когда происходитъ переломъ, когда общество ищетъ новыхъ идеаловъ взамѣнъ старыхъ, отжившихъ свое время, критическое отношеніе къ послѣднимъ, а при случаѣ и ихъ осмѣяніе соответствуетъ глубокой общественной потребности. Все, кто желаетъ поскорѣе отрѣшиться отъ прошлаго, жить для будущаго, съ восторгомъ привѣтствуютъ писателя, который не падаетъ прошлаго и осмѣиваетъ тѣхъ, кто, по мнѣнію смѣющихся или на самомъ дѣлѣ, его поддерживаетъ. Этотъ смѣхъ, насколько онъ дѣйствительно направленъ противъ того, что должно рушиться, можетъ быть признанъ благотворнымъ и вполне законнымъ. И мы видимъ, что Салтыковъ и Лѣсковъ идутъ въ этомъ отношеніи рука объ руку. Кто читалъ «Смѣхъ и горе» или «Загонъ» Лѣскова, признаетъ его не только единомышленникомъ Салтыкова, но и родственнымъ ему дарованіемъ по силѣ и глубинѣ сатирическаго пастросія, по необычайному искусству, съ какими

они оба умѣли выставлять отрицательныя стороны русской дѣйствительности. Между ними найдется и много другихъ точекъ соприкосновенія. Сатирическое ихъ настроеніе не исключало священнаго трепета, который возбуждали въ душѣ этихъ двухъ писателей «забытыя слова», самыя возвышенныя чувства чловѣка: любовь къ ближнему, вѣротерпимость, уваженіе къ личности и свободѣ, готовность къ самопожертвованію, — все это въ одинаковой мѣрѣ ихъ воодушевляло. И тѣмъ не менѣе мы почему-то привыкли ихъ разъединять, считать представителями какихъ-то противоположныхъ началъ. Разъясненіе вопроса, — почему это происходитъ, лучше всего уяснить намъ окончательно духовный обликъ Лѣскова.

Начнемъ съ «забытыхъ словъ». Преклоненіе предъ ними, напоминаніе о нихъ, конечно, составляютъ заслугу Салтыкова, но они не могутъ служить для него отличительнымъ признакомъ, потому что къ счастью у насъ нѣтъ большихъ писателей, которые отвергали бы «забытыя слова». Предъ ними преклонялись, о нихъ постоянно напоминали и Кантемиръ, и Ломоносовъ, и Фонвизинъ, и Державинъ, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь, все крупныя наши писатели вплоть до Салтыкова и Лѣскова. Значитъ, если руководствоваться только «забытыми словами», то намъ трудно будетъ провести границу между различными писателями. Но «забытыя слова» это — общіе идеалы, идеалы всехъ временъ и народовъ, а всякій общій идеалъ осуществляется особнымъ образомъ въ данное время, въ данномъ народѣ. Эта спеціальная форма осуществленія общаго идеала и составляетъ задачу данной эпохи. Чтобы уловить отличительныя признаки извѣстнаго писателя, мы должны, слѣдовательно, знать, какъ онъ представлялъ себѣ осуществленіе общихъ идеаловъ по отношенію къ своему времени и народу. Міровые писатели, т. е. такіе, которые думаютъ для всехъ временъ и народовъ, очень рѣдки, да и то среда налагаетъ на нихъ свою руку, а остальные имѣютъ свои спеціальныя идеалы, т. е. тѣ же общіе идеалы, но приуроченныя къ данному мѣсту и времени. О Салтыковѣ можно только сказать, что онъ въ высокой степени удовлетворилъ современное русское общество въ его потребности критически

отнестись къ отрицательнымъ сторонамъ русской жизни; громадный же успѣхъ, которымъ онъ пользовался, объясняется, какъ мы видѣли, тѣмъ, что онъ жилъ въ эпоху переходную, когда народъ, выбиваясь изъ прежнихъ условій, страстно желаетъ покончить съ ними и вступить въ новую жизнь. Въ этомъ отношеніи Салтыковъ былъ своего рода русскимъ геркулесомъ, рачищавшимъ авгиевы конюшни, корчевавшимъ русскую почву для новаго посѣва. Какъ ни значительна роль его въ этомъ отношеніи, но на этомъ она и кончается: объѣменить ниву онъ не могъ — у него не было сѣмянъ. Другими словами, у него не было специальныхъ идеаловъ, пригодныхъ для времени, въ которое онъ жилъ.

Но тамъ, гдѣ кончалась работа Салтыкова, начиналась работа Лѣскова. И Лѣсковъ былъ писателемъ переходнаго времени. Въ качествѣ такого писателя, онъ принялъ дѣятельное участіе въ расчищеніи почвы: онъ примыкаетъ къ тому направлению въ нашей литературѣ, которое называется обличительнымъ. Осмѣяніе старыхъ порядковъ занимаетъ видное мѣсто въ его произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи онъ всецѣло примыкаетъ къ Гоголю и Салтыкову; но онъ на этомъ не останавливается. Во-первыхъ, онъ на ряду съ Писемскимъ, первый изъ крупныхъ нашихъ писателей подвергъ сатиру и «новыхъ людей». Но онъ не только ихъ осмѣялъ: онъ въ то же время указалъ имъ, къ чему они должны стремиться, формулировалъ тотъ специальный идеалъ, который наиболѣе пригоденъ для переживаемаго переходнаго времени. Сдѣлалъ онъ это сразу, т. е. тотчасъ по вступленіи на литературное поприще. Мы старались выяснить, почему онъ могъ это сдѣлать; мы старались показать, что онъ собственно готовился къ практической дѣятельности, слѣдовательно, поселя въ молодости съ вопросомъ,—какъ ему дѣйствовать не въ качествѣ писателя, а въ качествѣ простаго смертнаго въ окружавшей его жизни, и собиралъ соответственные наблюденія, обогащая себя соответственнымъ опытомъ. Наблюденія его были чрезвычайно разностороннія, не ограничивались одною школою и канцелярією, но обнимали болѣе или менѣе всѣ сферы нашей жизни. Онъ чувствовалъ, что Россіи болѣе всего нужно,

и пришелъ къ выводу, которымъ проникнуты все его произведенія, что не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло у основъ народной жизни. Мы видѣли, что у него цѣлый рядъ произведеній посвященъ указанію на то, что и въ прежней до-реформенной Россіи можно было многое сдѣлать, и что всеми нашими усѣхамъ мы обязаны людямъ, трудившимся въ этомъ направленіи. Исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли «новые люди» для такого живого дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добросовѣстно изучая и тутъ дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество, принося себя въ жертву, сказать это «новымъ людямъ» прямо въ лицо. Это былъ великій его гражданскій подвигъ.

Но и этотъ подвигъ былъ только отрицательнаго свойства. Это было обличеніе. Лѣсковъ сдѣлалъ по отношенію къ своимъ современникамъ и притомъ къ той общественной сферѣ, въ которой онъ самъ жилъ и дѣйствовалъ, то, что сдѣлалъ въ свое время Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и Салтыковъ. Но изъ всехъ этихъ сатириковъ только Грибоѣдову и Лѣскову принадлежатъ честь, что они въ своей сатирѣ не забыли казнить и дѣятелей, имъ наиболѣе близкихъ. Грибоѣдовъ казнилъ не только Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчаливыхъ, но и Чацкихъ. Лѣсковъ казнилъ не только Функендорфовъ, Постельниковыхъ и тѣхъ видныхъ дѣятелей, которыхъ онъ называлъ прямо по имени, но и дорогихъ его сердцу Райнеровъ и Овцебыковъ. За что они ихъ казнилъ? За то, за что и Грибоѣдовъ казнилъ своего Чацкого: за полное несоотвѣтствіе средствъ, которыми они пользовались, и цѣлей, которыя они преслѣдовали; за благіе порывы, оставаемые неосуществленными; за потокъ громкихъ рѣчей, не сопровождаемыхъ даже маленькимъ дѣломъ; за неумѣнье поставить себѣ жизненную задачу для доставленія своимъ идеаламъ хотя бы частичнаго торжества. Словомъ, Лѣсковъ не ограничился обличеніемъ стараго, онъ обличилъ и новое и, обличая послѣднее, онъ въ то же время указалъ русскому обществу, — каковъ долженъ быть его путь.

Правильно ли это указаніе? На это можетъ отвѣтить только исторія. Но одно уже теперь видно, именно, что въ томъ направленіи, въ какомъ работала Лѣсковъ, несомнѣнно, работаетъ русская жизнь и современная беллетристика. Лѣсковъ примыкаетъ не только къ нашей обличительной литературѣ, но и къ другому направленію, сказавшемуся очень сильно въ первоклассныхъ нашихъ художникахъ. Гоголь далъ намъ Костанжогло, Гончаровъ—Штольца, Тургеневъ уже послѣ Лѣскова—Соломина. Все это—положительные типы въ нашей литературѣ, и ихъ общая черта заключается въ томъ, что они умѣютъ задаваться цѣлями, осуществимыми въ жизни и обеспечивающими наши культурные усилія. Творчество Лѣскова въ значительной степени было направлено на то, чтобы укрѣпить въ нашемъ сознаніи убѣжденіе въ возможности такихъ дѣятелей и въ томъ, что безъ нихъ никакой прогрессъ невозможенъ.

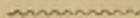
Съ этою цѣлью онъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, которыхъ мы здѣсь вторично перечислять не будемъ, но которые имѣютъ ту общую черту, что они представляютъ собою дѣятелей, влodiaщихъ не одни слова, но и настоящее дѣло. Это—его «праведники», по отношенію къ которымъ онъ повторяетъ слова покойнаго нашего историка Соловьева, что они, «стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію». Если мы теперь приглядимся къ современной беллетристкѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, то мы убѣдимся, что и она любитъ главнымъ образомъ рисовать такихъ дѣятелей, указывая при этомъ на типету широкихъ замысловъ, не сопровождаемыхъ практическимъ дѣломъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ, примыкая къ прежней нашей литературѣ, далъ толкъ и направленіе современной, отгадавъ то, въ чемъ жизнь наиболѣе нуждается. Это—вторая великая его заслуга.

Третья, хотя и болѣе частнаго характера, касается раскрытія читателямъ цѣлой новой области русской жизни. Никто до Лѣскова и послѣ него еще не просвѣтилъ въ такой полнотѣ русское общество насчетъ быта и жизни нашего духовенства. И тутъ онъ дѣйствовалъ въ двухъ направленіяхъ: обличалъ прошлое, подготавливалъ будущее. Его отрицательнымъ типамъ соответствуютъ положительные, которые насъ убѣждаютъ, какъ много скром-

ные пастыри церкви дѣлали и могутъ сдѣлать для цѣлей, насъ всѣхъ воодушевляющихъ. Иѣтъ ничего несправедливѣе, какъ обвинять Лѣскова въ томъ, что онъ выставилъ лишь отрицательныя стороны нашего духовенства: величественная въ своей простотѣ фигура одного о. Туберозова изобличаетъ этихъ обвинителей въ лжесвидѣтельствѣ. А одинъ ли о. Туберозовъ возбуждаетъ къ себѣ чувства глубокаго уваженія и неменьшей признательности? У Лѣскова найдется не мало такихъ симпатичныхъ типовъ на всѣхъ ступеняхъ духовной іерархіи. Обличая Лѣскова и въ этой области только то, что было достойно обличенія, противъ чего выказывались все просвѣщенные пастыри нашей церкви. И могъ ли онъ поступать иначе, когда онъ самъ былъ глубоко вѣрующій человекъ и не зналъ болѣе высокой заповѣди, какъ христіанская заповѣдь о дѣятельной любви къ ближнему, духомъ которой проникнута всякая строка его замѣчательныхъ произведеній?

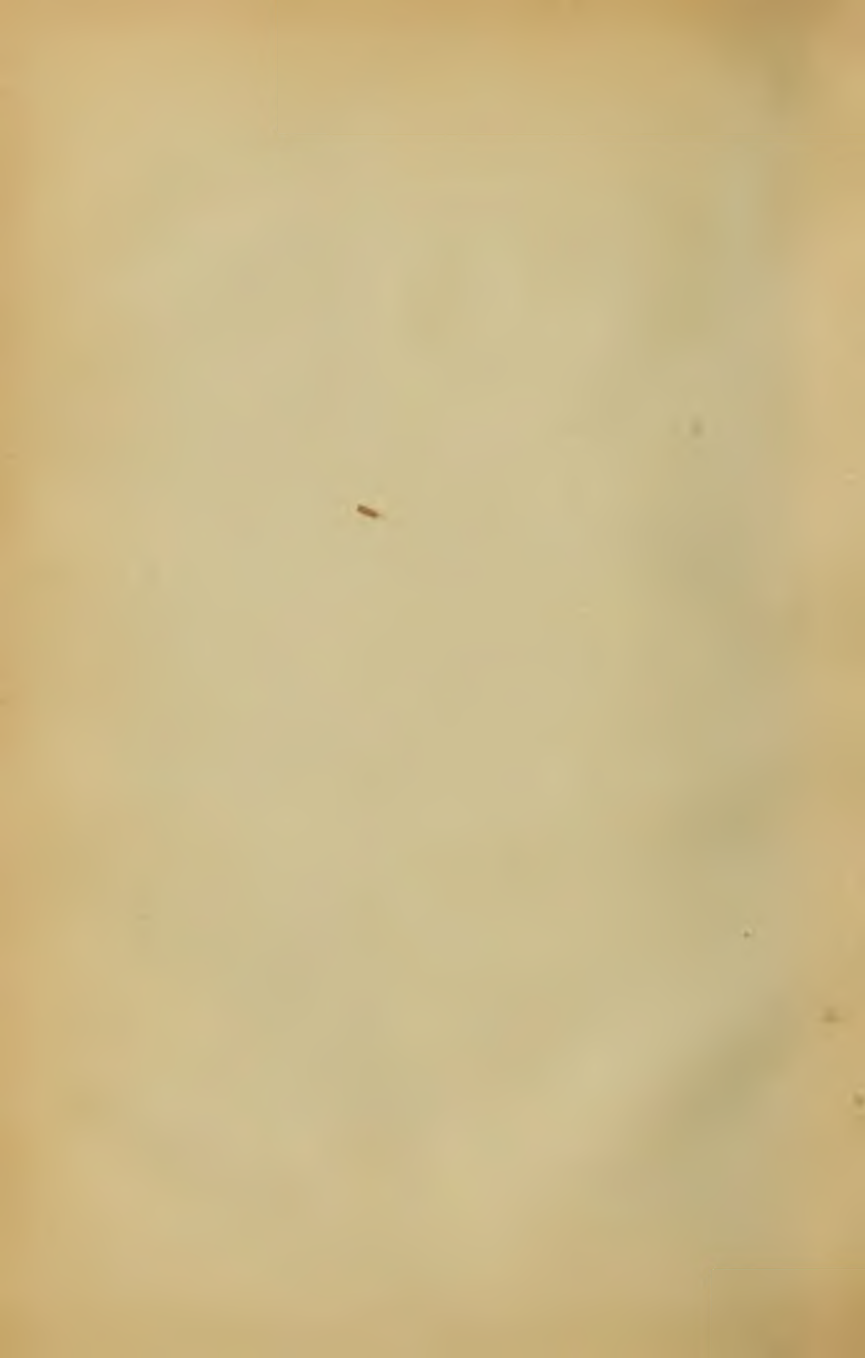
Таковы главныя заслуги Лѣскова, которыя мы считали своимъ долгомъ подчеркнуть, потому что ихъ слишкомъ часто забываютъ, не хотятъ знать или не могутъ себѣ уснать влѣдствіе временныхъ предубѣжденій. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что только съ этой точки зрѣнія можно понять и оцѣнить Лѣскова. О громадномъ литературномъ его дарованіи мы тутъ говорить не станемъ: оно признается всеми и не отрицается даже людьми, не сочувствующими его дѣятельности. Но если не одно дарованіе,—этотъ даръ свыше,—обезпечиваетъ за писателемъ мѣсто въ литературѣ и благодарности потомства, если отъ него требуется, чтобы онъ былъ гражданиномъ, чтобы онъ скорбѣлъ скорбью своего времени, чтобы онъ мужественно возвышалъ голосъ за правду, чтобы онъ приносилъ себя, когда нужно, ей въ жертву, то и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что Лѣсковъ въ высокой мѣрѣ исполнилъ свой долгъ, и что онъ является не только выдающимся писателемъ, но и вѣрнымъ, преданнымъ, самоотверженнымъ сыномъ своей страны.

Р. Сементковскій.

СОБОРЯНЕ.

ХРОНИКА.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Люди, житье-бытье которых составить предметъ этого разсказа, суть жители Старгородской соборной поповки. Это — протоіерей Савелій Туберововъ, священникъ Захарія Бенефактовъ и дякоуъ Ахилла Десницкыиъ. Годы ранней молодости этихъ людей, такъ же какъ и пора ихъ дѣтства, насъ не касаются. А чтобы видѣть предъ собою эти лица въ той порѣ, въ которой читателю приходится представлять ихъ своему воображенію, онъ долженъ рисовать себѣ главу Старгородскаго духовенства, протоіерея Савелія Туберовова, мужемъ уже пережившимъ за шестой десятокъ жизни. Отецъ Туберововъ высокъ ростомъ и тученъ, но еще очень бодръ и подвиженъ. Въ такомъ же состояніи и душевныя его силы: при первомъ на него взглядѣ видно, что онъ сохранилъ весь пылъ сердца и всю энергію молодости. Голова его отлично красива: ее даже позволительно считать образцомъ мужественной красоты. Волосы Туберовова густы, какъ грива матерого льва, и бѣлы, какъ кудри Фидіева Зевса. Они художественно поднимаются могучимъ чубомъ надъ его высокимъ лбомъ и тремя крупными волнами падаютъ назадъ, не достигая плечъ. Въ длинной раздвоенной бородѣ отца протоіеря и въ его небольшихъ усахъ, соединяющихся съ бородой у угловъ рта, мелькаетъ еще нѣсколько черныхъ волосъ, придающихъ ей видъ серебра, отдѣланнаго чернью. Брови же отца протоіеря совсѣмъ

черны, и круто заломанными лагнскими S-ами сдвигаются у основанія его довольно большого и довольно толстаго носа. Глаза у него коричневыя, большіе, смѣлые и ясные. Они всю жизнь свою не теряли способности освѣщаться присутствіемъ разума; въ нихъ же близкіе люди видали и блескъ радостнаго восторга, и туманы скорби, и слезы умиленія; въ нихъ же сверкала порою и огонь негодованія, и они бросали искры гнѣва — гнѣва не суетнаго, не сварливаго, но мелкаго, а гнѣва большого человѣка. Въ эти глаза глядѣла прямая и честная душа протопопа Савелія, которую онъ, въ своемъ христіанскомъ уюваніи, вѣрилъ быти безсмертною.

Захарія Бенефактовъ, второй іерей Старгородскаго собора, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вся его личность есть воплощенная кротость и смиреніе. Соответственно тому, сколь мало желаетъ заявлять себя кроткій духъ его, столь же мало занимаетъ мѣста и его крошечное тѣло, и какъ бы старается не отяготить собою землю. Онъ малъ, худъ, тщедушенъ и лысъ. Двѣ маленькихъ буколки сѣро-желтенькихъ волосинокъ у него развѣваются только надъ ушами. Косы у него нѣтъ никакой. Послѣдніе остатки ея исчезли уже давно, да и то была коса столь мизерная, что дякопъ Ахилла шаче ее не называлъ, какъ мышиный хвостикъ. Въмѣсто бороды, у отца Захарія точно приклеены кусочки губочки. Ручки у него дѣтскія, и онъ ихъ постоянно скрываетъ и прячетъ въ кармашки своего подрясника. Ножки у него слабыя, тоненькія, что называется соломенныя, и самъ онъ весь точно сплетенъ изъ соломки. Добрѣйшіе сѣренькіе глазки его смотрять быстро, но поднимаются вверхъ очень рѣдко, и сейчасъ же ищутъ мѣста, куда бы имъ спрятаться отъ нескромнаго взора. По лѣтамъ отецъ Захарія немощко старшо отца Туберозова и значительно немощнѣе его, но и онъ, такъ же, какъ и протопопъ, привыкъ держаться бодро, и при всѣхъ посѣщающихъ его педугахъ и немощахъ сохранилъ и живую душу, и тѣлесную подвижность.

Третій и послѣдній представитель Старгородскаго соборнаго духовенства, дякопъ Ахилла, имѣлъ нѣсколько опредѣленій, которыя будутъ не лишнимъ здѣсь привести всѣ, дабы при помощи ихъ могучій Ахилла сколько-нибудь удобнѣе нарисовался читателю.

Инспекторъ духовнаго училища, исключившій Ахиллу Десницина изъ синтаксическаго класса за «великовозрастiе и малоусибише», говорилъ ему:

— Эка ты, дубина какая, протяженно сложенная!

Ректоръ, по особымъ ходатайствамъ, вновь принявшій Ахиллу въ классъ реторики, удивлялся, глядя на этого слававшагося богатыря и, изумляясь его величинѣ, силѣ и безтолковости, говорилъ:

— Недостаточно, думаю, будетъ тебѣ и дубинной называть, поелику въ моихъ глазахъ ты по малости цѣлый возъ дровъ.

Регентъ же архіерейскаго хора, въ который Ахилла Десницинъ попалъ по извлеченіи его изъ реторики и зачисленіи на причетническую должность, звалъ его «непомѣрнымъ».

— Бася у тебя, — говорилъ регентъ: — хорошій, точно пушка стрѣляетъ; но непомяренъ ты до страсти, такъ что чрезъ эту непомярность я даже не знаю, какъ съ тобой по достоинству обходиться.

Четвертое же и самое вѣское изъ характерныхъ опредѣзевій дьякону Ахиллѣ было сдѣлано самимъ архіереемъ, и притомъ въ весьма памятный для Ахиллы день, именно въ день изгнанія его, Ахиллы, изъ архіерейскаго хора и посланки на дьяконство въ Старый Городъ. По этому опредѣленію дьяконъ Ахилла назывался «уязвленнымъ». Здѣсь будетъ умѣстно разсказать, по какому случаю стало ему приличествовать сіе постѣднее названіе «уязвленнаго».

Дьяконъ Ахилла, отъ самыхъ лѣтъ юности своей, былъ человекъ весьма веселый, смѣшливый и притомъ безмярно увлекающійся. И мало того, что онъ не зналъ мѣры своимъ увлеченіямъ въ юности: мы увидимъ, зналъ ли онъ имъ мѣру и къ годамъ своей приближающейся старости.

Несмотря на всю «непомярность» баса Ахиллы, имъ всѣтаки очень дорожили въ архіерейскомъ хорѣ, гдѣ онъ хваталъ и самаго залетнаго верхъ и забиралъ подъ самую низкую октаву. Одно, чѣмъ страшнѣе былъ регенту непомярный Ахилла, это — «увлекательностью». Такъ онъ, напримѣръ, во всеобщей никакъ не могъ удержаться, чтобы только трижды пропѣть «Святъ Господь Богъ нашъ», а нерѣдко вырывался въ увлеченіи и пѣлъ это одинъ-одинешенекъ четырежды, и особенно никогда не могъ въ-время окуп-

чить пѣнія многолѣтій. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, которые уже были извѣстны и которые потому можно было предвидѣть, противъ «увлекательности» Ахиллы благоразумно принимались мѣры предосторожности, избавлявшія отъ всякихъ напастей и самого дьякона, и его вокальное начальство: поручалось кому-нибудь изъ взрослыхъ пѣвчихъ держать Ахиллу за полы или осаживать его въ благопотребную минуту внизъ за плечи. Но недаромъ сложена пословица, что на всякій часъ не обережешься. Какъ ни тщательно и любовно берегли Ахиллу отъ его увлеченій, все-таки его не могли совсѣмъ уберечь отъ нихъ, и онъ самымъ разительнымъ образомъ оправдалъ на себѣ то теоретическое положеніе, что «тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ носитъ врага». Въ одинъ большой изъ двадцатыхъ праздниковъ, Ахилла, исполняя причастный концертъ, долженъ былъ дѣлать весьма хитрое басовое соло на словахъ: «и скорбѣмъ уязвленъ». Значеніе, которое этому соло придавалъ регентъ и весь хоръ, внушало Ахиллѣ много заботъ: онъ былъ беспокоенъ и тщательно обдумывать, какъ бы ему не ударить себя лицомъ въ грязь и отличиться передъ любившимъ пѣніе преосвященнымъ и передъ всею губернскою аристократіей, которая соберется въ церковь. И зато справедливость требуетъ сказать, что Ахилла изучилъ это соло великолепно. Дни и ночи онъ расхаживалъ то по своей комнатѣ, то по коридору или по двору, то по архіерейскому саду или по загородному выгону, и все распѣвалъ на разные тоны: «уязвленъ, уязвленъ, уязвленъ», и въ такихъ безирестанныхъ упражненіяхъ дождался наконецъ, что насталъ и самый день его славы, когда онъ долженъ былъ пропѣть свое «уязвленъ» предъ всѣмъ соборомъ. Начался концертъ. Боже, какъ великъ и свѣтло сіяющъ стѣптъ съ нотами въ рукахъ огромный Ахиллад! Его надо было срисовать,—перомъ нельзя его описывать... Вотъ уже прошли знакомые форшлаги и подходит мѣсто басового соло. Ахилла отодвигаетъ локтемъ сосѣда, выбиваетъ себѣ въ молчаніи тактъ своего соло «уязвленъ» и, дождавшись своего темпа, видитъ поднимающуюся съ камертономъ регентскую руку... Ахилла позабылъ весь міръ и себя самого, и удивительнѣйшимъ образомъ, какъ труба архангельская, то быстро, то протяжно возглашаетъ: «И скорбѣмъ уязвленъ, уязвленъ, у-й-я-з-в-л-е-н-ъ, у-й-я-з-

в-л-е-н-ъ, уязвленъ». Силою останавливаютъ Ахиллу отъ непредусмотрѣнныхъ излишнихъ повтореній, и концертъ конченъ. Но не конченъ онъ былъ въ «увлекательной» головѣ Ахиллы, и среди тихихъ привѣтствій, приносимыхъ владыкѣ подходящею къ его благословенію аристократіей, словно трубный гласъ съ неба, съ клироса снова упалъ вдругъ: «Уязвленъ, уй-яз-вленъ, уй-я-з-в-л-е-п-ъ». Это поетъ ничего не понимающій въ своемъ увлеченіи Ахилла; его держатъ—онъ поетъ; его осаживаютъ внизъ, стараясь скрыть за спицами товарищей, — онъ поетъ: «уязвленъ»; его, наконецъ, выводятъ вошь изъ церкви, но онъ все-таки поетъ: «у-я-з-в-л-е-п-ъ».

— Что тебѣ такое?—спрашиваютъ его съ участіемъ сердобольные люди.

— «Уязвленъ»,—воспѣваетъ, глядя всѣмъ имъ въ глаза, Ахилла, и такъ и остается у дверей притвора, пока струя свѣжаго воздуха не отрезвила его экзальтацію.

Въ сравненіи съ протоіерсеемъ Туберозовымъ и отцомъ Бенедиктовымъ, Ахилла Десницынъ можетъ назваться человѣкомъ молодымъ, но и ему уже далеко за сорокъ, и по смолянымъ чернымъ кудрямъ его пробѣжала сильная просѣдь. Роста Ахилла огромнаго, силы страшной, въ манерахъ угловатъ и рѣзокъ, но при всемъ этомъ весьма пріятель; типъ лица имѣетъ южный и говоритъ, что происходитъ изъ малороссійскихъ казаковъ, отъ конхъ онъ и въ самомъ дѣлѣ какъ будто участвовалъ безчечность и храбрость и многія другія казачьи добродѣтели.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Жили всѣ эти герои старомоднаго покроя на Старгородской поповкѣ, надъ тихою судоходною рѣкой Турницей. У каждаго изъ нихъ, какъ у Туберозова, такъ и у Захарина, и даже у дьякона Ахиллы, были свои домики на самомъ берегу, какъ разъ насупротивъ высиивагося за рѣкой стариннаго пятиглаваго собора съ высокими куполами. Но какъ разнохарактерны были сами эти обыватели, такъ различны были и ихъ жилища. У отца Савелія домикъ былъ очень красивый, выкрашенный свѣтло-голубою масляною краской, съ разноцвѣтными звѣздочками, квадратиками и релейками, прибитыми надъ каждымъ изъ трехъ его оконъ. Окна эти обрамлялись еще рѣзными, ярко же раскрашенными, на-

личниками и зелеными ставнями, которые никогда не закрывались, потому что зимой крѣпкій домикъ не боялся холода, а отецъ протопопъ любилъ свѣтъ, любилъ звѣзду, заглядывавшую ночью съ неба въ его комнату, любилъ лунный лучъ, полосой газета ложившійся на его раздѣланный подъ паркетъ полъ.

Въ домикѣ у отца протопона всякая чистота и всякій порядокъ, потому что ни сорить, ни пачкать, ни нарушать порядокъ у него некому. Онъ бездѣтенъ, и это составляетъ одну изъ непреходящихъ скорбей его и его протопоницы.

У отца Захарія Бенефактова домикъ гораздо больше, чѣмъ у отца Туберозова; но въ бенефактовскомъ домикѣ нѣтъ того щегольства и кокетства, какимъ блещетъ жилище протоіеря. Пяти-оконный, немного покосившійся, сѣрый домъ отца Захарія похожъ скорѣе на большой птичникъ, и, къ довершенію сходства его съ этимъ заведеніемъ, во всѣ маленькіе переплеты его зеленыхъ оконъ постоянно толкутся различныя носы и хохлики, другъ друга оттирающіе и другъ друга преслѣдующіе. Это все потомство отца Захарія, котораго Богъ благословилъ яко Іакова, а жену его умножилъ яко Рахиль. У отца Захарія далеко не было ни зеркальной чистоты протопонскаго дома, ни его строгаго порядка: на всемъ здѣсь лежали слѣды дѣтскихъ замачканныхъ ланокъ; изъ всякаго угла торчала дѣтская головенка; и все это шевелилось дѣтymi, все здѣсь и пицало, и пѣло о дѣтяхъ, начиная съ залечныхъ сверчковъ и оканчивая матерью, убаюкивавшею свое потомство пѣсенкой:

Дѣти мои, дѣти!
Куда мнѣ васъ дѣти? -
Гдѣ васъ положить?

Дьяконъ Ахилла былъ вдовъ и бездѣтенъ, и не радѣлъ ни о стижаніяхъ, ни о домостройствѣ. У него на самомъ краю Зарвчья была мазаная малороссійская хата, но при этой хатѣ не было ни службъ, ни заборовъ, словомъ, ничего, кромѣ небольшой жердяной карды, въ которой, по колѣно въ солому, бродили то пѣгій жеребецъ, то буланый меринъ, то вороная кобылица. Убранство въ домѣ Ахиллы тоже было чисто казацкое: въ лучшей половинѣ этого помещенія, назначавшейся для самого хозяина, стоялъ деревянный диванъ съ рѣшетчатою спинкой; этотъ диванчикъ замѣнилъ Ахилла и кровать, и потому онъ былъ застланъ

бѣлою казацкою кошмой, а въ изголовьи лежалъ чеканенный азіатскій сѣдельный орчакъ, къ которому была прислонена маленькая, блинообразная подушка, въ просаленной китайчатой наволочкѣ. Предъ этимъ казачьимъ ложемъ стоялъ бѣлый липовый столъ, а на стѣнѣ висѣли безструнная гитара, пеньковый укрюченный арканъ, нагайка и двѣ вязаныя нукольками уздечки. Въ углу на небольшой полочкѣ стоялъ крошечный образокъ Успенія Богородицы, съ водруженною за шимъ засохшею вербѣжкой, и маленькій кіевскій молитвословикъ. Болѣе рѣшительно ничего не было въ жилищѣ дьякона Ахиллы. Рядомъ же, въ небольшой приписиной, жила у него оставшая старая горничная помѣщичьяго дома; Надежда Степановна, называемая Эсперансою.

Это была особа старенькая, маленькая, желтенькая, построрылая, сморщенная, съ характеромъ самымъ неуживчивымъ и до того неспособнымъ, что, несмотря на свои золотыя руки, она не находила себѣ мѣста ни гдѣ и поила въ слуги бездомнаго Ахиллы, которому она могла сколько ей угодно трещать и чекотать, ибо онъ не замѣчалъ ни этого треска, ни чекота, и самое крайнее раздраженіе своей старой служанки въ рѣшительныя минуты прекращалъ только громовымъ: «Эсперанса, провались!» Послѣ такихъ словъ Эсперанса обыкновенно исчезала, ибо знала, что иначе Ахилла схватитъ ее на руки, посадитъ на крышу своей хаты и оставитъ тамъ, не снимая отъ зари до зари. Въ виду этого страшнаго наказанія, Эсперанса боялась противорѣчить своему казаку-господицу.

Всѣ эти люди жили такую жизнью и въ то же время всѣ болѣе или менѣ несли тяготы другъ друга, и другъ другу восполняли небогатую разнообразіемъ жизнь. Отецъ Савелій главенствовалъ надъ всѣмъ положеніемъ; его маленькая протопопица читала его и не слыхала въ немъ души. Отецъ Захарія также былъ счастливъ въ своемъ итичинкѣ. Не жаловался ни на что и дьяконъ Ахилла, проводившій всѣ дни свои въ бесѣдахъ и въ гуляньи по городу, или въ выѣздѣ и въ мѣнѣ своихъ коней, или, наконецъ, порой въ дразненіи и въ укромціи своей «услужавшей Эсперансы».

Савелій, Захарія и Ахилла были друзья, но было бы, конечно, большою несправедливостью полагать, что они не дѣлали успій разнообразить жизнь сценами легкой вражды

и недоразумѣній, благодѣтельно будящими человѣческія натуры, усиляемыя бездѣйствіемъ уѣздной жизни. Нѣтъ, бывало нѣчто такое и здѣсь, и ожидающія насъ страницы туберозовскаго дневника откроютъ намъ многія мелочи, которыя вовсе не казались мелочами для тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, кто съ ними боролся и переносилъ ихъ. Бывали и у нихъ недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, однажды помѣщикъ и мѣстный предводитель дворянства, Алексѣй Никитичъ Плодомасовъ, возвратясь изъ Петербурга, привезъ оттуда лицамъ любимаго имъ соборнаго духовенства разные болѣе или менѣе цѣнные подарки и между прочимъ три трости: двѣ съ совершенно одинаковыми набалдашниками изъ червоннаго золота для священниковъ, то-есть, одну для отца Туберозова, другую для отца Захаріи, а третью, съ красивымъ набалдашникомъ изъ серебра съ чернью, для дьякона Ахиллы. Трости эти пали между старгородскимъ духовенствомъ какъ библейскіе змѣи, которыхъ винули предъ Фараона египетскіе чудесники.

— Симвъ подареніемъ тростей на насъ наведено сомнѣніе, — рассказывалъ дьяконъ Ахилла.

— Да въ чемъ же вы тутъ, отецъ дьяконъ, видите сомнѣніе? — спрашивали его тѣ, кому онъ жаловался.

— Ахъ, да вѣдь вотъ вы, свѣтскіе, ничего въ этомъ не понимаете, такъ и не утверждайте, что нѣтъ сомнѣнія, — отвѣчалъ дьяконъ: — нѣтъ-съ! тутъ большое сомнѣніе!

И дьяконъ пускался разъяснять это спеціальное горе.

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ: — мнѣ, какъ дьякону, по сану моему, такого посоха носить не дозволено и неприлично, потому что я не пастырь — это разъ. Повторительно, я его теперь этотъ посохъ ношу, потому что онъ мнѣ подаренъ — это два. А въ-третьихъ, во всемъ этомъ сомнительная одностойность: что отцу Савелію, что Захаріи одно и то же, одинаковые посошки. Зачѣмъ же такъ сравнивать ихъ?.. Ахъ, помилуйте же вы, зачѣмъ?.. Отецъ Савелій... вы сами знаете... отецъ Савелій... онъ умница, философъ, министръ юстиціи, а теперь, я вижу, и онъ ничего не можетъ сообразить и смущень, и даже страшно смущень.

— Да чѣмъ же онъ тутъ можетъ быть смущень, отецъ дьяконъ?

— А тѣмъ смущень, что, во-первыхъ, отъ этой современной одностойности происходитъ смѣшанность. Какъ вы

это располагаете, какъ отличить, чья эта трость? Извольте теперь ихъ разбирать, которая отца протопопа, которая Захаріина, когда онѣ обѣ одинаковы? Но, положимъ, на этотъ бы счетъ для разборки можно какую-нибудь замѣточку положить—или сургучомъ подъ головкой прикалнуть, или сдѣлать ножомъ на деревѣ нарѣзочку; но что же вы подѣлаете съ ними въ разсужденіи политики? Какъ теперь у одной изъ нихъ противъ другой цѣну или достоинство ея отнять, когда онѣ обѣ одностойны? Помилуйте вы меня, вѣдь это невозможно, чтобъ и отецъ протопопъ, и отецъ Захарія были одностойны. Это же не порядокъ-съ! И отецъ протопопъ это чувствуетъ, и я это вижу-съ и говорю: отецъ протопопъ, больше ничего въ этомъ случаѣ нельзя сдѣлать, какъ, позвольте, я на отца Захаріину трость сургучную мѣтку положу или нарѣзку сдѣлаю. А онъ говоритъ: «Не надо! Не смѣй, и не надо!» Какъ же не надо? Ну, говорю, благословите: я потасню отъ самого отца Захаріина его трость супротивъ вашей ножомъ слегка на вершокъ урѣжу, такъ что отецъ Захарія этого сокращенія и знать не будетъ, но онъ опять: «глупъ, говоритъ, ты!..» Ну, глупъ и глупъ, не впервой мнѣ это отъ него слышать, я отъ него этимъ не обижаюсь, потому онъ заслуживаетъ, чтобъ отъ него снести, а я все-таки вижу, что онъ всѣмъ этимъ недоволенъ, и мнѣ отъ этого пресбезнокойно... И вотъ скажите же вы, что я трижды глупъ, восклицать дяконъ: да-съ, позволяю-вамъ, скажите, что я глупъ, если онъ, отецъ Савелій, не сполитикуетъ. Это ужъ я навѣрно знаю, что мнѣ онъ на то не позволяетъ, а самъ сполитикуетъ.

И дяконъ Ахилла, повидимому, не ошибся. Не прошло и мѣсяца со времени врученія старгородскому соборному духовенству упомянутыхъ, наводящихъ сомнѣніе посоховъ, какъ отецъ протопопъ Савелій вдругъ сталъ собираться въ губернской городъ. Не было надобности придавать какое-нибудь особенное значеніе этой поѣздкѣ отца Туберозова, потому что протоіерей, въ качествѣ благочиннаго, частенько ѣзжалъ въ консисторію. Никто и не толковалъ о томъ, зачѣмъ протопопъ ѣдетъ. Но вотъ отецъ Туберозовъ, уже усѣвшись въ кибитку, вдругъ обратился къ провожавшему его отцу Захарію и сказалъ:

— А послушай-ка, отче, гдѣ твоя трость? Дай-ка ты мнѣ ее, я ее свезу въ городъ.

Одно это обращеніе съ этимъ словомъ, сказаннымъ какъ будто невзначай, вдругъ какъ бы озарило умы всѣхъ провозжавшихъ со двора отъѣзжавшаго отца Савелія.

Дьяконъ Ахилла первый сейчасъ же крикнулъ и шепнулъ на ухо отцу Бенефактову:

— А что-съ! И вамъ говорить: вотъ и политика!

— Для чего-жъ мою трость везти въ городъ, отецъ протопопъ? — возросилъ смиренно моргающій своими глазами отецъ Захарія, отстраняя дьякона.

— Для чего? А вотъ я тамъ, можетъ-быть, покажу, какъ насъ съ тобой люди уважаютъ и помнятъ, — отвѣчалъ Туберововъ.

— Алепа, бѣги, принеси посошокъ, — послать домою снѣжку отцу Захарія.

— Такъ вы, можетъ-быть, отецъ протопопъ, и мою трость тоже свозите показать? — возросилъ, сколь умѣлъ мягче, Ахилла.

— Пѣть, ты свою предъ собою содержи, — отвѣчалъ Савелій.

— Что жъ, отецъ протопопъ, «предъ собою»? И я же вѣдь точно такъ же... тоже вѣдь и я предводительскаго вниманія удостоился, — отвѣчалъ, слегка обижаясь, дьяконъ.

Но отецъ протопопъ не почтилъ его претензіи никакимъ отвѣтомъ и, положивъ рядомъ съ собою поданную ему въ это время трость отца Захарія, поѣхалъ.

Туберововъ ѣхалъ, ѣхали съ нимъ и обѣ надѣлавшія смущенія трести, а дьяконъ Ахилла, оставаясь дома, томился разрѣшеніемъ себѣ загадки: зачѣмъ Туберововъ отобрать трость у Захарія?

— Ну, что тебѣ? Что тебѣ до этого? что тебѣ? — останавливалъ Захарія мятущагося любовицствомъ дьякона.

— Отецъ Захарія, я вамъ говорю, что онъ сполитикуеть.

— Ну, а если и сполитикуеть, а тебѣ что до этого? Ну и пусть его сполитикуеть.

— Да я нестерпимо любопытенъ предвидѣть, въ чемъ сіе будетъ заключаться. Урѣзать онъ мнѣ вашу трость не хотѣлъ позволить, сказалъ: глупость; мѣтки я ему совѣтовалъ положить, онъ тоже и это отвергнулъ. Одно, что я предвижу...

— Ну, ну... ну, что ты, болтуны, предвидѣть можешь?

— Одно, что... онъ непремѣнно драгоцѣнный камень вставить.

— Да! ну... ну, куда же, куда онъ драгоцѣнный камень вставить.

— Въ рукоять.

— Да въ свою или въ мою?

— Въ свою, разумеется, въ свою. Драгоцѣнный камень, вѣдь это драгоцѣнность.

— Да ну, а мою же трость онъ тогда зачѣмъ взять? Въ свою камень вставлять будетъ, а моя ему на что?

Дьяконь ударилъ себя рукой по лбу и воскликнулъ:

— Одурачился!

— Надѣюсь, надѣюсь, что одурачился, — утверждалъ отецъ Захарія, добавивъ съ тихою укоризной: — а еще вѣдь ты, братецъ мой, логикѣ обучался; стыдно!

— Что же за стыдъ, когда я ей обучался, да не могъ понять! Это со всякимъ можетъ случиться, — отвѣчалъ дьяконь и, не высказывая уже болѣе никакихъ догадокъ, продолжалъ тайно сгорать любовныствомъ, — что будетъ?

Прошла недѣля, и отецъ протопопъ возвратился. Ахилла дьяконь, объѣзжавшій въ это время вымѣннаго имъ степного коня, первый замѣтилъ приближеніе къ городу протоіерейской черной кибитки и летѣлъ по всѣмъ улицамъ, останавливаясь предъ открытыми окнами знакомыхъ домовъ, крича: «Вдѣть! Савелій! Вдѣть нашъ полъ велій!» Ахиллу вдругъ ослѣпило новое соображеніе.

— Теперь знаю, что такое! — говорилъ онъ окружающимъ, сибиваясь у протопоповскихъ воротъ. — Всѣ эти размышленія мои до сихъ поръ предварительныя были не больше какъ одною глупостью моею; а теперь я навѣрно вамъ скажу, что отецъ протопопъ, кромѣ ничего, такъ просто велѣлъ вытравить литеры греческія, а не то такъ латинскія. Такъ, такъ, не иначе какъ такъ; это вѣрно, что литеры вытравить, и если я теперь не отгадалъ, то сто разъ меня дуракомъ послѣ этого назовите.

— Погоди, погоди и назовемъ, и назовемъ, — частилъ въ отвѣтъ ему отецъ Захарія, въ виду остановившейся у воротъ протопоповской кибитки.

Отецъ протопопъ вылѣзъ изъ кибитки важный, солидный; вошелъ въ домъ, помолился, повидался съ женой, поцѣловалъ ее при этомъ три раза въ уста, потомъ поздоровался

съ отцомъ Захаріей, съ которымъ они поцѣловали другъ друга въ плечи, и наконецъ и съ дьякономъ Ахиллой, при чемъ дьяконъ Ахилла поцѣловалъ у отца протопопа руку, а отецъ протопопъ приложилъ свои уста къ его темени. Послѣ этого свиданія началось чаепитіе, разговоры, рассказы губернскихъ новостей, и вечеръ уступилъ мѣсто ночи, а отецъ протопопъ и не заикнулся объ интересующихъ всѣхъ посахахъ. День, другой и третій прошелъ, а отецъ Туберозовъ и не заговариваетъ объ этомъ дѣлѣ, словно свезъ онъ посохи въ губернію, да тамъ ихъ оба по рѣкѣ спустилъ, чтобъ и рѣчи о нихъ не было.

— Вы же хоть полюбопытствуйте! спросите! — безпрестанно зудилъ во всѣ дни отцу Захарію нетерпѣливый дьяконъ Ахилла.

— Что я буду его спрашивать? — отвѣчалъ отецъ Захарія. — Нѣшто я ему не вѣрю, что ли, что стану отчетъ требовать, куда дѣлѣ?

— Да все-таки ради любознательности спросить должно.

— Ну и спроси, зуда, самъ, если хочешь ради любознательности.

— Пѣтъ, вы, ей-Богу, съ страху его не спрашиваете.

— Съ какого это страху?

— Да просто боитесь; а я бы ей-Богу спросилъ. Да и чего тутъ бояться-то? спросите просто: а какъ же, молъ, отецъ протопопъ, будетъ насчетъ нашихъ тростей? Вотъ только всего и страху.

— Ну, такъ вотъ ты и спроси.

— Да мнѣ нельзя.

— А почему нельзя?

— Онь меня можетъ оконфузить.

— А меня развѣ не можетъ?

Дьяконъ просто сгоралъ отъ любопытства и не зналъ, чтѣ бы такое выдумать, чтобы завести разговоръ о тростяхъ; но вотъ къ его радости дѣло разрѣшилось и само собою. На пятый или на шестой день, по возвращеніи своемъ домой, отецъ Савелій, отслуживъ позднюю обѣдню, позвалъ къ себѣ на чай и городничаго, и смотрители училищъ, и лѣкаря, и отца Захарію съ дьякономъ Ахиллой, и началъ опять рассказывать, чтѣ онъ слышалъ и чтѣ видѣлъ въ губернскомъ городѣ. Прежде всего отецъ протопопъ довольно пространно говорилъ о новыхъ постройкахъ, потомъ о гу-

бернаторъ, котораго осуждалъ за неуваженіе ко владыкѣ и за постройку водопроводовъ или, какъ отецъ протопопъ выражался, «акведуковъ».

— Акведуки эти, — говорилъ отецъ протопопъ: — будутъ ни къ чему, потому городъ малый и притомъ тремя рѣками пересѣкается; но магазины, которые все вновь открываются, нѣчто весьма изящное начали представлять. Да вотъ я вамъ сейчасъ покажу, что касается нынѣшняго тамъ искусства...

И съ этими словами отецъ протопопъ вышелъ въ боковую комнату и черезъ минуту возвратился оттуда, держа въ каждой рукѣ по извѣстной всѣмъ трости.

— Вотъ видите, — сказалъ онъ, поднося къ глазамъ гостей верхнія площадки золотыхъ набалдашниковъ.

Ахилла дьяконъ такъ и возрился, что такое сдѣлано политиканомъ Савеліемъ для различія одностойныхъ тростей; но, увы! ничего такого рѣзкаго для ихъ различія не было замѣтно. Напротивъ, одностойность ихъ даже какъ будто еще увеличилась, потому что посреднѣ набалдашника той и другой трости было совершенно одинаково вырѣзано окруженное сіяніемъ всевидящее око; а вокругъ ока краткая, въ видѣ узорчатой каймы, вязная надпись.

— А литеръ, отецъ протопопъ, нѣтъ? — замѣтилъ, не утерпѣвъ, Ахилла.

— Къ чему здѣсь тебѣ литеры нужны? — отвѣчалъ, не глядя на него, Туберозовъ.

— А для отличенія ихъ одностойности!

— Все ты всегда со вздоромъ лѣзешь, — замѣтилъ отецъ протопопъ дьякону и, при этомъ, приставивъ одну трость къ своей груди, сказалъ: — вотъ это будетъ моя.

Ахилла дьяконъ быстро глянулъ на набалдашникъ и прочелъ около всевидящаго ока: «Жезлъ Аароновъ расцвѣлъ».

— А вотъ это, отецъ Захарія, будетъ тебѣ, — закончилъ протопопъ, подавая другую трость Захарію.

На этой вокругъ такого же точно всевидящаго ока, такою же точно древле-славянскою вязью, было вырѣзано: «Даде въ руку его посохъ».

Ахилла, какъ только прочелъ эту вторую надпись, такъ палъ за спину отца Захарія и, уткнувъ голову въ животъ лѣкаря, заколотился и задергался въ припадкахъ неукротимаго смѣха.

— Ну, что, зуда, что, что? — частилъ, обернувшись къ

нему, отецъ Захарія, между тѣмъ какъ прочіе гости еще разсматривали затѣйливую работу рѣзчика на іерейскихъ посохахъ. — Литеры? А! литеры, баранъ ты такою кучерявый? Гдѣ же здѣсь литеры?

По дьяконъ не только нимало не сконфузился, но опять порскнулъ и закатился со смѣху.

— Чего смѣешься? чего помираешь?

— Это кто жъ баранъ-то выходитъ теперь?—вопросилъ, едва выговаривая слова, дьяконъ.

— Да ты же, ты. Кто же еще баранъ? ●

Ахилла опять залился, замоталъ руками и, изловивъ отца Захарію за плечи, почти сѣлъ на него медвѣдемъ и театральнымъ шопотомъ забубнилъ:

— А вы, отецъ Захарія, какъ вы много логикѣ учились, такъ вы вотъ это прочитайте: «Даде въ руку его посохъ». Ну-те-ка, рѣшите по логикѣ: чему такая надпись соотвѣтствуетъ!

— Чему? Ну, говори чему?

— Чему-съ? А она тому соотвѣтствуетъ, — заговорилъ протяжнѣе дьяконъ:—что дали, моль, дескать ему линейкой пало въ руку.

— Врешь.

— Вру! А отчего же вонъ у него «жезль расцвѣлъ»? А небось ничего про то, что въ руку дано, не обозначено? Почему? Потому, что это сдѣлано для превозвышенія, а вамъ это для униженія черкнуто, что, моль, дана палка въ лапу.

Отецъ Захарія хотѣлъ возразить, но и вправду слегка смутился. Дьяконъ торжествовалъ, наведя это смущеніе на тихаго отца Бенефактова; но торжество Ахиллы было непродолжительно.

Не успѣвъ онъ оглянуться, какъ увидѣлъ, что отецъ протопонъ пристально смотрѣлъ на него въ оба глаза, и чуть только замѣтилъ, что дьяконъ уже достаточно сконфузился, какъ обратился къ гостямъ и самымъ спокойнымъ голосомъ началъ:

— Подписи эти, которыя вы видите, я не самъ выдумалъ, а это мнѣ консисторскій секретарь Аеоанасій Ивановичъ присовѣтовалъ. Случилось намъ, гуляя съ нимъ предъ вечеромъ, зайти вмѣстѣ къ золотарю; онъ, Аеоанасій Ивановичъ, и говоритъ: вотъ, говоритъ, отецъ протопонъ, какая мнѣ пришла мысль, подписи вамъ на тростяхъ подобають,

вотъ вамъ такую: «Жезль Аароновъ», а отцу Захаріи вотъ такую очень пристойно, какая теперь значитя.

— А тебѣ, отецъ дьяконъ... я и о твоей трости, какъ ты меня просилъ, думалъ сказать, но нашель, что лучше всего, чтобы ты съ нею вовсе ходить не смѣлъ, потому что это твоему сану не принадлежитъ...

При этомъ отецъ протопопъ спокойно подошелъ къ углу, гдѣ стояла знаменитая трость Ахиллы, взялъ ее и заперъ ключомъ въ свой гардеробный шкапъ.

Такова была величайшая изъ распрей на старогородской поповкѣ.

— Откуда,—говорилъ дьяконъ:—было все начало болѣзнямъ моимъ. Потому что я тогда не стерпѣлъ и озлобился, а отецъ протопопъ Савелій началъ своею политикой еще болѣе уничтожать меня и довелъ даже до ярости. Я свирѣпѣлъ, а онъ меня, какъ медвѣдя, на рогатину сажалъ на эту политику, пока я даже осатанѣвать сталъ.

Это былъ образчикъ мелочности, обнаруженной на старости лѣтъ протопопомъ Савеліемъ, и легкомысленности дьякона, навлекшаго на себя гнѣвъ Туберозова; но какъ Москва, говорятъ, отъ конечной свѣчи сгорѣла, такъ и на старогородской поповкѣ вслѣдъ за этимъ началась цѣлая исторія, выдвинувшая наружу разные недостатки и превосходства характеровъ Савелія и Ахиллы.

Дьяконъ лучше всѣхъ зналъ эту исторію, но рассказывалъ ее лишь въ минуты крайняго своего волненія, въ часы разстройства, раскаяній и безпокойствъ, и потому когда говорилъ о ней, то говорилъ нерѣдко со слезами на глазахъ, съ судорогами въ голосѣ, и даже нерѣдко съ рыданіями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Мнѣ,—говорилъ сквозь слезы взволнованный Ахилла:—мнѣ по-настоящему, разумѣется, чѣмъ бы тогда слѣдовало сдѣлать? Мнѣ слѣдовало пасть къ ногамъ отца протопопа и сказать, что такъ и такъ, что я это, отецъ протопопъ, не по злобѣ, не по ехидству сказать, а единственно лишь, чтобы только доказать отцу Захаріи, что я хоть и безъ логики, но ничѣмъ его не глупѣй. Но гордыня меня обуяла и удержала. Досадно мнѣ стало, что онъ мою трость въ шкапъ заперъ, а потомъ послѣ того учитель Варнавка

Препотенскій еще подосиѣлъ и подгадиль... Ахъ, я вамъ говорю, что уже сколько я на самого себя золь, но на учителя Варнавку вдвое! Ну, да и не я же буду, если я умру безъ того, что я этого просвирнинаго сына учителя Варнавку не взвопу!

— Опять и этого ты не смѣешь,—останавливаль Ахиллу отецъ Захарія.

— Отчего же это не смѣю? За безбожіе-то, да не смѣю? Ну, ужъ это извините-сь!

— Не смѣешь, хоть и за безбожіе, а все-таки драться не смѣешь, потому что Варнавка былъ просвирнинъ сынъ, а теперь онъ чиновникъ, онъ учитель.

— Такъ что, что учитель? Да я за безбожіе кого вамъ угодно воздѣлаю. Это-сь, батюшка, законъ, а не что-нибудь. Да-сь, это очень просто кончается: замотать покрѣпче руку ему въ аксіосы, потрясъ хорошенько, да и выпустилъ, и ступай, моль, жалуѣся, что бить духовнымъ лицомъ за безбожіе... Никуда не поѣдетъ-сь! Но Боже мой, Боже мой! какъ я только вспомню, да подумаю — и что это тогда со мною подѣлалось, что я его, этакого негодивца Варнавку слушаль, и что даже до сего дня я еще съ нимъ какъ должно не расправилъ! Ей, право, не знаю, откуда такая слабость у меня? Вѣдь вонъ тогда Сергѣя дьячка за разсужденіе о громѣ я сейчасъ же прибилъ; комиссара Данилку мѣщанина за яденіе лицъ на улицѣ въ прошедній Великій постъ я опять тоже неупустительно и всенародно весьма прилично по ухамъ оттреналъ, а вотъ этому просвирнину сыну все до сихъ норъ спускаю, тогда какъ я этимъ Варнавкой болѣе всѣхъ и уязвленъ! Не будь его, сей распри бы не разыграться. Отецъ иротопопъ гнѣвались бы на меня за разговоръ съ отцомъ Захаріею, но все бы это не было долговременно; а этотъ просвирнинъ сынъ Варнавка, какъ вы его нынче сами видѣть можете, учитель математики въ уѣздномъ училищѣ, мнѣ тогда, озлобленному и уязвленному, какъ подтолдыкнулъ: «Да это, говоритъ, надпись Туберозовская еще, кромѣ того, и глупа». Я, знаете, будучи уязвленъ, страхъ какъ жаждаль чѣмъ бы и самому отца Савелія уязвить, и спрашиваю: чѣмъ же глупа? А Варнавка говоритъ: «Тѣмъ и глупа, что еще самый фактъ-то, о которомъ она гласить, не достовѣренъ; да и не только не достовѣренъ, а и невѣроятенъ. Кто это, говоритъ, засви-

дѣтельствовавль, что жезль Аароновъ расцвѣль? Сухое древо развѣ можетъ расцвѣсть?» Я было его на этомъ даже остановилъ и говорю: «Пожалуйста, ты этого, Варнава Васильичъ, не говори, потому что Богъ, идѣ же хочетъ, побѣждается естества чинъ»; но при этомъ, какъ вся эта наша радея у акцизничихи у Бизюкиной происходила, а тамъ все это разныя возліянія, да вино все хорошее: все го-го, го-сотернъ, да го-марго, я... прахъ меня возьми, и надрызгался. Я, изволите понимать, въ винномъ угарѣ, а Варнавка мнѣ, знаете, тутъ мнѣ по-своему, по-ученому торочить, что «тогда вѣдь, говорить, вонъ и *мани факель фаресъ* было на пиру Вальтасаровомъ написано, а теперь, говорить, вѣдь это вздоръ; я вамъ могу это самое сейчасъ фосфорною спичкой написать». Ужасаюсь я; а онъ все дальше да больше: «Да тамъ и во всемъ, говорить, бездна противорѣчій...» И пошелъ, знаете, и пошелъ, и все опровергаетъ; а я все это сижу да слушаю. А тутъ опять еще эти го-марго, да ужъ и достаточно даже сдѣлался уязвленъ, и самъ заговорилъ въ вольнодумномъ стилѣ. Я, говорю, я, если бы только не видѣль отца Савеліевой прямоты, потому, какъ знаю, что онъ прямо алтарю предстоить и жертва его прямо пдеть, какъ жертва Авелева, то я только Канномъ быть не хочу, а то бы я его... Это, понимаете, на отца Савелія-то! И къ чему-съ это; къ чему это я тамъ въ ту пору о немъ заговорилъ? Вѣдь не глупецъ ли? Ну, а она, эта Данка Нефалимка, Бизюкина-то, говоритъ:—«Да вы еще понимаете ли, что вы лепечете? Вы еще знаете ли цѣну Каипу-то? что такое, говорить, вашъ Авель? Онъ больне ничего какъ маленькій барашекъ, онъ низкопоклонный искатель, у него рабская натура, а Каипъ гордый дѣятель, — онъ не помирится съ жизнію подневольною. Вотъ, говорить, какъ его англійскій писатель Биронъ изображаетъ...» Да и пошла-съ мнѣ расписывать! Ну, а тутъ все эти го-ма-го меня тоже наспиртуозили, и вотъ вдругъ чувствую, что хочу я быть Канномъ, да и шабашъ. Вышелъ я оттуда домой, дошелъ до отца протопопова дома, сталъ передъ его окнами и вдругъ подиерся по-офцерски въ боки руками и закричалъ: «Я царь, я рабъ, я червь, я богъ!» Боже, Боже: какъ страшно вспомнить, сколь я былъ безстыжъ и сколь же я былъ за то въ ту жъ пору постыженъ и уязвленъ! Отецъ протопопъ, услыхавъ мое козлогласіе, вскочили съ постели, подошли въ

сорочкѣ къ окну и, распахнувъ раму, гнѣвнымъ голосомъ крикнули: «Ступай спать, Каинъ неистовый!» Вѣрите ли: я даже затрепеталъ весь отъ этого слова, что я «Каинъ», потому, представьте себѣ, что я только собирался въ Каины, а онъ уже это провидѣлъ. Ахъ, Боже! Я отошелъ къ дому своему, самъ слѣдовъ своихъ не разумѣючи, и вся моя стропотность тутъ же пропала, и съ тѣхъ поръ и донинѣ я только скорблю и стенаю.

Повторивъ этотъ разказъ, дьяконъ обыкновенно задумывался, поникалъ головой и черезъ минуту, вздохнувъ, продолжалъ мягкимъ и грустнымъ тономъ:

— Но вотъ-съ днѣ бѣгутъ и текутъ, а гнѣвъ отца протопона не проходитъ и до сего дня. Я приходилъ и винился; во всемъ винился и каялся, говорилъ: «Простите, какъ Богъ грѣшниковъ прощаетъ», но на все одинъ отвѣтъ: «Иди». Куда? я спрашиваю, куда я пойду? Почтмейстерша Тимохина мнѣ все совѣтуетъ: «Въ полкъ, говоритъ, отецъ дьяконъ, идите, васъ полковые любить будутъ». Знаю я это, что полковые очень могутъ меня любить, потому что я и самъ почти воинъ; но чтѣ изъ меня въ полку восполѣдуютъ, вы это обсудите? Вѣдь я тамъ съ ними въ полку ужъ и, дѣйствительно, Каиномъ сдѣлаюсь... Вѣдь это, вѣдь я знаю, что все-таки одинъ онъ, одинъ отецъ Савелій еще меня и содержитъ въ субординаціи,—а онъ... а онъ...

При этихъ словахъ у дьякона закапали въ груди слезы, и онъ, всхлипывая, заканчивалъ:

— А онъ вотъ какую низкую штуку со мною придумалъ: чтобы молчать! Чтѣ я ни заговорю, онъ все молчитъ... За чтѣ же ты молчишь?—воскликнулъ дьяконъ, вдругъ со-всѣмъ начиная плакать и обращаясь съ поднятыми руками въ ту сторону, гдѣ полагалъ быть дому отца протопона. — Хорошо, ты думаешь, это такъ дѣлать, а? Хорошо это, что я по дьяконству моему подхожу и говорю: благослови, отче? и руку его цѣлуя, чувствую, что даже рука его холодна для меня! Это хорошо? На Троицынъ день предъ великою молитвой я, слезами обливался, прощу: благослови... А у него и тутъ умиленія нѣтъ. «Буди благословенъ», говорить. Да чтѣ мнѣ эта форменность, когда все это безъ ласковости!

Дьяконъ ожидалъ утѣшенія и поддержки.

— Заслужи, — замѣчаетъ ему отецъ Захарія: — заслужи хорошенько, онъ тогда и съ лаской простить.

— Да чѣмъ же я, отецъ Захарія, заслужу?

— Примѣрнымъ поведеніемъ заслужи.

— Да какимъ же примѣрнымъ поведеніемъ, когда онъ совсѣмъ меня не замѣчаетъ? Мнѣ, ты, батя, думаешь, легко, какъ я вижу, что онъ скорбитъ, вижу, что онъ нынче въ столь частой задумчивости. Боже мой! говорю я себѣ: — чего онъ въ такомъ изумленіи? Можетъ-быть это онъ и обо мнѣ... Потому что вѣдь тамъ, какъ онъ на меня ни сердись, а вѣдь онъ все это притворствуетъ: онъ меня любитъ...

Дьяконъ оборачивался въ другую сторону и, стуча кулакомъ по ладони, выговаривалъ:

— Ну, просвирнинъ сынъ, тебѣ это такъ не пройдетъ! Будь я взаправду тогда Каинъ, и не дьяконъ, если только я этого учителя Варнавку публично не исковеркаю!

Изъ одной этой угрозы читатели могутъ видѣть, что нѣкому упоминаемому здѣсь учителю Варнавѣ Препотенскому со стороны Ахиллы дьякона угрожала какая-то самая рѣшительная опасность, и опасность эта становилась тѣмъ грознѣе и ближе, чѣмъ чаще и тягостнѣе Ахилла начиналъ чувствовать томленіе по своему потерянному рабѣ, по утраченному благорасположеніи отца Савелія. И вотъ, наконецъ, ударилъ часъ, съ котораго должны были начаться кара Варнавы Препотенскаго рукой Ахиллы и совершенно совпадавшее съ симъ событіемъ начало великой старгородской драмы, составляющей предметъ нашей хроники.

Чтобы ввести читателей въ уразумѣніе этой драмы, мы оставимъ пока въ сторонѣ всѣ тропы и дороги, по которымъ Ахилла, какъ американскій слѣдопытъ, будетъ выслѣживать своего врага, учителя Варнавку, и погрузимся въ глубины внутренняго міра самого драматическаго лица нашей повѣсти — уйдемъ въ міръ невѣдомый и незримый для всѣхъ, кто посмотритъ на лицо и близко, и издали. Проникнемъ въ чистенькій домикъ отца Туберозова. Можетъ-быть, стоя внутри этого дома, найдемъ средство заглянуть внутрь души его хозяина, какъ смотрятъ въ стеклянный улей, гдѣ пчела строитъ свой дивный сотъ, съ воскомъ на освѣщеніе лица Божія, съ медомъ на усладу человѣка. Но будемъ осторожны и деликатны: надѣнемъ легкія сандалии, чтобы шаги ногъ нашихъ не встревожили задумчи-

ваго и грустнаго протопопа; положимъ сказочную шапку-невидимку себѣ на голову, дабы любозытный зракъ нашъ не смущалъ серьезнаго взгляда чиннаго старца, и станемъ пмѣть уши наши отверстыми ко всему, что отъ него услышимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надъ Старь-Городомъ лѣтній вечеръ. Солнце давно сѣло. Нагорная сторона, гдѣ возвышается острый куполъ собора, озаряется блѣдными блесками луны, а тихое Зарѣчье утонуло въ теплой мглѣ. По плывучему мосту, соединяющему обѣ стороны города, изрѣдка проходятъ одинокія фигуры. Онѣ идутъ сиѣшно: ночь въ тихомъ городкѣ рано собираетъ всѣхъ въ гнѣзда свои и на пенелища свои. Прокатила почтовая телѣга, звеня колокольчикомъ и перебирая, какъ клавиши, мостовины, и опять все замерло. Изъ далекнхъ лѣсовъ доносится благотворная свѣжесть. На островѣ, который образуютъ рукава Турицы и на которомъ синѣетъ бакша кривоносаго чудака, престарѣлаго недоучки духовнаго званія, нѣкоего Константина Пизонскаго, называемаго отъ всѣхъ «дядей Котпномъ», раздаются клики:

— Молвоша! гдѣ ты, Молвоша?

Это старикъ зоветъ рѣзваго мальчишку, своего пріемыша, и клики эти такъ слышны въ домѣ протопопа, какъ будто они раздаются надъ самымъ ухомъ сидящей у окна протопопицы. Вотъ оттуда же, съ той же бакши, несется дѣтскій хохотъ, слышится плескъ воды, потомъ топотъ босыхъ ребячьихъ ногъ по мостовинамъ, звонкій лай игривой собаки, и все это кажется такъ близко, что мать протопопица, продолжавшая все это время сидѣть у окна, вскочила и выставила впередъ руки. Ей показалось, что бѣгущее и хохочущее дитя сейчасъ же упадетъ къ ней на колѣни. Но, оглянувшись вокругъ, протопопица замѣтила, что это обманъ и, отойдя отъ окна въ глубину комнаты, зажгла на комодѣ свѣчу и кликнула небольшую, лѣтъ двѣнадцати, дѣвочку и спросила ее:

— Ты, Оѣкльняка, не знаешь ли, гдѣ нашъ отецъ протопопъ?

— Онъ, матушка, у исправника въ шашки играетъ.

— А, у исправника. Ну, Богъ съ нимъ, когда у исправ-

ника. Давай мы ему, Ёёклуника, постель постелемъ, пока онъ воротится.

Ёёклинька принесла изъ сосѣдней комнаты въ залу двѣ подушки, простыню и стеганое желтое шерстяное одѣяло; а мать протопоица внесла бѣлый никейный шлафрокъ и большой пунцовый фуляръ. Постель была постлана отцу протопоцу на большомъ, довольно твердомъ диванѣ изъ карельской березы. Изголовье было открыто; бѣлый шлафрокъ раскинутъ по креслу, которое поставлено въ ногахъ постели; на шлафрокъ положенъ пунцовый фуляръ. Когда эта часть была устроена, мать протопоица, вдвоемъ съ Ёёклинькой, придвинули къ головамъ постели отца Савелія тяжелый, изъ карельской же березы, овальный столъ на массивной тумбѣ, поставили на этотъ столъ свѣчу, стаканъ воды, блюдо съ толченымъ сахаромъ и колокольчикъ. Всѣ эти приготовления и тщательность, съ которою они исполнялись, свидѣтельствовали о великомъ вниманіи протопоицы ко всѣмъ привычкамъ мужа. Только устроивъ все какъ слѣдовало, по обычаю, она успокоилась и снова погасила свѣчу и сѣла одиноко къ окошечку ожидать протопопа. Глядя на нее, можно было видѣть, что она ожидаетъ его неспокойно; этому и была причина: давно невеселый Туберозовъ нынче особенно хандрить цѣлый день, и это тревожило его добрую подругу. Къ тому же, онъ и усталъ: онъ ѣздилъ нынче на поля пригородныхъ слобожанъ и служилъ тамъ молебень по случаю стоящей засухи. Послѣ обѣда онъ немножко вздремнулъ и пошелъ пройтись, но, какъ оказалось, зашелъ къ исправнику, и теперь его еще нѣтъ. Ждетъ его маленькая протопоица еще полчаса и еще часть, а его все нѣтъ. Тишина ненарушимая. Но вотъ съ нагорья послышалось чье-то довольно пріятное ибнѣе. Мать протопоица прислушивается. Это поетъ дьяконъ Ахилла; она хорошо узнаетъ его голосъ. Онъ сходитъ съ Батавиной горы и расиѣвастъ:

Ночною темнотою
Покрылся небеса;
Всѣ люди для покоя
Сомкнули очеса.

Дьяконъ спустился съ горы и, идучи по мосту, продолжаетъ:

Внезапно постучался
Мнѣ въ двери купидонъ;

Пріятный перервалси
Въ началѣ самомъ сопя.

Протопопица слушаетъ съ удовольствіемъ пѣніе Ахиллы, потому что она любитъ и его самого за то, что онъ любитъ ея мужа, и любитъ его пѣніе. Она замечталась и не слышитъ, какъ дьяконъ взошелъ на берегъ и все приближается и приближается, и, наконецъ, подъ самымъ ея окошечкомъ вдругъ хватилъ съ декламаціей:

Кто тамъ стучится смѣло?
Сквозь двери я спросилъ.

Мечтавшая протопопица тихо вскрикнула: «ахъ!» и отскочила въ глубь покоя.

Дьяконъ, услыхавъ это восклицаніе, пересталъ пѣть и остановился.

— А вы, Наталья Николаевна, еще не започивали?— отнесся онъ къ протопопицѣ, и съ этими словами, схватясь руками за подоконникъ, вспрыгнулъ на карнизецъ и воскликнулъ:—А у насъ миръ!

— Что?—переспросила протопопица.

— Миръ,—повторилъ дьяконъ:—миръ.

Ахилла повелъ по воздуху рукой и добавилъ:

— Отецъ протопопъ... конецъ...

— Что ты говоришь, какой конецъ?—запытала вдругъ встревоженная этимъ словомъ протопопица.

— Конецъ... со мною всему конецъ... Отнынѣ миръ и благоволеніе. Нынѣ которое число? Нынѣ четвертое іюня; вы такъ и запишите: «4-го іюня миръ и благоволеніе», потому что миръ всѣмъ, и Варнава къ учителю шабаншъ.

— Ты это что-то... виномъ отъ тебя не пахнетъ, а врешь.

— Вру! А вотъ вы скоро увидите, какъ я вру. Сегодня 4-е іюня, сегодня преподобнаго Меодія Песношскаго, вотъ вы это себѣ такъ и запишите, что отъ этого дня у насъ распочнется.

Дьяконъ еще приподнялся на локти и, втиснувшись въ комнату по самый по поясъ, зашепталъ:

— Вы вѣдь, небось, не знаете, что учитель Варнава сдѣлалъ?

— Нѣтъ, дружокъ, не слыхала, что такое еще онъ, негодивецъ, сотворилъ.

— Ужасная вещь-съ! онъ человѣка въ горшкѣ сварилъ.

— Дьяконъ, ты это врешь!—воскликнула протополнца.

— Нѣтъ-съ, сварилъ!

— Истинно врешь!—человѣка въ горшокъ не всунешь.

— Онъ его въ золиной корчагѣ сварилъ,—продолжалъ, не обращая на нее вниманія, дьяконъ: — и хотя ему это мерзкое дѣло было дозволено отъ исправника и отъ лѣкаря, но тѣмъ не менѣе онъ теперь за это предается въ мои руки.

— Дьяконъ, ты врешь; ты все это врешь.

— Нѣтъ-съ, извините меня, даже ни одной минуты я не вру,—зачастить дьяконъ и, замотавъ головой, началъ вырубать слово отъ слова еще чаще.—Позвольте хорошенько слушать, въ чемъ дѣло и какое его было теченіе: Варнавка, дѣйствительно, сварилъ человѣка съ разрѣшенія начальства, то-есть лѣкаря и исправника, такъ какъ то былъ утопленникъ; но этотъ сваренецъ теперь его жестоко мучить и его мать, госпожу просвирию, и я все это разузналъ и сказалъ у исправника отцу протопону, и отецъ протопонъ исправнику за это... того-съ, по-французски пробре-муа, задали, и исправникъ сказалъ: что я, говорить, возьму солдатъ и положу этому конецъ; но я сказалъ, что пока еще ты возьмешь солдатъ, а я самъ солдатъ, и съ завтрашняго дня, ваше преподобіе, честная протополнца Наталья Николаевна, вы будете видѣть, какъ дьяконъ Ахилла начнетъ казнить учителя Вариавку, который богохульствуетъ, смущаетъ людей живыхъ и мучить мертвыхъ. Да-съ, сегодня 4-е іюня, память преподобнаго Меодія Песношскаго, и вы это запишете...

Но на этихъ словахъ потокъ краснорѣчія Ахиллы оборвался, потому что въ это время какъ будто послышался издадека съ горы кашель отца протопона.

— Во! грядетъ попъ Савелій!—воскликнулъ, слышавъ этотъ голосъ, Ахилла и, соскочивъ съ фундамента на землю, пошелъ своею дорогой.

Протополнца осталась у своего окна не только во мракѣ невѣдѣнія насчетъ всего того, чѣмъ дьяконъ грозился учителю Препотенскому, но даже въ совершенномъ хаосѣ насчетъ всего, что онъ наговорилъ здѣсь. Ей некогда было и раздумывать о нескладныхъ рѣчахъ Ахиллы, потому она услышала, какъ скрипнули крылечныя ступени, и отецъ Савелій вступилъ въ сѣни, въ камилавкѣ на головѣ и

въ рукахъ съ тою самою тростью, на которой было написано: «Жезлъ Аароновъ расцвѣлъ».

Протопоица встала, разомъ засвѣтила двѣ свѣчи и изъ-подъ обѣихъ зорко посмотрѣла на вошедшаго мужа. Протопопъ тихо поцѣловаль жену въ лобъ, тихо снялъ рясу, надѣлъ свой бѣлый плафоръ, подвязалъ шею пунцовымъ фуляромъ и сѣлъ у окошка.

Протопоица совершенно забыла про все, чтò ей за нѣсколько минутъ передъ этимъ говорилъ дьяконъ, и потому ни о чемъ не спросила мужа. Она пригласила его въ смежную маленькую, продолговатую комнатку, которая служила ей спальней и гдѣ теперь была приготовлена для отца Савелія его вечерняя закуска. Отецъ Савелій сѣлъ къ столу, сѣлъ два сваренныя для него всмятку яйца и, помолясь, началъ прощаться на ночь съ женой. Протопоица сама никогда не ужинала. Она обыкновенно только сидѣла предъ мужемъ, пока онъ закусывалъ, и оказывала ему небольшія услуги, то что-нибудь подавая, то принимая и убирая. Потомъ они оба вставали, молились предъ образомъ и непосредственно затѣмъ оба начинали крестить одинъ другого. Это взаимное благословеніе другъ друга на сонъ грядущій они производили всегда оба одновременно и притомъ съ такою ловкостью и быстротой, что нельзя было надивиться, какъ ихъ быстро мелькавшія одна мимо другой руки не хлопнуть одна по другой, и одна за другую не зацѣплятся.

Получивъ взаимныя благословенія, супруги напутствовали другъ друга и взаимнымъ поцѣлуемъ, при чемъ отецъ протопопъ цѣловаль свою низенькую жену въ лобъ, а она его въ сердце; затѣмъ они разставались: протопопъ уходилъ въ свою гостиную и вскорѣ ложился. Точно такъ же пришелъ онъ въ свою комнату и сегодня, но не легъ въ постель, а долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ, притворилъ и тихо заперъ на крючокъ дверь въ женину спальню.

— Отецъ Савелій, ты чего-то не въ свѣтломъ духѣ?— спросила чрезъ стѣнку протопоица, хорошо изучившая всѣ мельчайшія черты мужнина характера.

— Нѣтъ, другъ, я спокоенъ,—отвѣчалъ протопопъ.

— Тебѣ, отецъ Савелій, не подать ли на ночь чистый платочекъ?—освѣдомилась она, вскочивъ и приложивъ носъ къ створу двери.

— Платочекъ? да вѣдь ты въ субботу дала мнѣ платочекъ!

— Ну, такъ что жъ, что въ субботу?.. Да отойдите вы въ самомъ дѣлѣ, отецъ Савелій! Что это вы еще за моду такую взяли, чтобъ отъ меня заираться?

Протопопъ молча откинулъ крючокъ, а Наталья Николаевна принесла чистый фуляровый платокъ и, пользуясь этимъ случаемъ, они съ мужемъ снова начали прощаться и крестить другъ друга тѣмъ же удивительнымъ для непривычнаго человѣка способомъ, и затѣмъ опять разстались. Дверь теперь оставалась отворенною: объяснилось, зачѣмъ старикъ непременно хотѣлъ ее припереть. Отцу протопопу не спалось, и онъ чувствовалъ, что ему не удастся уснуть: прошелъ часъ, а онъ еще все ходилъ по комнатамъ въ своемъ бѣломъ шикейномъ шлафорѣ и пунцовомъ фулярѣ подъ шеей. Въ старикѣ какъ бы совершалась нѣкая борьба. При всемъ внѣшнемъ достоинствѣ его манеръ и движеній, онъ ходилъ шагами неровными, то нѣсколько учащая ихъ, какъ бы хотѣлъ куда-то броситься, то замедляя ихъ и, наконецъ, вовсе останавливаясь и задумываясь. Это хожденіе продолжалось еще съ добрый часъ, прежде чѣмъ отецъ Савелій подошелъ къ небольшому красному шкафику, утвержденному на высокомъ комодѣ съ вытянутою доской. Изъ этого шкафа онъ досталъ Евгеніевскій *Календарь*, переплетенный въ толстый синій демикатонъ, съ желтымъ юхтовымъ корешкомъ, положилъ эту книгу на стоявшемъ у его постели овальномъ столѣ, зажегъ предъ собою двѣ экономическія свѣчи и остановился: ему показалось, что жена его еще ворочается и не спитъ. Это такъ и было.

— Будешь читать, вѣрно?—спросила его въ эту минуту изъ-за стѣны своимъ тихимъ, заботливымъ голоскомъ Наталья Николаевна.

— Да, я, другъ Наташа, немножко почитаю, — отвѣчалъ отецъ Туберозовъ:— а ты, одолжи меня, усни пожалуй.

— Усну, мой другъ, усну, — отвѣчала протопопица.

— Да, прошу тебя, пожалуй усни, — и съ этими словами отецъ протопопъ, осѣлавъ свой гордый римскій носъ большими серебряными очками, началъ медленно перелистывать свою синюю книгу. Онъ не читалъ, а только перелистывалъ эту книгу, и притомъ останавливался не на томъ, что въ ней было напечатано, а лишь просматривалъ его собствен-

ною рукой исписанныя прокладныя страницы. Всѣ эти записки были сдѣланы разновременно и воскрешали предъ старымъ протопопомъ цѣлый міръ воспоминаній, къ которымъ онъ любилъ по временамъ обращаться.

Очутясь между протопопомъ Савелиемъ и его прошлымъ, станемъ тихо и почтительно слушать тихій шопотъ его старческихъ устъ, раздающійся въ глухой тиши полуночи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Демикатоновая книга протопопа Туберозова.

Туберозовъ просматривалъ свой календарь съ самой первой прокладной страницы, на которой было написано: «По рукоположеніи меня *4-го февраля 1831 года* пресвященнымъ Гаврииломъ въ іерея, получилъ я отъ него сію книгу въ подарокъ за мое доброе прохожденіе семинарскихъ наукъ и за поведеніе». За первую надписью, совершенною въ первый день іерейства Туберозова, была вторая: «Проповѣдывалъ впервые въ соборѣ послѣ архіерейскаго служенія. Темой проповѣди избралъ текстъ притчи о сыновьяхъ вертоградаря. Одинъ сказалъ: не пойду и пошелъ, а другой отвѣчалъ: пойду, и не пошелъ. Свелъ сіе ко благимъ дѣйствіямъ и благимъ намѣреніямъ, позволяя себѣ нѣкоторые намеки на служащихъ, присягающихъ и о присягѣ своей небрегающихъ, давая симъ тонкіе намеки чиновначаліямъ и властямъ. Говорилъ плавно и менѣе ильнино, чѣмъ естественно. Владыка одобрили сію мою пробу пера. Однакоже, впоследствии его пресвященство призывалъ меня къ себѣ и, одобряя мое слово вообще, въ частности же указалъ, дабы въ проповѣдяхъ прямого отношенія къ жизни дѣлать опасался, особливо же насчетъ чиновниковъ, ибо отъ нихъ-де чѣмъ дальше, тѣмъ и освященнѣе. Но за прошлое сказаніе не укорялъ и даже какъ бы одобрялъ».

«*1832 года, декабря 18-го*, былъ призванъ высокопресвященнымъ и получилъ назначеніе въ Старъ-Городъ, гдѣ парочито силенъ расколъ. Указано противодѣйствовать оному всячески».

«*1833 года, въ восьмой день февраля*, выѣхалъ съ попадѣй изъ села Благодухова въ Старъ-Городъ и прибылъ сюда 12-го числа о заутренѣ. На дорогѣ чуть насъ не съѣла волчья свадьба. Въ церквѣ засталъ нестроеніе. Рас-

коль силень. Осмотрѣвшись, нахожу, что противодѣйствіе расколу по консисторской инструкціи дѣло не важное, и о семъ писалъ въ консисторію и получилъ за то выговоръ».

Протоіерей пропустилъ нѣсколько замѣтокъ и остановился опять на слѣдующей: «Получивъ замѣчаніе о бездѣятельности, усматриваемой въ недоставленіи мною обильныхъ доносовъ, оправдывался, что въ расколѣ дѣлается только то, что уже давно всѣмъ извѣстно, про что и писать нечего, и при семъ добавилъ въ семъ рапортѣ, что наиплавнѣе всего, что церковное духовенство находится въ крайней бѣдности, и того для, по человѣческой слабости, не противодѣйственно подкупаю и даже само не мало потворствуетъ расколу, какъ и другіе прочіе оберегатели православія, пріемля даянія раскольниковъ. Заключилъ, что не съ иного чего надо бы начать, къ исправленію скорбей церкви, какъ съ изыятія самого духовенства изъ-подъ тяжкой зависимости. Образцомъ сему показали раскольниковыя сравненія синода съ патриаршествомъ и симъ надѣялся и дѣятельность свою оправдать, и очередной отъ себя доносъ отбить, но за опытъ сей вторично получилъ выговоръ и замѣчаніе, и вызванъ къ личному объясненію, при коемъ былъ названъ «непочтительнымъ Хамомъ, открывающимъ наготу отца». Сіе, надлежитъ подразумѣвать, удостоенъ былъ получить за то, что созналъ какъ бѣдно, полуголодное духовенство само за неволю нерѣдко расколу потворствуетъ, и наипаче за то, что про синодъ упомянулъ... Простите, пожалуйста, кто обиженъ! Въ забвеніе вами мнѣ сея великія вины всномяну вамъ слова свѣтскаго, но свѣтлаго писателя господина Татищева: «а голодный, хотя бы и патриархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ, особливо предложенный». Вотъ и патриарху на орѣхи!»

Ниже, черезъ нѣсколько записей, значилось: «быть по дѣламъ въ губерніи и, представляясь владыкѣ, лично ему докладывать о бѣдности причтовъ. Владыка очень о семъ соболѣзновали; но замѣтили, что и самъ Господь нашъ не имѣлъ, гдѣ главы восклонить, а къ сему учить не уставалъ. Совѣтовалъ мнѣ, дабы рекомендовать духовнымъ читать книгу «О подражаніи Христу». На сіе ничего его преосвященству не возражалъ, да и вотще было бы возражать, потому какъ и книги той духовному ищущему нашему достать негдѣ».

«Политично за вечернимъ столомъ у отца соборнаго ключаря еще разъ заводилъ рѣчь о семь же предметѣ съ отцомъ благочиннымъ и съ секретаремъ консисторіи; однако сѣи рѣчи мои обращены въ шутку. Секретарь съ усмѣшкой сказалъ, что «бѣдному удобнѣе въ царствіе Божіе вникти», что мы и безъ его благородія знали, а отецъ ключарь при семъ рассказали небезынтересный анекдотъ объ одномъ академическомъ студентѣ, который въ послѣдствіи былъ знаменитымъ святителемъ и проповѣдникомъ. Сей будто бы еще въ мірскомъ званіи, на вопросъ владыки, имѣетъ ли онъ какое состояніе, отвѣтствовалъ:

«— Имѣю, ваше преосвященство.

«— А движимое или недвижимое?—вопросилъ сей, на что онъ отвѣтствовалъ:

«— И движимое, и недвижимое.

«— Что же такое у тебя есть движимое?—вновь спросилъ его владыка, видя замѣтную мизерность его костюма.

«— А движимое у меня домъ въ селѣ,—отвѣтствовалъ вопрошаемый.

«— Какъ такъ, домъ—движимое? Разсуди, сколь глупъ отвѣтъ твой.

«А тотъ, нимало сѣмъ не смущаясь, провѣщаль, что отвѣтъ его правиленъ, ибо домъ его такого свойства, что коль скоро на него вѣтеръ подуетъ, то онъ весь и движется.

«Владыкѣ отвѣтъ сей показался столь своеобразнымъ, что онъ этого студіозуса за дурня уже не хотѣлъ почитать, а напротивъ, интересуясь имъ, еще спросилъ:

«— Что же ты своею недвижимою нарицаешь?

«— А недвижимость моя,—отвѣчаль студентъ:—матушка моя, дьячиха, да наша коровка бурая, кои обѣ ноги не двигали, когда отбывалъ изъ дому, одна отъ старости, другая же отъ безкормицы.

«Не мало сему всѣ мы смѣялись, хотя я, впрочемъ, находилъ въ семъ болѣе печальнаго и трагическаго, нежели комедійной веселости, способной гѣшить. Начинāju замѣчать во всѣхъ значительную смѣшливость и легкомысліе, въ коихъ добраго не предусматриваю.

«Житіе мое провожу въ снѣ и въ яденіи. Расколу не могу оказывать противодѣйствій ни малымъ чѣмъ, ибо всѣми связанъ, и притомъ своимъ полуголоднымъ, и исправни-

комъ дуже сытымъ. Негодую, зачѣмъ я какъ бы въ посмѣ-
шище съ миссіонерскою цѣлю посланъ: проповѣдывать —
да некому; учить—да не слушаютъ? Проповѣдуетъ исправ-
никъ меня гораздо лучше, пбо у него къ сему есть такая
миссіонерская снасть о нѣсколькихъ концахъ, а отъ меня
доносовъ требуютъ. Владыко мой! къ чему сіи доносы? Что
въ нихъ завертывать? А мнѣ, по моему разсужденію, и
санъ мой не позволяетъ писать ихъ. Я лучше чистой бу-
маги пожертвую...

«Представляль рапортъ о дозволеніи имѣть на Пасхѣ
словопреніе съ раскольниками, въ чемъ и отказано. Вдо-
бавокъ къ форменной бумагѣ, секретарь смѣючись отписалъ
приватно, что если скука одолѣваетъ, то чтобы къ нимъ
проѣхался. Нѣтъ ужъ, покорнѣйше спасибо, а не прогнѣ-
вайтесь на здоровье. И безъ того мой хитонъ обличаетъ мя,
яко нѣсть браченъ, да и жена въ одной исподницѣ гуляетъ.
Слѣдовало бы какъ ни на есть понзряднѣе примундириться,
потому что люди у насъ руки цѣлуютъ, а примундироваться
еще пока ровно не на что; но всего что противнѣе, это сей
презрѣнный, наглый и безстыжій тонъ консисторскій, съ
которымъ говорится: «а не хочешь ли, польъ, въ консисто-
рію съѣздить подонтыся?» Нѣтъ, друже, не хочу, не хочу;
поищите себѣ кормилицу подебелѣе».

«13-го октября 1835 года. Читалъ книгу объ обличеніи
раскола. Все въ ней есть, да одного нѣтъ, что раскольники
блюдутъ свое заблужденіе, а мы своимъ правымъ путемъ
небрежемъ; а сіе, мню, яко важнѣйшее».

«Сегодня утромъ, 18-го марта сего 1836 года, попадья
Наталья Николаевна намекнула мнѣ, что она чувствуетъ
себя не пороженю. Подай Господи намъ сію радость! Ожи-
дать въ началѣ ноября».

«9-го мая, на день св. Николая Угодника, происходило
разрушеніе Дѣвской старовѣрческой часовни. Зрѣлище было
страшное, непристойное и поистинѣ возмутительное; а къ
сему же еще, какъ на зло, желѣзный крестъ съ купольнаго
фонаря сорвался и повисъ на цѣпяхъ, а будучи остерве-
ненно понуждаемъ баграми разорителей къ паденію, упалъ
внезапно и проломилъ пожарному солдату изъ жидовъ го-
лову, отчего тотъ здѣсь же и померъ. Охъ, какъ мнѣ было
тяжко все это видѣть: Господи! да право, хотя бы жидовъ-то
не посылали, что ли, кресты рвать! Вечеромъ надъ разо-

ревною моленной собирався пародъ, и ихъ, и нашъ церковный, и всѣ вмѣстѣ много и горестно плакали, и, наконецъ того, начали даже искать объятій и уніи».

«10-го мая. Были большія со стороны начальства ошибки. Предъ полуночью прошелъ слухъ, что народъ вынесъ на камень лампаду и началъ молиться надъ разбитою моленною. Всѣ мы собрались и видимъ, точно идетъ моленіе, и лампада горитъ въ рукахъ у старца и не потухаетъ. Городничій велѣлъ тихо подвести пожарныя трубы и изъ нихъ народъ окачивать. Было сіе весьма необдуманно и, скажу, даже глупо, ибо народъ зажегъ свѣчи и пошелъ по домамъ, восгѣвая «мучителя Фараона» и крича: «Господь побораесть вѣрѣ мучимой; и вѣтеръ свѣщей не гаситъ»; другіе кивали на меня и вопили: «подай намъ нашу Пречистую покровенную Богородицу и поклоняйся своей простоволосой въ нѣмецкомъ платьѣ». Я только указалъ городничему, сколь несторожно было сіе его распоряженіе о разореніи и срываніи крестовъ и отобраніи иконы, но ему что? Ему лишь бы у нѣмца выслужиться».

«12-го мая. Франтовство одолѣло: взялъ въ долгъ у предводительской экономки два шелковыя платья предводительшины и послалъ ихъ въ городъ окрасить въ масока цвѣтъ, какъ у губернскаго протодіакона, и сошью себѣ ряску шелковую. Невозможно безъ этой аккуратности, потому что становлюсь повсюду вхожъ въ дворянскіе дома, а унижать себя не намѣренъ».

«17-го мая. Попадья Наталья Николаевна намекнула, что она въ разсужденіи своего положенія ошиблась».

«20-го іюня. По донесенію городничаго, за нехожденіе со крестомъ о Пасхѣ въ дома раскольниковъ, былъ снова вызванъ въ губернію. Изложилъ сіе дѣло владыкѣ обстоятельно, что не ходилъ я къ старовѣрамъ не по нерадѣнію, ибо то даже было въ карманный себѣ ущербъ; но я сдѣлалъ сіе для того, дабы раскольники чувствовали, что чести моего съ причтомъ посѣщенія лишаются. Владыко задумался и потомъ объясненіе мое приняли; но не мимо идетъ рѣчь, что царь жалуесть, да его царь не жалуесть. Такъ какъ дѣло сіе о моеи манкировкѣ нѣкоторою своей стороной касалось и гражданской власти, то, дабы положить конецъ сей пустой претензіи и объ-онъ-поль, владыка послалъ меня объяснить сіе важное дѣло губернатору. Но и было же

объясненіе!.. Оле мпѣ грѣшному, что я только тамъ вытерпѣлъ! Оле и вамъ, ближніе мои, братія мои, искренніи и други, за срамоту мою и униженіе, которыя я перенесъ отъ сего куцаго нечестивца! Губернаторъ, яко иѣмецъ, соблюдая амбицію своего Лютера, русскаго попа къ себѣ не допустилъ, отрядилъ меня для собесѣдованія о семъ къ правителю. Сей же правитель, полякъ, не по владычному дѣлу сіе разсмотрѣть изволилъ, а напустился на меня съ крикомъ и рыканіемъ, говоря, что я потворствую расколу и сопротивляюсь волѣ моего государя. Оле же тебѣ, яше прокаженный, и ты съ твоею прожженною совѣстію меня сопротивленіемъ царю моему упрекаешь! Однако, я сіе снесъ и ушелъ молча, памятуя хохлацкую пословицу: «скачи, враже, яко панъ каже». И вышло такъ, что все описанное случилось какъ бы для обновленія моей шелковой рясы, которая, при семъ скажу, сдѣлана весьма исправно и едва только при солнцѣ чуть отгвѣяеть, что изъ разныхъ матерій».

«23-го марта. Сегодня, въ субботу Страстную, приходили причотники и дьяконъ. Прохоръ просить, дабы неотгвѣнно идти со крестомъ на Пасхѣ и по домамъ раскольниковъ, ибо несоблюденіе сего имъ въ унцербъ. Отдалъ имъ изъ своихъ денегъ сорокъ рублей, но не пошелъ на сей срамъ, дабы принимать деньги у мужичьихъ воротъ какъ подаеніе. Вотъ теперь уже рясу свою вижу уже за глупость, могъ бы и безъ нея обойтись, и было бы что причту раздать пообплывѣ. Но думалось: «пельзя же комиссару и безъ штановъ».

«24-го апрѣля 1837 года. Былъ осрамленъ до слезъ и до рыданій. Опять былъ на меня доносъ, и опять предстоялъ предъ онымъ губернаторскимъ правителемъ за неихожденіе со крестомъ во двory раскольниковъ. Доносъ сдѣланъ самимъ причтомъ. Какъ перенести сію низость и неблагодарность! Мыслитель и администраторы! сложи въ просвѣщенномъ умѣ своемъ, изъ чего жизнь попа русскаго сочетается. Возвращаясь домой, цѣлую дорогу сѣтовалъ на себя, что не пошелъ въ академію. Оттоль поступилъ бы въ монашество, какъ другіе; былъ бы съ лѣтами архимандритомъ, архіереємъ; ѣздилъ бы въ каретѣ, самъ бы командовалъ, а не мною бы помыкали. Суетою сего злобно себя тѣшилъ, упорно воображая себя архіереємъ, но, при-

ѣхавъ домой, былъ нѣжно обласканъ попадьей, и возблагодарилъ Бога, тако устроившаго яко же есть».

«25-го апрѣля. Былъ я осрамленъ въ губерніи; но мало въ сравненіи предъ тѣмъ, сколь дома сегодня остыженъ, какъ школьникъ. Вчера только вписалъ я мои нотатки о моихъ скорбяхъ и недовольствахъ, а сегодня, вставъ рано, сѣлъ у окна и, размышляя о дѣлахъ своихъ и о прошедшемъ своемъ, и о будущемъ, глядѣлъ на раскрытую предъ окномъ моимъ бакшу полунищаго Пизонскаго. Прошлый годъ у него на грядахъ нѣкая дурочка Настя, обольщенная проходящимъ солдатомъ, родила младенца и сама, кинувшись въ воду, утонула. Пизонскій въ одинокой старости своей призрѣлъ сего младенца, и о семъ всѣ позабыли; позабылъ и я во главѣ прочихъ. Но утромъ днесъ поглядаю свысока на землю сего Пизонскаго, да думаю о дѣлахъ своихъ, какъ вдругъ начинаю замѣчать, что эта, свѣжевзоранная черная, даже какъ бы синеватая земля, необыкновенно какъ красиво нѣжится подъ утреннимъ солнцемъ, и ходять по ней бороздами въ блестящемъ перѣ тощія черныя птицы и свѣжимъ червемъ подкрѣпляютъ свое голодное тѣло. Самъ же старій Пизонскій, весь съ лысой головы своей озаренный солнцемъ, стоялъ на лѣстницѣ у утвержденного на столбахъ разсадинка и, имѣя въ одной рукѣ чашу съ сѣменами, другою погружалъ зерна, кладя ихъ шепотью крестообразно и глядя на небо, съ опущеніемъ каждаго зерна, зывалъ по одному слову: «Боже! устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и производящаго, благословляющаго и неблагодарнаго», и едва онъ сіе кончилъ, какъ вдругъ всѣ ходившія по пашнѣ черныя глянцевитыя птицы вскричали, закудахтали куры и запѣлъ, громко захлопавъ крыльями, горластый пѣтухъ, а съ рогожи сдвинулся тотъ, принятый симъ чудакомъ, мальчикъ, сынъ дурочки Насти; онъ дѣтски отраднo засмѣялся, руками всплескалъ и, смѣясь, поползъ по мягкой землѣ. Было мнѣ все это точно видѣнье. Старій Пизонскій былъ счастливъ и громко запѣлъ: «Аллилуія!» Аллилуія, Боже мой! запѣлъ и я себѣ отъ восторга, и умиленно заплакалъ. Въ этихъ цѣлебныхъ слезахъ я облегчилъ мои досажденія и понялъ, сколь глупа была скорбь моя, и долго послѣ дивился, какъ дивно врачуетъ природа недуги души человѣческой! Умножь и возрасти, Боже, благая на

земли на всякую долю: на хотящаго, просящаго, на *произволящаго* и *исблагодарнаго*... Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился! Это, можетъ быть, гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогаетъ. О моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна!»

«6-го августа, день Преображенія Господня. Что это за прелестная такая моя попадья Наталья Николаевна! Олять: гдѣ, кромѣ святой Руси, подобныя жены быть могутъ? Я ей говорилъ какъ-то, сколь меня трогаетъ нѣжность бѣднѣйшаго Пизонскаго о дѣтяхъ, а она сейчасъ поняла или отгадала мысль мою и жажданіе: обняла меня и съ румянцемъ стыдливости, столь ей идущимъ, сказала: «Погоди, отецъ Савелій, можетъ Господь дать намъ». (Она разумѣла: дать дѣтей). Но я по обычаю, думая, что подобныя ея надежды всегда суетны и обманчивы, ни о какихъ подробностяхъ ея не спрашивалъ, и такъ оно и вышло, что не надо было беспокоиться. Но и изъ ложной сей тревоги вышла превосходная трогательность. Сегодня я говорилъ слово къ убѣжденію въ необходимости всегдашняго себя преображенія, дабы силу имѣть во всѣхъ борьбахъ коваться какъ металлъ нѣкій крѣпкій и ковкій, а не плющиться какъ низменная глина, изсыхая, сохраняющая отпечатокъ послѣдней ноги, которая на нее наступила. Говоря сіе, увлекся нѣкою импровизаціей и указалъ народу на столваго у дверей Пизонскаго. Хотя я по имени его и не назвалъ, но сказалъ о немъ, какъ о нѣкомъ посреди насъ стоящемъ, который, придя къ намъ нагій и всѣми глушцами осмѣянный за свое убожество, не только самъ не погибъ, но и величайшее изъ дѣлъ человѣческихъ сдѣлалъ, спасая и воспитывая неоперенныхъ итенцовъ. Я сказалъ, сколь сіе сладко—согрѣвать беззащитное тѣло дѣтей и насаждать въ души ихъ сѣмена добра. Выговоривъ это, я самъ почувствовалъ мои рѣсницы омоченными и увидаль, что и многіе изъ слушателей стали отирать глаза свои и искать очами по церкви нѣкоего, его же разумѣла душа моя, искать Котина нищаго, Котина, сырыхъ питателя. И види, что его нѣту, ибо онъ, понявъ намекъ мой, смиренно вышелъ и ощутилъ какъ бы нѣкую священную острую боль и задыханіе, по тому случаю, что смутилъ его похвалою и

сказалъ:— «Нѣтъ его, нѣтъ, братія, межъ нами! ибо ему не нужно это слабое слово мое, потому что слово любви давно огненнымъ перстомъ Божиимъ начертано въ смиренномъ его сердцѣ.—Прошу васъ,—сказалъ я съ поклономъ:—всѣ вы, здѣсь собравшіеся достопочтенные и именитые сограждане, простите мнѣ, что не стратига превознесеннаго вспомнилъ я вамъ въ нашей бесѣдѣ въ образъ силы и въ подражаніе, но одинаго отъ малыхъ, и если что смутитъ васъ отъ сего, то отнесите сіе къ моей малости, зане грѣшный погъ вашъ Савелій, назирая сего малаго, не разъ чувствовалъ, что самъ онъ предъ нимъ не іерей Бога выпняго, а въ ризахъ сихъ покрывающихъ мое недостоинство—гробъ новопленный. Аминь».

«Не знаю, что заключалось умнаго и краснорѣчиваго въ простыхъ словахъ сихъ, сказанныхъ мною совершенно ex promptu, но могу сказать, что богомольцы мои нѣчто изъ сего вняли и на мою руку, когда я ее подавалъ при отпускѣ, пала не одна слеза. Но это не все: важнѣйшее для меня только наступало».

«Какъ бы въ нѣкую награду за искреннее слово мое объ отрадѣ пещись не токмо о своихъ, но и о чужихъ дѣтихъ, Вездѣсущій и Всенеполняющій пріялъ и мое недостоинство подъ свою десницу. Онъ открылъ мнѣ днесь всю истинную цѣну сокровища, которымъ, по безмѣрнымъ щедротамъ Его, я владѣю, и велѣлъ мнѣ еще преобразиться въ наидовольнѣйшаго, судьбою своею, человѣка. Только что прихожу домой съ пяткомъ освященныхъ послѣ обѣдни яблокъ, какъ на порогѣ ожидаетъ меня встрѣча съ нѣкоторою довольно старою знакомкой: то сама понадья моя Наталья Николаевна, выкравшись тихо изъ церкви, во время отпуска, приготовила мнѣ, по обычаю, чай съ легкимъ фриштинкомъ и стоитъ стопочкой на порогѣ, но стоитъ не съ пустыми руками, а съ букетомъ изъ рѣчной лилеи и садоваго левкоя. «Ну еще ли не коварная послѣ этого ты женщина, Наталья Николаевна!» сказалъ я, никогда прежде сего ее коварствомъ не укорявши. Но она столь умна, что нимало этимъ не обидѣлась: она поняла, что сіе шуткой сказано и, обнявъ меня, только тихо, но прегорько заплакала. Чего эти слезы?—сіе ея тайна, но для меня не таинственна сія твоя тайна, жена добрая, и не знающая, чѣмъ утѣшать мужа своего, а утѣхи Израилевой, Веніамина малаго, дать

сму лишенная. Да, только рѣчною лилею и садовымъ левкоемъ встрѣтило меня въ этотъ день сѣ отверстое въ любви и благоволеніи сердце! Въ тихой грусти, двое бездѣтныя, сѣли мы за чай, но былъ то не чай, а слезы наши растворились намъ въ питіе, и незамѣтно для себя мы оба заплакали, и оборучь пали мы ницъ предъ образомъ Спаса, и много, и жарко молились Ему объ утѣхѣ Израилевой. Наташа послѣ открылась, что она какъ бы слышала нѣкое обѣтованіе чрезъ ангела, и я хотя понималъ, что это плодъ ея доброй фантазіи, но оба мы стали радостны какъ дѣти. Замѣчу, однако, что и въ семь настроеніи Наталья Николаевна значительно меня, грубаго мужчину, превосходила какъ въ ума сообразительности, такъ и въ достоинствѣ возвышенныхъ чувствъ.

«— Скажи мнѣ, отецъ Савелій,—приступила она ко мнѣ, добродушно ласкаячись:—скажи, дружокъ: не былъ ли ты когда-нибудь, прежде чѣмъ нашель меня, противъ цѣломудренной заповѣди грѣшнень?»

«Такой вопросъ, откровенно долженъ признаться, крайне смутилъ меня, ибо я вдругъ сталъ понимать, къ чему мои перегодящая женка у меня такое ей несоотвѣтственное выпытываетъ.

«Но она со всею своею превосходною скромностью и со всею съ этою женскою кокетеріей, которую хотя и попадая, но отъ природы унаслѣдовала, вдругъ и взаправду коварно начала меня обольщать воспоминаніями минувшей моей юности, напоминая, что тому, о чемъ она намекнула, не трудно было стать, ибо былъ будто бы я столь собою пригожь, что когда пріѣхалъ къ ея отцу въ городъ Фателкъ на ней свататься, то все дѣвицы не только духовныя, но даже и свѣтскія по мнѣ вздыхали! Сколь сіе ни забавно, однако я старался разсѣять всякія сомнѣнія насчетъ своей юности, что мнѣ и не трудно, ибо безъ лжи въ семь имѣю оправданіе. Но чѣмъ я тверже ее успокоивалъ, тѣмъ она болѣе иринуывала, и я не постигалъ, отчего оправданія мои ее нимало не радовали, а напротивъ, все болѣе какъ будто печалили, и наконецъ она сказала:

«— Нѣтъ ты, отецъ Савелій, вспомни, можетъ быть, когда ты былъ легкомыслень... то нѣтъ ли гдѣ какого сиротки?»

«Тутъ уже я, что она сказать хочетъ, уразумѣлъ и понялъ, къ чему она все это вела и чего она сказать съы-

дится; это она тщится отыскать мое незаконное дитя, котораго нѣтъ у меня! Какое благодушіе! Я, какъ ужаленный слѣпнемъ волю, сорвался съ своего мѣста, бросился къ окну и вперилъ глаза мои въ небесную даль, чтобы даль одна видѣла меня, столь превзойденнаго моею женой въ добротѣ и попеченіи. Но и она, моя лилейная и левкойная подруга, моя роза бѣлая, непорочная, благоуханная и добрая, и она снялась вслѣдъ за мною; поступью легкою ко мнѣ сзади подкралась и, положивъ на плечи мнѣ свои малыя лапки, сказала:

«— Вспомни, голубь мой: можетъ быть гдѣ-нибудь есть тотъ голубенокъ, и, если есть, поидемъ и возьмемъ его!

«Мало что она его хочетъ отыскивать, она его уже любить и жалѣетъ какъ неопереннаго голубенка! Этого я уже не снесъ и, закусивъ зубами бороду свою, палъ предъ ней на колѣни и, поклонясь ей до земли, зарыдалъ тѣмъ рыданіемъ, которому нѣтъ на свѣтѣ описанія. Да и вправду, повѣдайте мнѣ времена и народы, гдѣ, кромѣ святой Руси нашей, рождаются такія женщины, какъ сія добродѣтель? Кто ее всему этому училъ? Кто ее воспитывалъ, кромѣ Тебя, Всеблагій Боже, Который далъ ее недостойному изъ слугъ Твоихъ, дабы онъ могъ ближе онуцать Твое величіе и благодѣя». »

Здѣсь въ дневникѣ отца Савелія почти цѣлая страница была залита чернилами и внизу этого чернильнаго пятна начертаны слѣдующія строки:

«Ни пятна сего не выведу, ни нѣкоей нескладницы и тождесловія, которыя въ послѣднихъ строкахъ замѣчаю, не исправлю: пусть все такъ и остается, ибо все, чѣмъ сія минута для меня обильна, мило мнѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, и таковымъ должно сохраниться. Попадья моя не унялась сегодня проказничать, хотя теперь уже двѣнадцатый часъ ночи, и хотя она за обычай всегда въ это время спитъ, и хотя я это и люблю, чтобъ она къ полуночи всегда спала, ибо ей то здорово, а я люблю слегка освѣжать себя въ ночной тишинѣ какимъ удобно чтеніемъ, а иною порой пишу свои нотатки, и нерѣдко, пописавъ нѣсколько, подхожу къ ней сиящей и спящую ее цѣлую, и если чѣмъ огорченъ, то въ семь отрадномъ поцѣлуѣ почерпаю снова бодрость и силу, и тогда засыпаю покойно. Днесъ же я вель себя до сей поры нѣсколько иначе. По семь днѣ,

повергавшемъ меня всѣми ощущеніями въ непрерывное разнообразіе, я столь былъ увлеченъ описаніемъ того, что мою выше описано, что чувствовалъ плохую жѣнку мою въ душѣ моей, и поелико душа моя лобзала ее, я не вздумалъ ни однажды подойти къ ней и поцѣловать ее. Но она, тонкая сія лукавица, замѣтивъ сіе мое упущеніе, поправила оное съ невѣроятною оригинальностью: часть тому назадъ пришла она, положила мнѣ на столъ носовой платокъ чистый и, поцѣловавъ меня, какъ бы и путная, удаллась ко сну. Но что же, однако, за непостижимыя хитрости женскія за ней оказываются! Вдругъ, пресерьезнѣйше пшущи, вижу я, что мой платокъ какъ бы движется и внезапно падаетъ на полъ. Я нагнулся, положилъ его снова на столъ и снова занялся писаніемъ; но платокъ опять упалъ на полъ. Я его положилъ на колѣни мои, а онъ и оттолъ падаетъ. Тогда я взялъ сего непокорнаго, да прикрѣпилъ его, подложивъ немного подъ чернильницу, а онъ, однако, и оттуда убѣжалъ и даже увлекъ съ собою и самую чернильницу, опрокинулъ ее и календарь мой симъ изряднымъ пятномъ изукрасилъ. Что же сіе полотняное бѣгство означаетъ? означаетъ оно то, что попадья моя выходитъ наипервѣйшая кокетка, да еще къ тому и рѣдкостная, потому что не съ добрыми людьми, а съ мужемъ кокетничаетъ. Я ужъ ее сегодня вечеромъ въ этомъ упрекнулъ, когда она, улыбаючись, предо мною сидѣла на оконечкѣ и сожалѣла, что она романсовъ пѣть не умѣетъ, а она какую теперь штуку измыслила и приправила! Взяла къ этому платку, что мнѣ положила, поднося его мнѣ, потаежно прикрѣпила весьма длинную нитку, протянула ее подъ дверь къ себѣ на постель и, лежащи на покоѣ, платокъ мой у меня изъ-подъ рукъ изволить, шая, подергивать. И я, толстоносый, потому это только открылъ, что съ послѣднимъ паденіемъ платка сія тихій и радостный хохотъ раздался, и потомъ за дверью ея босыя ножонки затопотали. Напрокудила, да и плюхъ въ постель. Пошелъ, цѣловалъ ее безъ мѣры, но ушелъ опять, чтобы занотовать себѣ всю прелесть жены моей подъ свѣжими чувствами».

«7-го августа. Всю ночь прошедшую не спалъ отъ избытка моего счастья, и не солгу, если прибавлю, что также и Наташа не мало сему бодрствованію способствовала. Словно влюбленные подъ Петровъ день солище караулять,

такъ и мы съ нею послѣ пятилѣтняго брака своего сегоднѣшняго солнца дождались, сидя подь окномъ своимъ. Призналась голубка, что она и весьма часто этакъ не спитъ, когда я пишу, а только сиящую притворяется, да и во многомъ другомъ призналась. Призналась, что вчера въ церкви, слушая мое слово, которое ей почему-то столь много понравилось, она дала обѣтъ идти пѣшкомъ въ Кіевъ, если только почувствуетъ себя въ тягости. Я этого не одобрилъ, потому что такой переходъ беременной не совѣмъ въ силу; но обѣтъ исполнить ей разрѣшилъ, потому что при такой радости, разумѣется, и самъ тогда съ нею пойду, и гдѣ она уставать станетъ, я понесу ее. Дѣлали сему опытъ: я долго носилъ ее на рукахъ моихъ по саду, мечталъ, какъ бы она уже была беременная и я ее охраняю, дабы не случилось съ ней отъ ходьбы какого несчастія. Столь этою мыслью желанною увлекаюсь, что, увидѣвъ, какъ Наташа, шая, сѣла на качели, кои кухаркина дѣвочка подь яблонью поддѣпила, я даже снялъ тѣ качели, чтобы сего впередъ не случилось, и наверхъ яблони закинулъ съ величайшимъ опасеніемъ, чему Наташа очень много смѣялась. Однако, хотя жизнь моя и не изобилуетъ вѣщами, тщательной секретности требующими, но все-таки хорошо, что хозяинъ домика нашего обнесъ свой садикъ добрымъ заборцемъ, а Господь обраститъ этотъ заборъ густою малиной, а то, пожалуй, иной сказалъ бы, что пона Савелия не грѣхъ подчасъ назвать и скоморохомъ».

«9-го августа. Заносу препотѣшное событіе, о чемъ моя жена съ дьяконовымъ сыномъ-риторомъ вела сегодня не только разговоръ, но даже и споръ. Это поистинѣ и казусъ, и комедія. Спорили о томъ: *Кто всѣхъ умнѣе?* Риторъ говоритъ, что всѣхъ умнѣе былъ Соломонъ, а моя попадья утверждаетъ, что я, и должно сознаться, что на сей разъ роскошный царь Сіона имѣлъ адвоката гораздо менѣе стойкаго, чѣмъ я. Охъ, сколь же я смѣялся! И скажите, сдѣлайте ваше одолженіе, что на свѣтѣ бываетъ! Я все это слышалъ изъ спальни, послѣ обѣда отдыхая, и проснувшись, уже не рѣшился прерывать ихъ диспута, а они одинъ другого поражали: оный риторъ, стоя за разумъ Соломона, подкрѣпляеть свое мнѣіе словами Писанія, что «Соломонъ бѣ мудрѣйшій изъ всѣхъ на земли сущихъ», а моя благовѣрная поразила его особымъ манеромъ: «Нечего, нечего,

говорить, вамъ мнѣ ткать это ваше *бъ*, да *рече*, да *пече*; это, ваше *бъ*, говорить, ничего не значитъ, потому что оно еще тогда было писано, когда отецъ Савелій еще не родился». Тутъ въ сей дискурсъ вмѣшался еще слушавшій сей споръ ихъ никитскій священникъ, отецъ Захарія Бенефактовъ, и онъ завершилъ все сіе, подтвердивъ слова жепы моей, что «это правда», то-есть «правда» въ разсужденіи того, что меня тогда не было. Итакъ вышли всѣ сіи три критика какъ есть правы. Не правъ остался одинъ я, къ которому всѣ ихъ критическія мнѣнія поступили на антикритику: впервые огорчилъ я мою Натану, отвергнувъ сея мнѣніе насчетъ того, что я всѣхъ умнѣе, и на вопросъ ея, кто меня умнѣе? отвѣчалъ, что *она*. Намотчайнѣйшій отпоръ въ семь получилъ, какимъ только истина одна отвергаться можетъ: «Умные, говоритъ, обо всемъ разсуждаютъ, а я ни о чемъ судить не могу и никогда не разсуждаю. Отчего же это?» На сіе я ее тихо тронулъ за ея маленькій носъ и отвѣчалъ: «Это оттого ты не слѣдшишь мѣшать разсужденіемъ, что у тебя вмѣсто строптиваго носа сіи смиренная пуговица на этомъ мѣстѣ посажена». Но, однако, она и сіе поняла, что я хотѣлъ выразить этою шуткой, намекая на ея кротость, и попробовала и это въ себѣ опорочить, напомнивъ въ сей цѣли, какъ она однажды руками билась съ почтмейстершей, отнимая у нея служанцю дѣвочку, которую та сурово наказывала».

«10-го августа, утромъ. Пришла мнѣ какая мысль сегодня въ постели! Рецептъ хочу нѣкій издать для всѣхъ несчастливыхъ паръ какъ всеобщаго званія, такъ и паншаче духовныхъ, поелику намъ домашнее счастье паншаче необходимѣе. Говорятъ ипосказательно, что наилучшее, чтобы женщина ходила съ водой противъ мужчины, ходящаго съ огнемъ, то-есть дабы, если онъ съ пылкостью, то она была бы съ кротостью, но все это по-моему еще не ясно и притомъ слишкомъ много толкованій допускаетъ; а я, гляди на себя съ Натальей Николаевной, рѣшаюсь вывести, что и наивѣрнѣе средство ладить—сіе пусть считаютъ другъ друга умнѣе другъ друга и оба тогда будутъ одинъ другого умнѣе. «Другъ, другъ, друга!» Эко какъ неподобно выражалось! Но, впрочемъ, настоящему мечтателю такъ и подобаетъ говорить безъ толку».

«15-го августа. Успеніе Пресвятыя Богородицы. Однако,

въ то самое время, какъ я восторгался женой моею, я и не замѣтилъ, что тронувшее Наташу слово мое на Преображеневъ день другихъ тронуло совершенно въ другую сторону, и я посѣялъ противъ себя вовсе нежеланное пудовольствіе въ нѣкоторыхъ лицахъ въ городѣ. Богомольцы мои, конечно не всѣ, а нѣкоторые, конечно, и впереди всѣхъ почтмейстерша Тимонова, обидѣлись, что я унижилъ ихъ намскомъ на Пизонскаго. Но все это вздоръ умовъ пустыхъ и вздорныхъ. Конечно, все это благополучно на самолюбіяхъ ихъ благородій, какъ раны на песьей шкурѣ, такъ и присохнутъ».

«3-го сентября. Я сдѣлалъ значительную ошибку: нѣтъ, совсѣмъ этой неосторожности не конецъ. Изъ консисторіи полученъ запросъ: дѣйствительно ли я говорилъ импровизаціей проповѣдь съ указаніемъ на живое лицо? Ахъ, сколь у насъ вездѣ всего живого бояться! Что жъ, я такъ и отвѣчалъ, что говорилъ именно вотъ какъ и вотъ что. Думаю, не повѣсятъ же меня за это и головы не снимутъ, а между тѣмъ противъ воли смутно, и спокойствіе улетѣло».

«20-го октября. Всеконечно, правда, что головы не снимутъ, но ротъ заткнуть могутъ, и сдѣлать сего не преминули. 15-го же сентября я былъ вызванъ для объясненія. Одна снѣшность сія сама по себѣ уже не много добраго предвѣщала, ибо на добро у насъ люди не торопливы, а власти тѣмъ паче, но, однако, я ѣхалъ храбро. Храбрость сія была охлаждена сначала тридцати-шести-дневнымъ сидѣніемъ на ухѣ безъ рыбы, въ ожиданіи объясненія, а потомъ приказаніемъ, все, что впередъ пожелаю сказать, присылать предварительно цензору Троадію. Но этого никогда не будетъ, и зато я буду нѣмъ яко рыба. Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу съ холодностію безстрастно совершать дѣло проповѣди. Я ошущаю порой нѣчто на меня сходящее, когда любимый даръ мой ищетъ дѣйствія; мною тогда овладѣваетъ иѣкое, позволяю себѣ сказать, священное безпокойство; душа трепещетъ и горитъ и слово падаетъ изъ устъ, какъ уголь горящій. Нѣтъ, тогда въ душѣ моей есть свой законъ цензуры!.. А они требуютъ, чтобъ я, вмѣсто живой рѣчи, направляемой отъ души къ душѣ, дѣлалъ риторическія упражненія, и сими отцу Троадію доставлялъ удовольствіе чувствовать, что въ церкви минули дни Могилы, Ростовскаго Димитрія, и другихъ свѣ-

тилъ свѣтлыхъ, а настали иные, когда не умнѣйшій слабѣйшаго въ разумѣ наставляеть, а обратно, дабы симъ уму и чувству человѣческому поругаться. Я сей дорогой не ходокъ.

«Нѣтъ, я противъ сего бунтливъ, и лучше сомкнитесь вы, мои нелестивыя уста, и смолкни ты, мое безхитростное слово, но я изъ-подъ неволи не проповѣдникъ».

«23-го ноября. Однако, не могу сказать, чтобы жизнь моя была уже совсѣмъ обижена разнообразіемъ. Напротивъ, все идетъ попеременно, такъ что даже и интересъ ни на минуту не ослабѣваетъ: то оболгутъ добрые люди, то начальство потреплетъ, то Троядію скорбноглавому въ науку меня назначать, то увлекусь ласками попадыи моею, то замечтаюсь до самолюбія, а время въ семь все идетъ да идетъ, и къ смерти все ближе да ближе. Еще не все! Еще не всѣ послѣдствія моею злополучной преображенской проповѣди совершились. У насъ, въ восемнадцати верстахъ отъ города, на берегу нашей же рѣки Турицы, въ обширномъ селѣ Плодомасовѣ, живетъ владѣлецъ сего села, боярыня Марья Андревна Плодомасова. Сія кочерга столь стараго лѣса, что уже и признаковъ жизни ея издавна никакихъ не замѣчается, а извѣстно только по старымъ памятямъ, что она женщина весьма немалого духа. Она и великой императрицѣ Екатерины знаема была, и Александръ императоръ, поговоривъ съ нею, находилъ необременительною для себя эту ея бесѣду; а наиболѣе всего она извѣстна въ народѣ тѣмъ, какъ она въ молодыхъ лѣтахъ своихъ одна съ Пугачевымъ сражалась и нашла, какъ себя отъ этого мерзкаго звѣря защитить. Еще же о чемъ ежели на ея счетъ вспоминають, то это еще повтореніе о ней различныхъ оригинальныхъ анекдотовъ о ея свиданіяхъ съ посѣщавшими ее губернаторами, чиновниками, а также, въ двѣнадцатомъ году, съ плѣнными французами; но все это относится къ области ея минушаго вѣка. Нынѣ же про нее забыли, и если когда рѣчь ея особы коснется, то думаютъ, что и она сама уже всѣхъ забыла. Лѣтъ двадцать уже никто изъ стороннихъ людей не можетъ похвастаться, что онъ боярыню Плодомасову видѣлъ.

«Третьяго дня, часу въ двѣнадцатомъ пополудни, я былъ неслезанно изумленъ, увидѣвъ подѣзжающія ко мнѣ большія господскія дрожки тройкой большихъ рыжихъ коней, а

на тѣхъ дрожкахъ нарочито небольшого человѣчка, въ картузѣ ворсинстой, шляпной матеріи, съ длиннымъ козыремъ и въ коричневой шинели съ множествомъ однихъ надъ другимъ набранныхъ капюшончиковъ и пелеринъ.

«Что бы сіе, думаю, за невѣдомая особа, да и ко мнѣ ли она ѣдетъ, или только ошибкой править на меня путь свой?»

«Размышленія эти мои, однакоже, были скоро разрѣшены самою сею загадочною особой, вошедшею въ мою залу съ презыщною благопристойностію, которая всегда мнѣ столь нравится. Прежде всего гость попросилъ моего благословенія, а затѣмъ, шаркнувъ своею чрезвычайно маленькою ножкой по полу и отступивъ съ поклономъ два шага назадъ, проговорилъ: «госпожа моя, Марѳа Андревна Плодомасова, приказали мнѣ, отецъ іерей, вамъ кланяться и просить васъ немедленно со мною къ нимъ пожаловать.

«— Въ свою очередь, говорю, позвольте мнѣ, сударь, узнать, чрезъ кого я имѣю честь все это слышать?»

«— А я,— отвѣчаетъ оный малютка:— емь крѣпостной человѣкъ ея превосходительства Марѳы Андревны, Николай Аонасьевъ,—и, такимъ образомъ мнѣ отрекомендовавшись, сія крошечная особа при семъ снова напомнила мнѣ, что госпожа его меня ожидаетъ.

«— По какому дѣлу, говорю,— не знаете ли?»

«— Ея господской воли, батюшка, я, рабъ ея, знать не могу,— отвѣчалъ карла, и симъ скромнымъ отвѣтомъ на мой несообразный вопросъ до того меня сконфузилъ, что я даже началъ предъ нимъ изворачиваться, будто я спрашивалъ его вовсе не въ томъ смыслѣ. Спасибо ему, что онъ не сталъ меня допрашивать: въ какомъ бы то еще въ иномъ смыслѣ таковой вопросъ могъ быть сдѣланъ.

«Пока я въ смежной комнатѣ одѣвался, сей-интересный карликъ вступилъ въ собесѣдованіе съ Паташею и совсѣмъ увлекъ и восхитилъ ее своими рѣчами. Дѣйствительно, и въ словахъ, да и въ самомъ говорѣ сего крошечнаго старичка есть нѣчто невыразимо милое и ко всему сему благородство и ласковость. Служанкѣ, которая подала ему стаканъ воды, онъ положилъ на подносъ двугривенный, и когда сія взять эти деньги сомнѣвалась, онъ самъ сконфузился и заговорилъ: «нѣтъ, матушка, не обидьте, это у меня такая привычка»; а когда она моя вышла ко мнѣ, чтобы волосы мнѣ на помадить, онъ вилъ на руки случив-

шуюся здѣсь за матерью замарашку-дѣвочку кухаркину и говорить:—«Слушай, какъ вонъ уточки на бережку разговариваютъ. Уточка-франтиха говоритъ селезню-kozyрю: купи коты, купи коты! а селезень отвѣчаетъ: заказаль, заказаль!» И дитя размѣялось, да и я тоже сему сочиненію словесному птичьяго разговора невольно улыбнулся. Это хотя бы даже господину Лафонтену или Ивану Крылову впору. Дорогу не замѣтилъ, какъ и прошла въ разговорахъ съ этимъ пречудеснымъ карлой: столь много ума, чистоты и здравости нашель во всѣхъ его разсужденіяхъ.

«Но теперь самое главное: наступалъ часъ свиданія моего съ одинокою боярыней.

«Не малое для меня удивленіе составляетъ, что, при приближеніи сего свиданія, я, отъ природы моей не робкій, ощущаю въ себѣ нѣчто въ родѣ небольшой робости. Николай Аванасычъ, проведя меня черезъ рядъ съ поразительною для меня пышностью и крайнею чистотою содержимыхъ покоевъ, ввелъ меня въ круглую комнату съ двумя рядами оконъ, изукрашенныхъ въ полукругахъ цвѣтными стеклами; здѣсь мы нашли старушку немногимъ чѣмъ побольше Николая. При входѣ нашемъ она стояла и вертѣла ручку большого органа, и я уже чуть было не принялъ ее за самую оригиналку-боярыню и чуть ей не раскланялся. Но она, увидѣвъ насъ, неслышно вошедшихъ по устилающимъ покои пушистымъ коврамъ, немедленно при явленіи нашемъ оставила свою музыку и бросилась съ нѣсколько звѣриною, проворною ухваткой въ смежный покой, двери коего завѣшаны большою занавѣсью бѣлаго атласа, по которому вышиты цвѣтными шелками разныя китайскія фигурки.

«Эта женщина, скрывшаяся съ такою послѣдностью за занавѣсь, какъ я послѣ узналъ, родная сестра Николая и тоже карлица, но лишенная пріятности, пмѣющейся въ кроткой наружности ея брата.

«Николай тоже скрылся вслѣдъ за сестрою подъ ту же самую занавѣсь, а мнѣ указаль дожидаться на креслѣ. Тутъ-то вотъ, въ теченіе времени, дивнагося за симъ около получаса, я и почувствовалъ нѣкую смягу во рту, столь знакомую мнѣ по бывшимъ ощущеніямъ въ дѣтствѣ во время экзаменовъ. Но, наконецъ, насталь и сему конецъ. За тою же самою занавѣсью я услышалъ такіа слова:

«А ну, покажи-ка мнѣ этого умнаго попа, который, я слышала, пріобьѣтъ правду говорить?» И съ симъ занавѣсь, какъ бы мановеніемъ чародѣйскимъ, на невидимыхъ шнурахъ распахнулась, и я увидалъ предъ собою саму боярыню Плодомасову. Голосъ ея, который я предъ симъ только что слышалъ, уже достаточно противорѣчилъ моему мнѣнію о ея дряхлости, а видъ ея противорѣчилъ сему и еще того болѣе. Боярыня стояла предо мной въ силѣ, которой, казалось, какъ бы и конца быть не можетъ. Ростомъ она не велика и не дородна особенно, но какъ бы надъ всѣмъ будто царствуетъ. Лицо ея хранитъ выраженіе большой строгости и правды и, судя по чертамъ, надо полагать, нѣкогда было прекрасно. Костюмъ ея довольно странный и пынѣшему времени несоотвѣтственный: вся голова ея тщательно увита въ нѣсколько разъ большою коричневою шалью, какъ у туркини. Далѣе на ней, какъ бы сказать, какой-то суконный казакинъ свѣтлаго цвѣта; потомъ подъ этимъ казакиномъ юбка аксамитная, ярко-оранжевая и желтые сапожки на высокихъ серебряныхъ каблучкахъ, а въ рукѣ палочка съ аметистовымъ набалдашникомъ. Съ одного боку ея стоялъ Николай Аванасьевичъ, съ другой—Марья Аванасьева, а сзади ея—сельскій священникъ, отецъ Алексѣй, по ея назначенію посвященный изъ ея на волю пушечныхъ крѣпостныхъ.

«— Здравствуй! — сказала она мнѣ, головы нимало не наклоняя, и добавила:—Я тебя рада видѣть.

«Я въ отвѣтъ на это ей поклонился и, кажется, даже и съ изрядною неловкостью поклонился.

«— Поди же, благослови меня,—сказала она.

«Я подошелъ и благословилъ ее, а она взяла и поцѣловала мою руку, чего я всячески намѣренъ былъ уклониться.

«— Не дергай руки,—сказала она, сіе замѣтивъ.—Это не твою руку я цѣлую, а твоего сана. Садись темерь и давай немножко познакомимся. -

«Сѣли мы: она, я и отецъ Алексѣй, а карлики возлѣ ея стали.

«— Мнѣ говорилъ отецъ Алексѣй, что ты даромъ проповѣди и хорошимъ умомъ обладаешь. Онъ самъ въ этомъ ничего не смыслить, а, вѣрно, отъ людей слышалъ, а я ужъ давно умныхъ людей не видала, и вотъ захотѣла со скуки на тебя посмотреть. Ты за это на старуху не сердись.

«Я мѣшался въ отвѣтахъ и, вѣроятно, весьма мало отвѣчалъ тому, что ей объ умѣ моемъ было сказано, но она, къ счастью, пристушила къ разпросамъ, на которые мнѣ пришлось отвѣчать.

«— Тебя, говорятъ, раскольниковъ учить прислали?— такъ она начала.

«— Да, говорю, между прочимъ, имѣлась въ виду и такая цѣль въ моей посылкѣ.

«— Полагаю, говорить, бесполезное это дѣло: дураковъ учить— все равно, что мертвыхъ дѣлать.

«Я не помню, какими точно словами отвѣчалъ, что не совсѣмъ всѣхъ раскольниковъ глупыми почитаю.

«— Что жъ ты, умными ихъ почитаю, сколько успѣлъ ихъ на путь наставить?

«— Нимало, говорю, еще не могу успѣхомъ похвастать, но тому есть причины.

«*Она.* О какихъ ты говоришь причинахъ?

«*Я.* Способъ дѣйствія съ ними несоответственный, а зло растетъ черезъ ту шатость, которую они видятъ въ церковномъ обществѣ и въ самомъ духовенствѣ.

«*Она.* Ну, зло-то, какое въ нихъ зло? Такъ себѣ, дурачки Божіи, тѣмъ грѣшны, что книгъ начитались.

«*Я.* А православный алтарь все-таки страждетъ на этомъ распаденіи.

«*Она.* А вы бы этому алтарю-то повѣрише служили, а не оборачивали бы его въ лавочку, такъ отъ васъ бы и отпаденій не было. А то вы нынѣ всѣ благодатью, какъ сукномъ, торгуете.

«*Я* промолчалъ.

«*Она.* Ты женатъ или вдовъ?

«*Я.* Женатъ.

«*Она.* Ну, если Богъ благословитъ дѣтми, то зови меня кумой: я къ тебѣ пойду крестить. Сама не пойду: вонъ ее, карлицу свою, пошла, а если сюда дитя привезешь, такъ и сама подержу.

«Я опять поблагодарилъ и, чтобы разговориться, спрашиваю:

«— Ваше превосходительство, вѣрно, изволите любить дѣтей?

«— Кто же, говорить, путный человѣкъ дѣтей не любитъ? Ихъ есть царствіе Божіе.

«— А вы давно одинъ изволите жить?»

«*Она.* Одна, отецъ, одна, и давно я одна,—проговорила она, вздохнувъ.

«*Я.* Одиночество это часто довольно тягостно.

«*Она.* Что это?

«*Я.* Одиночество.

«*Она.* А ты развѣ не одинокъ?

«*Я.* Какимъ же образомъ я одинокъ, когда у меня есть жена?»

«*Она.* Что жъ, развѣ твоя жена все понимаетъ, чѣмъ ты, какъ умный человекъ, можешь поскорбѣть и поболѣть?»

«*Я.* Я женой моею счастливъ и люблю ее.

«*Она.* Любишь? Но ты ее любишь сердцемъ, а помыслами души все-таки одинокъ стоишь. Не жалѣй меня, что я одинока: всякъ, братъ, кто въ семьѣ дальне братняго носа смотреть, и между своими одинокимъ себя увидить. У меня тоже сынъ есть, но ужъ и его третій годъ не видала, звать, ему скучно со мною.

«*Я.* Гдѣ же теперь вашъ сынъ?»

«*Она.* Въ Польшѣ мой сынъ полкомъ командуетъ.

«*Я.* Это доблестное дѣло враговъ отчизны смирать.

«*Она.* Не знаю я, сколько въ этомъ доблести, что мы съ этими полячишками ъ-сю пору возимся, а по-моему вдвое больше въ этомъ меледы.

«*Я.* Справимся-съ, придетъ время.

«*Она.* Никогда оно не придетъ, потому что оно ужъ ушло, а мы все какъ кулики въ болотѣ стояли: и носъ дологъ, и хвостъ дологъ: носъ вытащимъ — хвостъ завязлеть, хвостъ вытащимъ—носъ завязнетъ. Перекачиваемся, да дураковъ тѣшимъ: то моляковъ нагайками потчуемъ, то у ихъ хитрихъ-полячекъ ручки цѣлуемъ; это грѣшно и мерзко такъ людей портить.

«— А все же, говорю, войска наши тамъ, по крайней мѣрѣ, удерживаютъ поляковъ, чтобъ они намъ не вредили.

«— Ни отъ чего они ихъ,—отвѣчаетъ,—не удерживаютъ; да и намъ тѣ поляки не страшны бы, когда бъ мы сами другъ друга ѣсть обѣщанья не сдѣлали.

«— Это,—говорю,—осужденіе вашего превосходительства, кажется, какъ бы нѣсколько излишне сурово.

«*Она.* Ничего нѣтъ въ правдѣ излишнее суроваго.

«— Вы же,—говорю,—сами, вѣроятно, изволите помнить

двѣнадцатый годъ: сколько тогда на Руси единопущія явлено.

«Она. Какъ же, какъ мнѣ не помнить: я сама вотъ изъ этого самаго окна глядѣла, какъ наши казачищи моихъ мужиковъ колотили и мои амбары грабили.

«— Что жъ, это,—говорю,—можетъ-быть, что такой случай и случился, я казачьей репутаціи нимало не защищаю, но все же мы себя героически отстояли отъ того, предъ кѣмъ вся Европа ницъ простертою лежала.

«Она. Да, удалось, какъ Богъ да морозъ намъ помогли, такъ мы и отстояли.

«Отзывъ сей, сколь пренебрежительный. столь же и несправедливый, подѣйствовалъ на меня такъ пренепріятно, что я, даже не скрывая сей неспріятности, возразилъ:

«— Неужто же, государыня моя, въ ванемъ мнѣніи все въ Россіи только случайностями едиными и проеходить? Дайте,—говорю,—разъ случаяю и два случаяю, а хоть въ третье ужъ киньте нѣчто уму и народнымъ доблестямъ предводителей.

«— Все. отецъ, случай, и во всемъ, что сего государства касается, окромѣ Божіей воли, мнѣ доселѣ видятся только одиѣ случайности. Прихлопнули бы твои раскольники Петрушу-вонтеля, такъ и сидѣли бы мы на своей хваленой землѣ до сихъ поръ не государствомъ великимъ, а въ родѣ какихъ-нибудь толстогубыхъ турецкихъ болгаръ, да у самихъ бы этихъ поляковъ руки цѣловали. За одно намъ хвала — что много насъ: не скоро побѣдимъ другъ друга; вотъ этотъ случай намъ хорошая заручка.

«— Грустно,—говорю.

«— А ты не грусти: чужія земли похвалою стоять, а наша и хайкой крѣпка будетъ. Да намъ съ тобою и говорить довольно, а то я ужъ устала. Прощай; а если что худое случится, то прибѣги, пожалуйся. Ты не смотри на меня, что я такой грибокъ лафертовскій: грибы-то и въ лѣсу живутъ, а и по городамъ про нихъ знаютъ. А что если на тебя нацадають, то ты этому радуйся; если бы ты льстивъ, или глупъ былъ, такъ на тебя не нападали, а хвалили бы и другимъ въ примѣръ ставили.

«Проговоривъ эти слова, она оборотилась къ карлицѣ, державшей во все время нашего разговора въ рукахъ сверточекъ, и, передавая оный мнѣ, сказала:

«— Отдай вогь это отъ меня своей попадѣ, это здѣсь корольки съ моей шеи; два отрѣза на платьѣ, да холстъ для домашняго обихода, а это тебѣ отъ меня алмаantin-новый перстень.

«Подарокъ этотъ, предложенный хотя во всей простотѣ, все-таки меня нѣсколько смутилъ, и я, глядя на янти коралловъ и на шелковыя матеріи, и на ярко горящій алмаantinъ, сказалъ:

«— Государыня моя! Очень благодарю васъ за столь лестное ваше къ намъ вниманіе; но вещи сіи столь великолѣпны, а жена моя женщина столь простая...

«— Чтѣ жъ,—перебила меня она:— тѣмъ и лучше, что у тебя простая жена; а гдѣ и на мужѣ, и на женѣ, на обоихъ, игганы надѣты, тамъ не бывать проку. Нанлучшее дѣло, если баба въ своей женской исподничкѣ ходитъ, и ты вотъ ей за то на исподницы отъ меня это и отвези. Бабы любятъ подарки, а я дарить люблю. Бери же и поѣзжай съ Богомъ.

«Вотъ этимъ она и весь разговоръ свой со мною окончила и, признаюсь, несказанно меня удивила. По нѣкоей привычкѣ къ логичности, ѣдучи обратно домой и пользуясь молчаливостью того же Николая Аванасьевича, взяшагося быть моимъ провожатымъ, я старался себѣ уяснить, чтѣ за сень моральный все это, чтѣ ею говорено, въ себѣ заключаетъ? И не нашелъ я тутъ никакой логической связи, либо весьма мало ея отыскивать, а только все лишь какіе-то обрывки мыслей встрѣчалъ; но такіе обрывки, что невольню ихъ помнишь, да и забыть едва ли сумѣешь. Уповаю, не лгутъ тѣ, кои называли сію бабу, въ свое время, весьма мозговитою. А главное, чтѣ меня въ удивленіе приводитъ, такъ это моя предъ нею нескладность, и чему сіе приписать, что я, какъ бы оробѣвъ сначала, примкнулъ языкъ мой къ гортани, и если о чемъ заговаривалъ, то все это выходило весьма скудоумное, а она разговоръ, словно на смѣхъ мнѣ, поворачивала съ прихотливостью, и когда я заботился, какъ бы мнѣ репрезентовать умиѣе, дабы хотя слишкомъ грубо ее въ себѣ не разочаровать, она совершенно объ этомъ небрегла и словъ своихъ, очевидно, не подготавливала, а и моего ума не испытывала, и вышла межъ тѣмъ таковою, что я ее позабыть не въ состояніи. Въ чемъ эта сила ея заключается? Полагаю, въ томъ образованіи

свѣтскомъ, которымъ небрегутъ наши воспитатели духовные, часто въ послѣдствіи отнимая чрезъ это лишеніе у насъ самонесободимѣйшую находчивость и ловкость въ обращеніи со свѣтскими особами.

«Но дню сему было опредѣлено этимъ не окончиться, а суждено, видно, ему было заключиться еще новымъ курьезомъ. Первая радость простодушной Наташи моей по случаю подарковъ не успѣла меня достаточно потѣшить, какъ началъ свои подарки представлять намъ этотъ достопочтеннѣйшій и сразу все мое уваженіе себѣ получившій карло Николай Аванасьевичъ. По началу онъ презентовалъ мнѣ бѣлой бумаги съ красными каемочками, вязанья помочи, а потомъ женѣ косыночку изъ трусиковой нѣжной шерсти, и не успѣлъ я странности сихъ новыхъ, неожиданныхъ подарковъ надвинуться, какъ онъ вынулъ изъ кармана шерстяные чулки и вручилъ ихъ подававшей самоваръ работницѣ нашей Аксиньѣ. «Что это за день подарковъ!» невольно воскликнулъ я, не смѣя огорчить дарителя отказомъ. А онъ на это мнѣ отвѣтилъ, что это все его собственныхъ рукъ издѣліе. «Нужды», говоритъ, «въ работѣ, благодаря благодѣтельницамъ моей, не имѣя и не будучи ничему иному обученъ, я постоянно занимаюсь вязаніемъ, чтобы въ праздности время не проводить и имѣть удовольствіе кому-нибудь нѣчто презентовать отъ трудовъ своихъ». Такъ мнѣ понравилась эта простота, что я схватилъ сего малаго человѣка на грудь мою и поцѣлуями осмыалъ его чуть не до одушенія.

«Да закончу ли я, однако, и симъ мое сегодняшнее описаніе? Уѣхавшимъ служителемъ боярыни Плодомасовой еще всѣ чудеса дня сего не окончились. Запирая на ночь дверь передняго покоя, Аксинья усмотрѣла на платейной вѣшалкѣ нѣчто висящее, какъ бы не намъ принадлежащее, и когда мы съ Наташей на сіе были сею служанкой позваны, то нашли: во-первыхъ, темнокоричневый французскаго граде-наплю подрясникъ; во-вторыхъ, богатый гарусный поясъ съ пунцовыми лентами для завязокъ, а, въ-третьихъ, драгоцѣннѣйшаго, зеленого, неразрѣзного бархату рясу; въ-четвертыхъ же, въ длинномъ кускѣ коленика полное іерейское облаченіе.

«Просто были всѣ мы поражены сею находкой и не знали, какъ объяснить себѣ ея происхожденіе; но Аксинья

первая усмотрѣла на пуговицѣ у воротника рясы вздѣтую карточку, на коей круглыми, такъ сказать, египетскаго штиля буквами, было написано: «помяни, другъ отецъ Савелій, рабу Мароу въ своихъ молитвахъ». Ахнули мы, но нечего было дѣлать, и стали разлагать по столу новое облаченіе. Тутъ еще болѣе насъ ожидало. Только начала Наташа раскатывать эпитрахиль, посмотримъ: изъ него упалъ запечатанный конвертъ на мое имя, а въ томъ конвертѣ нятъсотъ рублей съ самою малою запиской, тою же рукою писанною. Пишетъ: «Дабы ожидающее семью твою при несчастіи излишне тебя не смущало, у алтаря предстоящаго, купи себѣ хибару и возрасти тыкву; тогда спокойнѣе можешь о строеніи дѣла Божія думать».

«Ну, за что мнѣ сіе? Ну, чѣмъ я сего достоинъ? Отчего же она не такъ, какъ консисторскій секретарь и ключарь, рассуждаетъ, что легче устроить дѣло Божіе, не имѣя гдѣ головы подклонить? Что сіе и взаправду все за случайности!

«Вотъ и ты, попъ Савелій, не бездомникъ! И у тебя своя хатина будетъ; но—увы!—должепъ добавить, что будетъ она случаемъ».

«25-е ноября. Ызидилъ въ Плодомасовку приносить мою благодарность; но Марѳа Андревна не приняла, для того, сказала карликъ Никола, что она не любитъ, чтобъ ее благодарили, но къ сему, однако, прибавилъ: «А вы, батюшка, все-таки отлично сдѣлали, что изволили пріѣхать, а то онѣ неспокойны были бы насчетъ вашей неблагодарности». Можно заключить, что въ особѣ сей цѣлое море пространное всякой своеобразности. Такъ, напримѣръ, новый другъ мой, карликъ Никола, рассказалъ мнѣ, какъ она его желала женить и о семъ хлопотала. «Для чего же сіе?» спрашиваю. «А для пыжиковъ, говоритъ, батюшка». Это, то есть, она желала маленькихъ людей развестъ!.. Скажите, о чемъ забота! Еще ли эти, конхъ видимъ окрестъ себя, очень велики!»

«6-е декабря. Внесъ вчера въ ризницу присланное отъ помѣщицы облаченіе и сегодня служилъ въ ономъ. Прекрасно все на меня построено; а то, облачаясь до сихъ поръ въ ризы покойнаго моего предметника, человѣка роста весьма мелкаго, я, будучи такой дылдой, не велебніемъ церковнымъ украшался, а былъ въ нихъ какъ бы воробей съ общиннымъ хвостомъ».

«9-е декабря. Пречудно! Отецъ протопопъ на меня дуется, а я, какъ винъ за собою противъ него не знаю, то спокоенъ».

«12-е декабря. Нѣкоторое объясненіе было между мною и отцомъ благочиннымъ, а изъ-за чего? Изъ-за ризы Плодомасовской, что не такъ она будто въ церковь доставлена, какъ бы слѣдовало, и при семъ добавилъ онъ, что, молъ, «и разные слухи ходятъ, что вы отъ нея и еще нѣчто получили». Что жъ, это значить имѣеть такой видъ, что я будто не все для церкви пожертвованное доставилъ, а украсть нѣчто, что ли?»

«23-е декабря. Вотъ слухи-то какіе! Ахъ, Боже мой милосердный! Ахъ, Создатель мой всеправедный! Не говорю чести моей, не говорю лѣтъ ея, но даже сана моего, столь для меня безцѣннаго, и того не пощадили! Гнусники! Но сіе столь недостойно, что не хочу и обижаться».

«29-е декабря. Начинаю замѣчать, что и здѣшнее городничество не благоволило ко мнѣ, а за что — сего отгадать не въ силахъ. Предположилъ устроить у себя въ домѣ на Святкахъ вечернія собесѣдованія съ раскольниками, но сіе вдругъ стало извѣстно въ губерніи и сочтено тамъ за непозволительное и за сіе усердствованіе дано мнѣ замѣчаніе. Не иначе думаю, какъ городничему порученъ за мною особый надзоръ. Наилучше къ сему, однако, пока шуточно относиться; но окропилъ себя святою водою отъ врага и соглядатая».

«1-е января. Благослови вѣнецъ благодати Твоея, Господи, а поцу Савелію новый путь въ губернію. Видно, на сихъ супостатовъ и окропленіе мое не дѣйствуетъ».

«7-е января. Госпожа Плодомасова вчера по водоосвященіи прямо во всемъ, что на ней было, окунулась въ прорубь. Удивился! Спросилъ, — всегда ли это бываетъ? Говорятъ: всегда, и это у нея называется «мовничать».

«Экой закатъ иредивный! Я бы, кажется, и живъ отъ одной такой банн не остался».

«20-е января. Пишу сіи строки, сидя въ смрадницѣ на архіерейскомъ подворьѣ, при семинарскомъ корпусѣ. Къ винѣ моей о собесѣдованіяхъ съ раскольниками присоединена пуцающая вина: донесено губернатору, что моимъ дячкомъ Лукьяномъ промѣнена раскольникамъ старопечатная Псалтырь, изъ книгъ Дѣвской моленной, кои находятся

у меня на сохраненіи. Дѣло такое и вправду совершилось, но я оное утаилъ, считая то, во-первыхъ, за довольно ничтожное, а во-вторыхъ, зная тому настоящую причину — бѣдность, которая Лукьяна-дьячка довела до сего. Но сіе пустое дѣло мнѣ прямо вмѣнено въ злодѣйское преступленіе, и я взятъ подъ началь и посланъ въ семинарскую кзасную квасы квасить».

«4-е февраля. Вчера, безъ всякой особой съ моей стороны просьбы, получилъ отъ келейника отца Троиція рѣдкостнѣйшую книгу, которую, однако, даже обязанъ бы всегда знать, но которая на Руси издана какъ бы для того, чтобы се въ тайности хранить отъ тѣхъ, кто ее знать долженъ. Сіе «Духовный Регламентъ»; читаль его съ азартною затянкой. Познаю во всемъ величіе сего законодателя и понимаю тонкую предусмотрительность книгу сію хоронящихъ. Какъ иначе? Писано въ ней, напримѣръ: «Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своей и не высоко бы о ней мыслилъ. Се же того ради предлагается, дабы укротити оную весьма жестокою епископамъ славу, чтобы оныхъ подъ руки дондеже здрави сугъ невожено и въ землю бы имъ подручная братія не кланялась. И оныя поглоницы самоохотно и нахально стелются на землю, чтобы степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобы такъ неистовство и воровство свое покрыть». Слѣдовательно, понуждая меня *стлаться* предъ собою, оный понуждающій ванпервѣ всего законъ нарушаетъ и становится преступникомъ того сокрываемаго государева регламента. Тоже писано: «Кольми паче не дерзали бѣ грабить, подъ виной жестокаго наказанія, ибо слуги архіерейскіе обычно бываютъ лакомыя скотины, и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстыжіемъ, какъ татары, на похищеніе устремляются». Великолѣпно, государь, великолѣпно!»

«9-е апрѣля. Возвратился изъ-подъ начала на свое пепелище. Тронутъ былъ очень слезами жены своей, безъ меня здѣсь изстрадавшейся, а еще болѣе растрогался слезами жены дьячка Лукьяна. О себѣ молчавъ, эта женщина благодарила меня, что я пострадалъ за ея мужа. А самого Лукьяна сослали въ пустынь, но всего только, впрочемъ, на одинъ годъ. Срокъ столь непродолжительный, что семья его не истощаетъ и не ѣвши. Ближе къ Богу будетъ, по консисторскому соображенію»

«20-с апрѣля. Прївзжалъ ко мнѣ прїятный карлигъ и сообщилъ, что Марѳа Андревна указала, дабы каждагодно на лѣтняго Николу, на зимняго и на Крещеніе я былъ трижды приглашаемъ служить къ ней въ Плодомасовскую церковь, за чтѣ мнѣ черезъ бурмистра будетъ платимо жалованье 150 руб., по 50 руб. за обѣдню. Ну, ужъ эти случайности! Чего добраго, я ихъ даже бояться стану».

«15-с августа. Вернулся изъ губерніи понамарь Евтихенчъ и сказывалъ, что между владыкой и губернаторомъ произошла нѣкая распрія изъ-за взаимнаго визита».

«2-с октября. Слухи о визитной распрїѣ подтверждаются. Губернаторъ, бывая въ царскіе дни въ соборѣ, имѣеть обычай въ сіе время довольно громко разговаривать. Владыка положили прекратить сіе обыкновеніе и послали своего костыльщика просить его превосходительство вести себя благопристойнѣе. Губернаторъ принялъ замѣчаніе весьма амбиціонно и чрезъ малое время снова возобновилъ свои громкія съ жандармскимъ полковникомъ собесѣдованія; но на сей разъ владыка уже сами остановились и громко сказали:

«— Ну, я, ваше превосходительство, замолчу и начну, когда вы кончите.

«Очень это со стороны владыки одобряю».

«8-го ноября. Получилъ набедренникъ. Не знаю, чему приписать. Развѣ предыдущему визитному случаю и тому, что губернаторъ меня не жалуеть».

«6-го января 1837 года. Новая новость! Владыка на Новый годъ остановилъ губернаторскую дочь, когда она подходила къ благословенію въ рукавичкѣ, и сказали:—«Скинь прежде съ руки собачью шкуру».

«А я до сей поры и не зналъ, что наша губернаторша не нѣзка».

«1-го февраля. По изволенію владыки, я представленъ ко скуфѣ».

«17-го марта. Богоявленскій протопопъ, идучи ночью со Святыми Дарами отъ большого, взягъ обходными солдатами въ часть, якобы былъ въ нетрезвомъ видѣ. Владыка на другой день въ мантии его посѣтили. О, ляте правителю, будете вы теперь сію продѣлку свою помнить!»

«18-го мая. Владыка переведены въ другую епархію».

«16-го августа. Былъ у новаго владыки. Мужичка, каза-

лось, весьма разсудительный и характерный. Разговаривали о состояніи духовенства и приказали составить о семъ записку. Сказали, что я рекомендованъ имъ прежнимъ владыкой съ отличной стороны. Спасибо тебѣ, бѣдный и злопобѣжденный дѣдуня, за доброе слово!»

«25-го декабря. Не знаю, что о себѣ думать, къ чему я рожденъ и на что призванъ? Попадья укоряетъ меня, что я и въ сей праздникъ Христова Рождества работаю, а я себѣ лучшаго и удовольствія не нахожу, какъ сію работу. Пишу мою записку о бытѣ духовенства съ радостію такою и съ любовію такою, что и сказать не умѣю. Озаглавилъ се такъ: «О положеніи православнаго духовенства и о средствахъ, какъ оное возвысить для пользы церкви и государства». Думаю, что такъ будетъ добро. Никогда еще не помню себя столь счастливымъ и торжествующимъ, столь добрымъ и столь силы и разумніи преисполненнымъ».

«1-го апрѣля. Представилъ записку владыкѣ. Попадья говоритъ, напрасно сего числа представлялъ: по си легко-вѣрнымъ примѣтамъ, сіе первое число апрѣля обманчиво. Замѣтимъ».

«10-го августа. Произведенъ въ протоіеренъ».

«4-го января 1839 года. Получилъ пакетъ изъ консисторіи, и сердце мое, стѣсненное предчувствіемъ, забилося радостію; но сіе было не о запискѣ моеи, а дарованъ мнѣ наперсный крестъ. Благодарю, весьма благодарю; но объ участи записки моеи все-таки сѣтую».

«8-го апрѣля. Назначенъ благочиннымъ. О запискѣ слуховъ не имѣется. Не знаю, чѣмъ бы сіи трубы вострубить заставить?»

«10-го апрѣля 1840 года. Годъ уже протекъ, какъ я благочинствую. О запискѣ слуховъ нѣту. Видно, попадья не все пустякамъ вѣритъ. Сегодня она меня насмѣшила, что я, можетъ-быть, хорошо написалъ, но не такъ подписался».

«20-го іюня 1841 года. Воду прошелъ яко сушу, и египетскаго зла избѣжавъ, пою Богу моему дондеже есмь. Что это со мною было? Что такое я вынесъ и какъ я изъ всего этого вышелъ на свѣтъ Божій? Любопытенъ я весьма, что дѣлаешь ты, сочинитель басенъ, балладъ, повѣстей и романовъ, не усматривая въ жизни, тебя окружающей, нитей, достойныхъ вплетенія въ занимательную для чтенія басню твою? Или тебѣ, исправитель нравовъ человѣческихъ, и

вправду нѣтъ викакого дѣла до той дѣйствительной жизни, которою живутъ люди, а нужны только претексты для празднословныхъ рацей? Вѣдомо ли тебѣ, какую жизнь ведетъ русскій попъ, сей «ненужный человекъ», котораго, по-твоему, можетъ-быть, напрасно призвали, чтобы привѣтствовать твое рожденіе, и призвать еще разъ, такъ же противу твоей воли, чтобы проводить тебя въ могилу? Извѣстно ли тебѣ, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бѣдствіями и приключеніями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородныя страсти, и что оно не ощущаетъ страданій? Или же ты съ своей авторской высоты вовсе и не хочешь удостоить меня, попа, своимъ вниманіемъ? Или ты мыслишь, что уже и самое время мое прошло и что я уже не нуженъ странѣ, тебя и меня родившей и воспитавшей... О, слѣпецъ! скажу я тебѣ, если ты мыслишь первое; о, глупецъ! скажу тебѣ, если мыслишь второе, и въ силу сего заключенія стремишься не поднять и оживить меня, а навалить на меня камень и глумиться надъ тѣмъ, что я смраденъ сталъ задохнувшись.

«Но спихожу отъ философствованія къ тому событію, по коему напало на меня сіе философствованіе.»

«Я отрѣшенъ отъ благочинія и чуть не отверженъ сана. А за что? А вотъ за что. Занотую повѣсть сію съ подробностью.»

«Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, въ проѣздъ чрезъ нашъ городъ губернатора, предводителемъ дворянства было праздновано торжество, и я, пользуясь симъ случаемъ моего свиданія съ губернаторомъ, обратился къ оному сановнику съ жалобой на обремененіе помѣщиками крестьянъ работами въ воскресные дни и даже въ двадесятые праздники, и говорилъ, что такимъ образомъ великая бѣдность народная еще болѣе увеличивается, ибо по цѣлымъ селамъ нѣтъ ни у кого ни ржи, ни овса... Но едва лишь только я это слово «овса» выговорилъ, какъ сановникъ мой возгорѣлся на меня гнѣвомъ, принялъ отъ меня, какъ отъ гадины, и закричалъ: «Да что вы ко мнѣ съ овсомъ пристали! Я вотъ, говорить, и то-то, и то-то, да и наконецъ я де не Николай угодникъ, я де овсомъ не торгую!» Этого я не долженъ былъ стерпеть и отвѣчалъ: «Я вашему превосходительству, какъ человѣку, въ дѣлахъ вѣры не свѣдущему, прежде всего долженъ объяснить, что Николай угодникъ былъ епископъ и

ничѣмъ не торговалъ. А затѣмъ вы должны знать, что православному народу нужны священникъ и дьяконъ, ибо до сихъ поръ ихъ однихъ мы еще у нѣмцевъ не заимствовали». Разсмѣявшись злобнымъ смѣхомъ на мои слова, оный правитель подсказалъ мнѣ: «Не бойтесь, отецъ, было бы болото, а черти найдутся». Эта послѣдняя вещь была для меня горше первой. Кто сии черти, и что твои мерзкія уста болотомъ назвали?—подумалъ я въ гнѣвѣ и, не удержавъ себя въ совершенномъ молчаніи, отвѣчалъ сему пану, что «уважая санъ свой, я даже и его на сей разъ чортомъ называть не хочу». Чѣмъ же сіе для меня кончилось? Нынѣ я бывшій благочинный, и слава Тебѣ, Творцу моему, что еще не бывшій поэтъ и не разстрига. Нѣтъ, сего ты, современный сочинитель повѣстей, должно-быть, не сиришешь. Не постарайся, чтобы люди знали, какъ тяжело мнѣ!»

«3-го сентября. Осенняя погода нагоняегъ на меня жесточайшую скуку. Привыкъ я весьма постоянно дѣйствовать, но нынѣ безъ дѣла тоскую, и до той глупости, что даже секретно отъ жены часто плачу».

«27-го января 1842 года. Купилъ у жида за семь рублей органчикъ и игорныя шашки».

«18-го мая. Взялъ въ клетку чижка и началъ учить его пѣть подл органъ».

«9-го августа. Зачалъ сочинять повѣсть изъ своего духовнаго быта. Добрыя мнѣ женщины наши представляются въ родѣ матери моей, дочери заштатнаго дьякона, всѣхъ насъ своею работою кормившей; но когда думаю — все это вижу живообразно, а стану описывать—не выходитъ. Нѣтъ, я къ сему неспособенъ!»

«2-го марта 1845 года. Три года прошло безъ всякой переменны въ жизни. Домикъ свой учреждалъ, да занялся чтеніемъ отцовъ церкви и историковъ. Вывелъ два заключенія, и оба желаю признавать ошибочными. Первое изъ нихъ, что христіанство еще на Руси не проповѣдано; а второе, что событія повторяются, и ихъ можно предсказывать. О первомъ заключеніи говорилъ разъ съ довольно умнымъ коллегомъ своимъ, отцомъ Николаемъ, и былъ удивленъ, какъ онъ это внялъ и согласился. «Да,—сказалъ онъ,—сіе безспорно, что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся». Значить, не я одинъ сіе вижу и другіе

видать, но отчего же имъ всё это смѣшно, а моя утроба снимъ до кровей возмущается».

«*Новый 1846 годъ.* Къ намъ начинаютъ ссылать поляковъ. О запискѣ моей еще свѣдѣній нѣтъ. Сильно интересуюсь политичною заворожкой, что начинается на Западѣ, и пренумеровалъ для сего себѣ политическую газету».

«*6-го мая 1847 года.* Прибыли къ намъ еще два новые поляка, ксендзь Алонзій Конаркевичъ да панъ Игнатій Чемерицкій, сей въ лѣтахъ самыхъ юныхъ, но уже и теперь каналья весьма комплектная. Городничиха наша, яко полька, собрала около себя цѣлый сонмъ соотчичей, и сего послѣдняго нарочито къ себѣ приблизила. Толкуютъ, что сіе будто потому, что сей юнецъ изрядешъ видомъ и милъ манерами; но мнѣ мнится, что здѣсь есть еще нѣчто и иное».

«*20-го ноября.* Замѣчаю что-то весьма удивительное и непонятное: поляки у насъ словно господами нашими дѣлаются, все черезъ нихъ въ губерніи можно достигнуть, ибо Чемерицкій одному моему правителю оказывается пріятель».

«*5-го февраля 1849 года.* Чего съ роду не хотѣлъ сдѣлать, то нынѣ сдѣлалъ: написалъ на поляковъ порядочный доносъ, потому что они превзошли всякую мѣру. Мало того, что они уже съ давнихъ поръ гласно издѣваются надъ газетными извѣстіями и представляютъ, что все сіе, что въ газетахъ изложено, якъ бы не такъ, а совершенно обратно, яко бы насъ бьютъ, а не мы бьемъ непріятелей, но отъ слова уже и до дѣла доходятъ. На панихидѣ за воиновъ, на брани убіенныхъ, подняли съ городничихой столь непристойный хохотъ, что отецъ протоіереѣ послалъ причетника попросить ихъ о спокойномъ стояніи, или о выходѣ, послѣ чего они, улыбаясь, изъ храма вышли. Но когда мы съ причтомъ, окончивъ служеніе, проходили мимо бакалейной лавки братьевъ Лялиныхъ, то одинъ изъ поляковъ вышелъ со стаканомъ вина на крыльцо и подражая голосомъ дякону, возгласилъ: «много ли это!» Я понялъ, что это посмѣяніе надъ многолѣтіемъ, и такъ и описалъ, и сего не срамлюсь, и за доносчика себя не почитаю, ибо я русскій и деликатность съ такими людьми долженъ считать за неумѣстное».

«*1-го апрѣля.* Вечеромъ. Донесеніе мое о поступкѣ по-

ляковъ, какъ видно, хотя поздно, но все-таки возымѣло свое дѣйствіе. Сегодня утромъ пріѣхалъ въ городъ жандармскій начальникъ и пригласилъ меня къ себѣ, долго и въ подробности обо всемъ этомъ разспрашивалъ. Я рассказалъ все, какъ было; а онъ объявилъ мнѣ, что всѣмъ этимъ польскимъ мерзостямъ на Руси скоро будетъ конецъ. Опасаюсь, однако, что все сіе, какъ на зло, сказано мнѣ перваго апрѣля. Начинаю вѣрять, что число сіе, дѣйствительно, обманчиво».

«7-го сентября. Первое апрѣля на сей разъ, мнитсѣ, не обмануло: Конаркевича и Чемерницкаго обоихъ перевели на жительство въ губернію».

«25-го ноября. Нашъ городничій съ супругой изволили выѣхать: онъ опредѣленъ въ губернію полиціймейстеромъ. Однако, этакъ не очень еще его наказали».

«5-го декабря. Прибылъ новый городничій. Называется онъ капитанъ Мрачковскій. Фамилія происходитъ отъ слова мракъ. Ты, Господи, вѣси, когда къ намъ что-нибудь отъ свѣта приходитъ станеть!»

«9-го декабря. Былъ сегодня у новаго городничаго на фриштыль. Любезностью большою обладаютъ оба — и онъ, и жена. Подвыпивъ изрядно, пѣлъ намъ: «Ты помнишь ли, товарищъ славы бранной?» А потомъ сынишка его, одѣтый въ русскою рубашкѣ, тоже пѣлъ: «Ахъ морозъ, морозецъ, молодецъ ты русскій!» Это что-то новыя новости! Замѣчательность бесѣды сего Мрачковскаго, впрочемъ, наиболѣе всего заключалася для меня въ рассказѣ о нѣкоемъ профессорѣ московскаго университета, получившемъ будто бы отставку за то, что на торжественномъ актѣ сказалъ: «*Nunquam de republica desperandum*», въ смыслѣ «никогда не должно отчаиваться за государство», но какимъ-то канцелярскимъ мудрецомъ понято, что онъ якобы велѣлъ не отчаиваться въ республикѣ, то за сіе и отставленъ. Даже невѣроятно».

«12-го декабря. Прочиталъ въ газетахъ, что будто одному мужику, стоявшему наклонясь надъ водой, вскочила въ ротъ небольшая щука и, застрявъ жабрами, не могла быть вытащена, отчего сей ротозѣй и умеръ. Чему же послѣ сего въ Россіи вѣрять нельзя? Вѣрю и про профессора».

«20-го декабря. Пѣтъ, первое-то апрѣля не только обманчиво, но и загадочно. Не хочу даже всего, со мною быв-

наго, въ сей прїѣздъ въ губернію вписывать, а скажу одно, что я былъ руганъ и срамлень всячески, и только что не бить остался за мое донесѣніе. Не вѣдаю, съ чьихъ рѣчей, *самъ-то* нашъ прямо накинулся на меня, что «ты, дескать, ужъ надоѣлъ своимъ сутяжничествомъ; не на добро тебя и грамотѣ выучили, чтобы ты не въ свое дѣло мѣшался, ябедничалъ, да сутяжничалъ». Сердцевѣдце мой! Когда жъ это я ябеды пускалъ и съ кѣмъ сутяжничалъ? Но ничего я отвѣчать не могъ, потому что каждое движеніе губъ моихъ встрѣчало грозное «молчи!» Избыхся всѣхъ лишнихъ, и се возвратясь сижу, какъ крапивою выпоронная насѣдка, и твержу себѣ то слово: «молчи!» и вижу, что слово сіе разумно. Одного не понимаю, отчего мой поступокъ, хотя, можетъ-быть, и неосторожный, не инымъ чѣмъ, не неловкостію и не необразованностію моею изъясненъ, а чѣмъ бы вамъ мнилось? злопомненіемъ, что меня тѣ самые поляки не звали, да и пьянымъ не напоили, къ чему я, однако, благодаря моего Бога, и неприверженъ. Отъ малаго сего къ великому заключая, припоминаю себѣ слова французской дѣвицы Шарлоты Кордай д'Армонъ, какъ она въ предказненномъ письмѣ своемъ писала, что «у новыхъ народовъ мало патріотовъ, кои бы самую простую патріотическую горячість понимали и вѣрили бы возможности чѣмъ-либо ей пожертвовать. Вездѣ эгоизмъ и все имъ объясняется». Оно бы, глядя на однихъ своихъ, пожалуй бы, и я былъ склоненъ заключить, какъ Кордай д'Армонъ, не имѣя предъ очами сихъ самыхъ поляковъ, у которыхъ всякая дальняя сосна своему бору шумитъ, да раскольниковъ, кои хъ всѣ обиды и пригнетенія не отучаютъ любить Русь, поневолѣ долженъ ей противорѣчить и думать, что есть еще у людей любовь къ своему отечеству! Вотъ до чего, долго живучи, домыслишься, что и ляховъ за нѣчто похваливать станешь. Однако, звучно да будетъ мнѣ по вся дни сіе недавно слышанное мною: «молчи». *Nunquam de republica desperandum*».

2-го января 1849 года. Ходилъ по всѣмъ раскольникамъ и бралъ у воротъ сребряники. Противиться мнѣ не время, однакоже минутами горестно сіе чувствовалъ; но дѣлалъ ради того, дабы не перерядить понадю въ дьячихи, ибо послѣ бывшаго со мною и сіе возможно. Былъ я у городничаго: онъ все со мною бывшее знаетъ и весьма

меня на рѣчахъ сожалѣлъ, а что тамъ на сердцѣ, про то Богу извѣстно. Но что поистинѣ достойно смѣха, то это выходка нашей модной чиновницы Бизюкиной. «Правда ли, — спросила она меня, — что вы донесли на поляковъ? Какъ это низко. Вы послѣ этого теперь не что иное, какъ ябедникъ и доносчикъ. Сколько вамъ за это заплатили?» А я ей на это отвѣчалъ: «А вы не что иное, какъ дура, и къ тому еще неоплатная».

«1-го января 1850 года. Годъ прошелъ тихо и смиренно. Схоронилъ мою благотворительницу Марю Андревну Шлодомасову. Скончалась, переживъ пятерыхъ вѣщеносцевъ: Елизавету, Петра, Екатерину, Павла и Александра, и съ двумя изъ нихъ танцевала на собраніяхъ. Ждалъ неприятностей отъ Бизюкинини, которая со связями и могла потщиться пострекать меня чрезъ губернію, да все обошлось прекрасно: мы, русскіе, сколь ни яровиты порой, но, видно, не злопамятны, можетъ потому, что за насъ и заступился некому. Въ будущемъ году думаю начать пристройку, ибо вдался въ нѣкоторую слабость: полюбилъ преферансовую игру и началъ со скуки курить, а отъ сего траты. Курилъ спервоначала шутя у городничаго, а вынѣ и дома всею этою сбруей обзавелся. Надо бы и бросить».

«1850 годъ». Надо бросить. Нѣтъ, братикъ, не бросишь. Такъ привыкъ курить, что не могу оставить. Рѣшилъ слабость сію не искоренять, а за нее взять къ себѣ какого-нибудь бездомнаго сиротку и воспитать. На попадью, Наталью Николаевну, плоха надежда: дать намекъ, что будто есть у нея что-то, но выйдетъ сіе всякій разъ подобно 1-му апрѣля».

«1-го января 1857 года. Совсѣмъ не узнаю себя. Семь лѣтъ и строки сюда не вписалъ. Житіе мое странное, зане житіе мое стало, сытое и прпвольное. Перечитывалъ все со дня преподобія своего здѣсь написанное. Достойно замѣчанія, сколь я сталъ иначе ко всему относиться за сіи годы. Самъ не воюю, никого не беспокою и себѣ никакого безпокойства не вижу. «Укатали сивку крутыя горки», и противъ рожна прати болѣе не охота».

«20-го февраля. Благородное дворянство избрало намъ новаго исправника, друга моего, поляка, на коего я доносилъ во дни моей молодой строптивости, пана Чесмерницкаго. Онъ жепился на русской нашей богатой вдовѣ и учи-

ялся нашимъ помѣщикомъ, а нынѣ и исправникомъ. Въ господинѣ Чемерницкомъ непремѣнно буду имѣть врага и, вѣроятно, наидосадливѣйшаго».

«7-го апрѣля. Прїѣхалъ новый исправникъ, панъ Чемерницкій, самъ мнѣ и визитъ сдѣлать. О старой ссорѣ моей, за «много ли это», и помина не дѣлаетъ».

«20-го мая. Впервые читалъ у исправника заграничную русскую газету «Колоколь», господина Искандера. Рѣчь бойкая и весьма штилистическая, но по непривычкѣ къ смѣлости, — дико».

«2-го июня. Вчера, на день ангела своего, справлялъ пиръ. Думалъ сдѣлать сіе скромненько, по моему достоянію, но Чемерницкій утромъ прислалъ цѣлую корзину вина и сластей, и рому, а вечеромъ ко мнѣ понагрянули и Чемерницкій, и новый городничій Порохонцевъ. Это весьма добрый мужикъ. Онъ, подпивши зѣло-зѣло, сталъ вдругъ меня съ Чемерницкимъ мирить за старое, и я помирился, и просилъ извиненія, и много разъ съ нимъ поцѣловался. Не знаю, къ чему мнѣ было сіе дѣлать, если бы самъ не былъ тоже въ подпитіи? Сегодня утромъ выражалъ о семъ мирителю Порохонцеву большое сожалѣніе, но онъ сказалъ, что по-ихнему, по-полковому, не надо о томъ жалѣть, когда, подпивши, цѣлуешься, ибо это всегда лучше, чѣмъ выпивъ да подерешься. Все это такъ, но все-таки досадно. Служивши сегодня у головы молебень, самъ себя поткалъ въ носъ крошломъ и назидательно сказалъ себѣ: «не пей, попъ, вина».

«23-го августа. Читалъ записки госпожи Дашковой и о Павлѣ Петровичѣ: все заграничнаго изданія. Очень все любопытно. Съ мнѣніями Дашковой во многомъ согласенъ, кромѣ что о Петрѣ, — о немъ думаю иначе. Однако, спасибо Чемерницкому, что разсѣваетъ этими рѣдкими книгами мою сильную скуку».

«9-го сентября. Размолвился съ Чемерницкимъ на свадьбѣ Порохонцева. Дерзкій этотъ полякъ, глумясь, началъ разспрашивать безхитростнаго Захарію, что значитъ, что у насъ при вѣнчаніи поютъ: «живота просише у тебе?» И началъ перекоръ: о какомъ здѣсь животѣ идетъ рѣчь? Я же вмѣшался и сказалъ, что онъ сіе пойметъ, если ему когда-нибудь, подъ висѣлицей, петлю надѣнутъ».

«20-го сентября. Я въ крайнемъ недоумѣніи. Дьячиха, по

малосмыслию, послала своему сыну по почтѣ рублевую ассигнацію въ простомъ конвертѣ, но конвертъ сей на почтѣ подпечатали и, открывъ преступленіе вдовы, посылку ея конфисковали и подвергли ее штрафу. Что на почтѣ письма подпечатываютъ и читаютъ, — сіе никому не новость; но какъ же это рублевую ассигнацію вдовицы ловятъ, а «Колоколь», который я беру у исправника, не ловятъ? Что это такое: простота или воровство?»

«20-го октября. Въмѣсто скончавшагося дьякона нашего, смиреннаго Прохора, прибылъ изъ губерніи новый дьяконъ, Ахилла Десницинъ. Сей всѣхъ насъ больше, всѣхъ насъ толще, и съ такою фізіономіею, и съ такою фигурой, что нельзя, глядя на него, не удивляться силѣ природной произрастительности. Голосъ онъ имѣеть весьма добрый, нрава весьма веселаго и на первый разъ показался мнѣ будто очень почтителенъ. Но наипаче всего этотъ человекъ нравится мнѣ своимъ добродушіемъ. Предъявлялъ мнѣ копію со своего семинарскаго аттестата, въ коей написано: «поведенія хорошаго, но удобоносителенъ». А что сіе обозначаетъ? спросилъ я. «Это совершенные пустяки, — объяснилъ онъ, — это больше ни что, какъ будучи въ горячечной болѣзни въ семинарскомъ госпиталѣ, я проносилъ больнымъ богословамъ водку». И сіе, молъ, изрядно».

«9-го декабря. Получилъ камплавку и крестъ св. Анны. По чьему бы. мнилось, ходатайству? А все сіе по засвидѣтельствуванію милостивца моего, пана Чемерницкаго, о моей рачительности по благочинію».

«7-го марта 1858 года. Исходъ Израилевъ былъ: поѣхали въ Питеръ Россію направлять на все доброе всѣ друзья мои — и губернаторъ, и его оный правитель, да и нашего Чемерницкаго за собой на изрядное мѣсто потянули. Однако, мнѣ его даже искренно жаль стало, что отъ насъ уѣхалъ. Скука будто еще болѣе».

«7-го декабря. По указанію дьячка Сергѣя, замѣтилъ, что нашъ новый дьяконъ Ахилла нѣсколько малодушникъ: онъ многихъ приходящихъ изъ деревень богомольцевъ изъ ложнаго честолюбія благословляетъ нотаенно іерейскимъ благословеніемъ, и при семъ еще какъ-то поддерживаетъ лѣвою рукой правый рукавъ рясы. Сказалъ ему, дабы онъ сего отнюдь себѣ впередъ не позволялъ».

«18-го іюля 1859 года. Дьяконъ Ахилла опять замѣченъ

въ томъ, что благословляетъ. Дабы уменьшить его подобіе со священникомъ, я отобралъ у него палку, которую онъ даже и права носить по своему чину не имѣеть. Перенесъ все сіе благопокорно и тѣмъ меня ужасно смягчилъ».

«15-го августа. Пировали у городничаго, и на семь пручуть не произошелъ скандалъ, оиять по поводу спора объ умѣ, и напомнило мнѣ это старый споръ, которому въ молодости моей когда-то я смѣялся. Дьяконъ Ахилла и лѣкарь сразились въ спорѣ обо мнѣ: лѣкарь отвергалъ мой умъ, а дьяконъ—возносилъ. Тогда на ихъ шумъ и особливо на крикъ лѣкаря, вошли мы, и я съ прочими, и застали, что лѣкарь сидитъ наверху шкапа и отчаянно болтаеть ногами, производя стукъ, а Ахилла въ спокойнѣйшемъ видѣ сидитъ посреди комнаты въ креслѣ и говоритъ: «Не снимайте его, пожалуйста, это я его яко на водахъ повѣснхъ за его сопротивленіе». Удерживая свой смѣхъ, я достаточно дьякона за его шалость пошунялъ и сказала, что сила не доказательство. А онъ за сіе мнѣ поклонился и, отнесясь къ лѣкарю, добавилъ: «А, что такое? Небось, самъ теперь видишь, что онъ министръ юстиціи». Предивно, что этотъ казаковатый дьяконъ какъ бы провидитъ, что я его смертельно люблю—самъ за что не вѣдая, и онъ тоже меня любить, отчета себѣ въ семь не отдавая».

«25-го августа. Какая огромная радость! Ксендзы по Литвѣ учредили общества трезвости: они проповѣдуютъ противъ пьянства, и пьянство престаеть, и народъ остепеняется, и откупщики-кровонійцы лопаются. Ахъ, какъ бы хотѣлось въ семь родѣ проповѣдничать!»

«5-го сентября. Въ нѣкоторыхъ православныхъ обществахъ заведено то же. Боюсь, не утерплю и скажу слово! Говорить бы по мысли Кирилла Вѣлосерскаго, како: «крестьяне ся пропиваютъ, а души гибнуть». Но какъ проповѣдывать безъ цензуры не смѣю, то хочу интригой учредить у себя общество трезвости. Чтѣ дѣлать, за неволю и патеру Игнатію Лойолѣ слѣдовать станешь, когда прямою дорогой ходу нѣтъ».

«7-го октября. Составили проектъ нашему обществу, но утвержденія оному еще нѣтъ, а зато пишутъ, что винный откупщикъ жаловался министру на проповѣдниковъ, что они не допускаютъ народъ пить. Ахъ ты, дерзкая каналья! Еще жаловаться смѣеть, да еще и министру!..»

«20-го октября. Бѣшенная вѣсть! Газеты сообщаютъ, что въ іюлѣ сего года откупщики жаловались министру внутреннихъ дѣлъ на православныхъ священниковъ, удерживающихъ народъ отъ пьянства, и господинъ министръ передалъ эту жалобу оберъ-прокурору святѣйшаго синода, который отвѣчалъ, что «св. синодъ благословляетъ священнослужителей ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина». Но откупщики не унялись и снова просили отмѣнить указъ св. синода, ибо, при содѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно. Тогда министръ финансовъ сообщилъ будто бы оберъ-прокурору святѣйшаго синода, что совершенное запрещеніе горячаго вина, посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простого народа религиозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній, не должно быть допускаемо какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе. Затѣмъ, сказываютъ, сдѣлано распоряженіе, чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впродъ городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли нигдѣ не допускать. Пей, бѣдный народъ, и распивайся!»

«8-го ноября. Въ день святыхъ и небесныхъ силъ восводи и архистратига Михаила присланъ мнѣ преобладающій носъ, дабы не токмо объ учрежденіи общества трезвости не злоумышлять, но и проповѣдывать о семъ не смѣль, имѣя въ виду и сіе, и оное, и всякое, и овакое, опрочъ единой пользы человѣческой... Да не полно ли мнѣ, наконецъ, все это писать? Довольно сплошной срамъ-то свой все записывать!»

«1-го января 1860 года. Даже новогодія пропускаю и ничѣмъ оставляю неотмѣченныя. Сколь горячъ былъ нѣкогда ко всему трогашему, столь нынѣ ко всему отношусь равнодушно. Протопопица моя, Наталья Николаевна, говорить, что я каковъ былъ, таковъ и сегодня; а гдѣ тому такъ быть! Ей, можетъ, это въ иную минуту и такъ покажется, потому что и сама она уже Сарриныхъ лѣтъ достигла, но а мнѣ-то видѣе... Тѣло-то здорово и даже толсто, да что въ томъ проку, а душа уже какъ бы какою корой

обрастають. Вижу, что нѣчто дивное на Руси зрѣть и готовится систематически; народу то потворствуютъ и мирволятъ въ его дурныхъ склонностяхъ, то внезапно начинаютъ сборы податей и поступаютъ тогда безпощадно, говоря при семъ, что сіе «по царскому указу». Дивно, что всего сего какъ бы никто не замѣчаетъ, къ чему это клонить.»

«27-го марта. Запахло весной, и съ горъ среди дня стремятся потоки. Дьяконъ Ахилла уже справляетъ свои сѣдла и собирается опять скакать степнымъ киргизомъ. Благо ему, что его это тѣшитъ: я ему въ томъ не помѣха, ибо, дѣйствительно, скука неодоленная, а онъ мужикъ сложенія живого, такъ пусть хоть въ чемъ-нибудь имѣетъ разсѣяніе.»

«23-го апрѣля. Ахилла появился со шпорами, которые нарочно заказалъ себѣ для ѣзды изготовить Пизонскому. Вотъ что худо, что онъ ни за что не можетъ ограничиться на умѣренности, а непременно во всемъ достарается до крайности. Чтобъ остановить его, я моими собственными негами шпоры эти отъ Ахиллиныхъ салогъ однимъ ударомъ отломилъ, а его просилъ за эту пошлость и самое наѣздничество на сей годъ прекратить. И такъ, онъ нынѣ у меня подъ эпитимьей. Да что же дѣлать, когда нельзя его не воздерживать. А то онъ и мечами препояшется.»

«2-го сентября. Дьячокъ Сергѣй сегодня донесъ мнѣ, что дьяконъ ходитъ по ночамъ съ ружьемъ на охоту и застрѣлилъ двухъ зайцевъ. Сергѣю сказалъ, что сему не вѣрю, а дьякону изрядно намылили голову.»

«9-го сентября. Однако, съ этимъ дьякономъ не мало хлопотъ: онъ вчера отстегалъ дьячка Сергѣя ремнемъ, не поручусь, что можетъ-быть и изъ мщенія, что тотъ на него донесъ мнѣ объ охотѣ; но говоритъ, что будто бы наказалъ его за какое-то богохульство. Дабы не допустить его до суда тѣхъ архіерейскихъ слугъ, коихъ великій императоръ изволилъ озаглавить «лакомыми скотинами» и «несытыми татарами», я призвалъ къ себѣ и битаго, и небитаго и настоятельно заставилъ ихъ поклониться другъ другу въ поги и примириться, и при семъ замѣтилъ, что дьяконъ Ахилла исполнилъ сіе со всею весьма доброю искренностью. Въ семъ мужикѣ, помимо его горячности, порой усматривается не мало самага голубинаго незлобія.»

«14-го сентября. Дьячокъ Сергѣй, придя будто бы за наполомъ для какусты, словно невзначай донесъ мнѣ, что сегодня вечеромъ у фокусника, который проѣздомъ показываетъ въ кирпичныхъ сараяхъ силача и великана, будетъ на представленіи дьяконъ Ахилла. Прегнусный и испительный характеръ у сего Сергѣя.»

«15-го. Я пошелъ подсмотрѣть это представленіе и, не будучи самъ видимъ, все достаточно хорошо самъ видѣлъ сквозь щелочку въ заднихъ воротнищахъ. Ахилла точно былъ, но болѣе не зрителемъ, а какъ бы сказать актеромъ. Онъ появился въ большомъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, съ поднятымъ и обвязаннымъ ковровымъ платкомъ воротникомъ, скрывавшимъ его волосы и большую часть лица до самыхъ глазъ, но я, однако, его, разумеется, немедленно узналъ, а дальше и мудрено было бы кому-нибудь его не узнать, потому что, когда привозный комедіантомъ великанъ и силачъ вышелъ въ голотѣлесномъ трикѣ и, взявъ въ обѣ руки по пяти пудовъ, мало колеблясь, обнесъ сію тяжесть предъ скамьями, гдѣ сидѣла публика, то Ахилла, забывшись, закричалъ своимъ голосомъ: «ни что же тутъ во всемъ этомъ дивнаго!» Затѣмъ, когда великанъ нахально вызывалъ бороться съ нимъ и никого на сіе состязаніе охотниковъ не выскивалось, то Ахилла, утупя лицо въ оный, обвязанный вокругъ его головы, ковровый платокъ, вышелъ и схватился. Я полагалъ, что кости ихъ сокрушатся: то сей гнется, то оный одолеваетъ, и такъ нѣсколько минутъ; но, наконецъ, Ахилла сего гордаго нѣмца сломалъ и, закрутивъ ему ноги узломъ, наподобіе, какъ подають въ дворянскихъ домахъ жареныхъ пулярокъ, взялъ оные десять пудовъ, да вдобавокъ самого сего силача и началъ со всѣмъ этимъ коробомъ ходить передъ публикой, громко кричавшею ему «браво». Дивнѣе же всего Ахилла сдѣлалъ этому финалъ: «Господа!— обратился онъ къ публикѣ:— можетъ, кто вздумаетъ увѣрять, что я кто другой: такъ вы ему, сдѣлайте милость, плюньте, потому что я просто мѣщанинъ Иванъ Морозовъ изъ Сѣвска». Кто-то его, изволите видѣть, будто просилъ объ этомъ объясненіи. Но, однако, я всѣмъ этимъ весьма со скуки позабавился. Ахъ, въ чемъ проходитъ жизнь! Ахъ, въ чемъ уже и прошла она! Идучи назадъ отъ сараевъ, гдѣ было представленіе, я впалъ въ нервность какую-то и прослезился—самъ о чемъ не вѣдая, но чувствуя лишь одно,

что есть что-то, чего нельзя мнѣ не оплакивать, когда вздумаю молодые свои широкіе планы и посравню ихъ съ продолженною мною жизнію моею! Мечталъ нѣкогда обиженный, что съ достоинствомъ провести могу жизнь мою, уже хотя не за дѣланіемъ во внѣшности, а за самоусовершенствованіемъ собственнымъ; но не философъ я, а гражданинъ; мало мнѣ сего: нужусь я, скорблю и страдаю безъ дѣятельности, и отъ сего не всегда осуждаю живыя наклонности моего любезнаго Ахиллеса. Богъ прости и благослови его за его плѣнительную сердца простоту, въ которой все его утѣшаетъ и радуетъ. Сергѣю-дьячку сказалъ, что онъ вретъ про Ахиллу, и запретилъ ему на него кляузничать. Чувствую, что я со всею отеческою слабостію полюбилъ сего добраго человѣка.»

«14-го мая 1861 года. Въ какія чудесныя дѣла можетъ попадать человѣкъ по легкомыслію своему! Комплектъ путешниковъ у насъ полонъ и безъ дьякона Ахиллы, но сей, однако, никакъ не въ силахъ воздержаться, чтобы еще не пополнить его собою. Городничій у тестя своего, княжескаго управителя Глича, къ иностернику лошадей торговалъ, а тотъ продать не желаетъ, и они поспорили, что городничій добудетъ ту лошадь, и ударили о закладъ. Городничій договорилъ за два рубля праздновающагося мѣщанина Данилку, по прозвищу «Комиссара», дабы тотъ уворовалъ коня у господина Глича. Прилично, видите, сіе городничему на воровство посылать, хотя бы и ради потѣхи! Но что всего приличнѣе, это было моему Ахиллѣ выхватиться съ своею готовностію пособлять Данилкѣ въ этомъ дѣлѣ. Сергѣй-дьячокъ донесъ мнѣ объ этомъ, и я заблаговременно взялъ Ахиллу къ себѣ и сдалъ его на день подъ надзоръ Натальи Николаевны, съ которою мой дьяконъ и провелъ время, сбивая ей въ карафинѣ сливочное масло, а ночью я положилъ его у себя на полу и, дабы онъ не ушелъ, заперъ до утра всю его обувь и платье. Утромъ же сегодня были мы всѣ пробуждены нѣкоторымъ шумомъ и тревогой: проскакала прямо къ крыльцу городничаго тройкой телѣга и въ ней комиссаръ Данилка между двумя мужиками, кричащій какъ оглашенный. Пошли мы полюбопытствовать, чего онъ такъ кричить, и нашли, что Данилку освобождали отъ порты, начиненныхъ стрекучею крапивой. Оказывается, что господинъ Гличъ его изловилъ, посадилъ въ крапиву,

и слуги его привезли сего молодца назадъ къ пославшему его. Я указалъ дьякону, что если бѣ и онъ раздѣлялъ таковую же участь съ Данилкой и пріѣхалъ назадъ, какъ карась, весь обложенный крапивой, приятно ли бы это ему было? Но онъ отвѣчалъ, что не дался бы,—что хотя бы даже и десять человѣкъ на него напали, онъ бы не дался.—Ну, говорю, а если бы двадцать!—«Ну, а съ двадцатью, говорить, ужъ нечего дѣлать—двадцать одолѣютъ», и при семь разсказалъ, что однажды онъ, еще будучи въ училищѣ, шелъ съ своимъ роднымъ братомъ домой и одновременно съ проходившею партіей солдатъ увидѣли кустъ калины съ немногими вѣтками сихъ никуда почти негодныхъ ягодъ, и устремились овладѣть ими, и Ахилла съ братомъ, и солдаты человѣкъ до сорока, «и произошла, говорить, тутъ между нами великая свалка, и брата Финогешу убили». Какъ это наивно и просто! Что разсказъ, то и событіе! Ему «жизнь—копейка».

«29-го сентября 1861 года. Пріѣхалъ изъ губерніи сынъ никитской просвирии Марѣи Николаевой Препотенской, Варнава. Окончилъ онъ семинарію первымъ разрядомъ, но въ помы идти отказался, а прибылъ сюда въ гражданское уѣздное училище учителемъ математики. На вопросъ мой, отчего не пожелалъ въ духовное званіе, коротко отвѣчалъ, что не хочетъ быть обманщикомъ. Не стерпѣвъ сего глупаго отвѣта, я сказалъ ему, что онъ глупецъ. Однако, сколь ни ничтожнымъ сего человѣка и всѣ его мнѣнія почитаю, но уязвленъ его отвѣтомъ, какъ ядовитой осой. Гдѣ мой проектъ о положеніи духовенства и средствахъ возвысить оное на достойную его степень, дабы глупецъ всякій надъ нимъ не глумился и врагъ отчизны сему не радовался? Видно, правду попадья моя сказала, что «можетъ быть, написалъ хорошо, да не хорошо подписался». Встрѣчаю съ нѣкоей поры частыя упоминанія о книгѣ, озаглавленной «О сельскомъ духовенствѣ» и, пожелавъ ее выписать, потребовалъ оную, но книгопродавецъ изъ Москвы отвѣчаетъ, что книга «О сельскомъ духовенствѣ» есть книга запрещенная и въ продажѣ ея нѣтъ. Вотъ поистинѣ гениальная чья-то мысль, для насъ, духовныхъ: книга о духовенствѣ запрещена, а сіи, какъ ихъ называютъ, разнаго сорта «нигилисты» ее читаютъ и цитируютъ!.. Ну, что это за наругательство надъ смысломъ, взаправду!»

«22-го ноября. Ыздилъ въ губернію на чреду. При двухъ архіерейскихъ служеніяхъ былъ сослужащимъ и въ оба раза стоялъ ниже отца Троадія, а сей Троадій до поступленія въ монашество былъ почитаемъ у насъ за нѣчто самое малое и назывался «скорбноглавымъ»; но зато у него, какъ у цензора и, стало быть, православія блюстителя и нравовъ оберегателя, нашлась и сія любопытная книжка «О сельскомъ духовенствѣ». О, сколько правды! сколько горькой, но благопотребнѣйшей правды! Мню, что отецъ Троадій не все здѣсь написанное съ апробаціей и удовольствіемъ читаетъ.»

«14-го декабря. За ранней обѣдней вошелъ ко мнѣ въ алтарь просвирнинъ сынъ, учитель Варнавка Препотенскій, и просилъ отслужить панихиду, причемъ подаль мнѣ и записку, коей я особаго значенія не придалъ, и потому въ оную не заглянулъ, а только мысленно подивился его богомольности; удивленіе мое возросло, когда я, выйдя на панихиду, увидѣлъ здѣсь и нашу модницу Бизюкину, и всѣхъ нашихъ ссыльныхъ поляковъ. И загадка сія недолго оставалась загадкой, ибо я тотчасъ же все понялъ, когда Ахилла сталъ по запискѣ читать: Павла, Александра, Кондратя... Прекрасная вещь со мною сыграна! Это я, выходитъ, отпѣлъ панихиду за декабристовъ, ибо сегодня и день былъ тотъ, когда было возстаніе. Впередъ буду умнѣе, ибо хотя молиться за всѣхъ могу и долженъ, но въ дуракахъ какъ-то у дураковъ дважды быть ужъ не согласенъ. Причту своему не подаль никакого виду, и они ничего этого не поняли.»

«27-го декабря. Ахилла въ самомъ дѣлѣ иногда избличаетъ въ себѣ ужъ такую большую легкомысленность, что для его же собственной пользы прощать его невозможно. Младенца, котораго призрѣлъ и воспиталъ неоднократно мною упомянутый Константинъ Пизонскій, сей бѣдный старикъ просилъ дьякона научить какому-нибудь пышному стихотворному поздравленію для городского головы, а Ахилла, охотно взявшись за это порученіе, иатвердилъ мальчишкѣ такое:

Днесъ Христосъ родился,
А Продъ царь взбѣсился:
Я васъ поздравляю,
И вамъ того-жъ желаю

Нѣтъ; противъ него необходима большая строгость!»

«1-го января 1862 года. Лѣкаръ, по обязанности службы, вскрывалъ одного скоропостижно умершаго, и учитель Варнава Препотенскій привелъ на вскрытіе нѣсколько учениковъ изъ уѣзднаго училища, дабы показать имъ анатомію, а потомъ въ классѣ говорилъ имъ: «видѣли ли вы тѣло?» отвѣчаютъ: «видѣли».—«А видѣли ли кости?»—«И кости, отвѣчаютъ, видѣли».—«И все ли видѣли?»—«Все видѣли», отвѣчаютъ.—«А души не видали?»—«Нѣтъ, души не видали».—«Ну, такъ гдѣ же она?..» И рѣшилъ имъ, что души нѣтъ. Я конфиденціально обратилъ на сіе вниманіе зрителя и сказалъ, что не премину сказать объ этомъ при директорской ревизіи.

«Вотъ ты, пошъ, уже и потребовался. Воевалъ ты съ расколомъ—не сладилъ; воевалъ съ поляками—не сладилъ, теперь лады съ этою дуростью, ибо это уже плодъ отъ чреслъ твоихъ возрастаетъ. Сладишь ли?.. Погадай на пальцахъ».

«9-го января. Боленъ жабой и не выхожу изъ дому, и уроки въ училищѣ вмѣсто меня преподаетъ отецъ Захарія. Сегодня онъ пришелъ разстроенный и сконфуженный, и со слезами отъ преподаванія уроковъ вмѣсто меня отказывается, а причина сему такая. Отецъ Захарія въ прошлый урокъ въ третьемъ классѣ задать о Промыслѣ, и истолковалъ его и стать сегодня отбратъ заданное; но одинъ ученикъ, бакалейщика Лялина сынъ, способнѣйшій мальчикъ Аліюша, вдругъ отвѣтилъ, что «онъ допускаетъ только Бога Творца, но не признаетъ Бога Промыслителя». Удивленный такимъ отвѣтомъ, отецъ Захарія спросилъ, на чемъ сей юный богословъ основываетъ свое заключеніе, а тотъ отвѣчалъ, что на томъ, что въ природѣ много несправедливаго и жестокаго, и на первое указалъ на смерть, неправоудно будто бы посланную всѣмъ за грѣхопаденіе одного человѣка. Отецъ Захарія, вынужденъ будучи такъ этого дерзкаго отвѣта не бросить, началъ разяснять ученикамъ, что мы, по несовершенству ума нашего, всему сему весьма плохіе судьи, и подкрѣпилъ свои слова указаніемъ, что если бы мы во грѣхахъ нашихъ вѣчны были, то и грѣхъ былъ бы вѣченъ, все порочное и злое было бы вѣчно, а для бдльшаго вразумленія прибавилъ примѣръ, что и кровожадный тигръ, и свирѣпая акула были бы вѣчны, и

достаточно симъ всёхъ убѣдиль. Но на вторыхъ часахъ, когда отецъ Захарія былъ въ низшемъ классѣ, сей самый мальчикъ вошелъ туда и тамъ при малюткахъ опровергъ отца Захарію, сказавъ: «а что же бы сдѣлали намъ кровавадный тигръ и свирѣпая акула, когда мы были бы безсмертны?» Отецъ Захарія, по добротн своей и ненаходчивости, только и нашелся отвѣтить, что «ну, ужъ о семъ люди умѣе насъ съ тобой разсуждали». Но это столь старика тронуло, что онъ у меня часъ добрый очень плакалъ; а я, какъ на зло, все еще боленъ и не могу выйти, чтобы погрозить этому дебоширству, въ коемъ подозрѣваю учителя Варнаву».

13-го января. Сколь я, однако, угадчивъ! Аліона Лялинъ выпоронъ отцомъ за свое вольнодумное разсужденіе и, плача подъ лозами, объявилъ, что сему вопросу и послѣдующему отвѣту научилъ его учитель Препотенскій. Не годую страшно; но лѣкарь нашъ говоритъ, что выйти мнѣ невозможно, ибо у меня будто рецидивная *angina*, и затѣмъ проторю дорожку *ad patres*, а сего бы еще не хотѣлось. Писалъ смотрителю записку и получилъ отвѣтъ, что Препотенскому, въ удовлетвореніе моего требованія, сдѣлано замѣчаніе. Да, замѣчаніе! за растленіе умовъ, за соблазнъ *малыхъ сихъ*, за оскорбленіе честнѣйшаго, кроткаго и, можно сказать, примѣрнаго служителя алтаря — замѣчаніе, а за то, что голодный дьячокъ промѣнялъ Псалтырь старую на новую, сажаетъ семью цѣлую на годъ безъ хлѣба... О, роде лукавый!..»

18-го января. Препотенскій, конечно, поощрился только этимъ замѣчаніемъ и моего отца Захарію совсѣмъ заклевалъ. Этотъ глухой, но язвительный негодяй научилъ ожесточеннаго лозами Аліону Лялина спросить у Захаріи: «правда ли, что пьяный человекъ скотъ?» — «Да, скотъ», — отвѣчалъ, ничто же сумняся, отецъ Захарія. «А гдѣ же его душа въ это время, ибо вы говорили-де, что у скота души нѣтъ?» Отецъ Захарія смутился и отвѣтилъ только то, что: «а, ну, погоди, я вотъ еще и про это твоему отцу скажу: онъ тебя опять выпоретъ». Для Господа Бога скажите, вѣдь становится серьезнымъ вопросомъ: что дѣлать съ этимъ новымъ супостатомъ просвирнинымъ сыномъ и учителемъ пакостей Варнавою».

19-го января. Старый бакалейщикъ Лялинъ вновь вы-

драль сына лозами и за снмъ вслѣдъ взялъ его совсѣмъ изъ училища въ лавку, сказавъ, что «здѣсь не училище, а развратъ содомскій». Ненавижу мою несносную горловую жабу, которая мнѣ въ эти минуты стиснула гортань. Вотъ этотъ услѣхъ Варнавинъ есть живой прикладъ, что такое можетъ сдѣлать одна паршивая овца, если ее въ стадо пустятъ! Вотъ также и наука къ тому, что музыканту мало трезвости, а нужно и искусство. Первый прикладъ даетъ Препотенскій, второй—мой отецъ Захарія. Ради просвѣтителя Препотенскаго изъ школы дѣтей берутъ, а отецъ Захарія, при всей чистотѣ души своей, ни на что отвѣтить не можетъ. Вотъ когда уши мои выше лба хотятъ вспрыгнуть. Да, теперь чувствуешь ли, разумный гражданинъ, что я не совсѣмъ дармоѣдъ и не обманщикъ? Чувствуешь ли? И ежели чувствуешь сіе, то чувствуешь ли и то, что я хилъ, старъ и отупѣлъ отъ всѣхъ оныхъ «молчи»... А что еще тамъ на смѣну мнѣ растеть? Думай о нихъ, брате мой, думай о нихъ, искренній мой и ближній, ибо уже ехидный врагъ внюду насъ всталъ, и сей врагъ плоть отъ плоти нашея. Нынѣ онъ еще пока глупъ и юродивъ, въ Варнавинной кожурѣ ходитъ, но старый попъ, опытомъ наученный, говоритъ тебѣ: на стражѣ стой и зорко слѣди, во что онъ перерядится. Гдѣ теперь Чемерницкій, и оный мой правитель? Какого они плана держатся? Сколь они умнѣе стали съ тѣхъ поръ, какъ разговаривали въ храмѣ и гдѣли на крыльцѣ «много ли это» вмѣсто многая лѣта? Пойди нынѣ, лови! Сунься... они тебя поймаютъ».

«21-го января. Скажешь себѣ слово подъ-руку, да и самъ не обрадуешься. Еще и чернило съ достаточною прочностію не засохло, коимъ писалъ, что «лови ихъ, они сами тебя поймаютъ», какъ вдругъ уже и изловленъ. Сегодня пришелъ ко мнѣ городничій Порохонцевъ и принесъ копію съ служебной бумаги изъ Петербурга. Писано, что до свѣдѣнія высшаго начальства дошло о распространеніи въ нашихъ мѣстахъ газеты «Колоколь» и прочихъ секретныхъ сочиненій, и что посему вмѣняется въ обязанность распространеніе сихъ вещей строго преслѣдовать; а подписано—нашъ «Чемерницкій!» Каковъ!»

«27-го. Я ужасно встревоженъ. Съ гадостнымъ Варнавиной Препотенскимъ справы нѣтъ. Рассказывалъ на урокъ, что Иона пророкъ не могъ быть во чревѣ китовъ, потому что

у огромнаго звѣря кита все-таки весьма узкая глотка. Рѣшительно не могу этого снестъ, но пожаловаться на него директору боюсь, дабы еще и оттуда не ограничилось все однимъ легонькимъ ему замѣчаніемъ».

«2-го февраля. Почтмейстеръ Тимоѳей Ивановичъ, подпечатывая письма, нашелъ описаніе Тугановскаго дѣла, списаннаго городничимъ для Чемерницкаго, и всѣ сему очень смѣялись. На что же сіе дѣлають, на что же и подпечатываніе съ болтовствомъ, уничтожающимъ сей операціи всякое значеніе, и корреспондированіе революціонеру отъ полицейскаго чиновника? Городничій намекалъ, что литераторствуетъ для «Колокола». Не достойнѣ ли бы было, если бы ничего этого, ни того, ни другого, совсѣмъ не было?»

«14-го февраля. Я все еще боленъ и не выхожу. Читалъ книгу журнала, гдѣ въ одной повѣсти выводится авторомъ ночь. Разсказано, какъ онъ пріѣхалъ въ село и какъ онъ старается быть добрымъ и честнымъ; но встрѣчаетъ къ тому ежечасныя препятствія. Хотя все это описано вскользь и безъ фундаментальнаго знанія нашего положенія, но весьма тому радуюсь, что пришла автору такая мысль. Насталъ часъ, чтобы свѣтскіе люди посмотрѣли на насъ, а мы въ свою очередь въ ихъ соображенія и стремленія вникли. Какою смѣшной нашъ дьяконъ Ахилла! Видя, что я въ болѣзни случаю, и желая меня разсѣять, привелъ ко мнѣ собачку Пизонскаго, убудочку пуделя, коему какъ Ахилла скажетъ: «собачка, засмѣйся!» она какъ бы и вправду, скаля свои зубы, смѣется. Опять сядетъ предъ нею большущій дьяконъ на корточки и повторитъ: «засмѣйся, собачка!» она и снова смѣется. Сколь дѣтски близокъ этотъ Ахилла къ природѣ и сколь все его въ ней занимаетъ!..»

«17-го февраля. Препотенскій окончательно вывелъ меня изъ терпѣнія. Я его и человѣкомъ болѣе вовсе считать не могу послѣ того, что онъ сдѣлалъ, и о дѣяніяхъ его палисалъ не директору его, а предводителю Туганову. Чтѣ отродится отъ сего стараго вольтерьянина — не знаю, но все-таки онъ человѣкъ земли, а не наемщикъ, и пожалѣетъ ее. Варнавка дѣлаеть, до чего только безуміе довести можетъ. За болѣзнію учителя Гонорскаго, Препотенскому поручено временно читать исторію, а онъ сейчасъ же началъ толко-

вать о безнравственности войны и относилъ сіе все прямо къ событіямъ въ Польгѣ. Но этого мало ему было, и онъ, глумясь надъ цивилизаціей, порицалъ патріотизмъ и начала національныя, а далѣе осмѣивалъ дѣтямъ благопристойность, представляя ее во многихъ отношеніяхъ даже безнравственною, и привелъ такой примѣръ сему, что народы образованные скрываютъ актъ зарожденія челоуѣка, а не скрываютъ акта убійства, и даже оружія войны на плечахъ носятъ. Чего сему глупцу хочется? По правдѣ, сіе столь глупо, что и подумать стыдно, а я все сержусь. Мелочь сіе; но я вѣдь мелочи однѣ и назираю, ибо я въ малѣ и поставленъ».

«28-го февраля. Ого! Вольтерьянинъ-то мой не шутитъ. Приѣхалъ директоръ. Я не вытерпѣлъ, и хотя лѣкарь грозилъ мнѣ опасностью, однако я вышелъ и говорилъ ему о безчинствахъ Препотенскаго; но директоръ всему сему весьма разсмѣялся. Что это у нихъ за смѣшливость! Обратилъ все сіе въ шутку и сказалъ, что отъ этого Москва не загорится, «а впрочемъ,—добавилъ онъ съ серьезною миной:—гдѣ вы мнѣ прикажете брать другихъ? они всѣ нынѣ такіе бывають». И вышелъ я же въ смѣшныхъ дуракахъ, какъ бесполезный хлопотунъ. Видно, такъ этому и быть слѣдуетъ».

«1-го марта. И вправду я старыи шутъ вѣрно сталъ, что всѣ надо мною потѣшаются. Пришли сегодня ко мнѣ лѣкарь съ городничимъ, и я имъ сказалъ, что здоровье мое отъ вчерашняго выхода нимало не пострадало; но они на сіе разсмѣялись и отвѣчали, что лѣкарь это шутя продержалъ меня въ карантинѣ, ибо ударился объ закладъ съ кѣмъ-то, что стѣитъ ему захотѣть, я мѣсяць просижу дома. Съ этою цѣлію онъ и запугивалъ меня опасностью, которой не было. Тифу!»

«14-го мая. Препотенскій, однакоже, столь осмѣлѣлъ, что и въ моемъ присутствіи мало измѣняется. Добывъ у кого-то изъ раскольниковъ весьма распространенную книжечку съ видами, гдѣ антихристъ изображенъ архіереемъ въ нынѣшнемъ облаченіи, изъяснялъ, что Христось былъ социалистъ, а мы, попы и архіереи, какъ сему противимся, то мы и есьмы антихристы».

«20-го іюня. Отлично поправился, проѣхавшись по благочинію. Такъ свѣжо и хорошо въ природѣ, на людяхъ и

миръ и довольство замѣчается. Въ Благодуховѣ крестьяне на свой счетъ поправили и расписали храмъ, но опять и здѣсь, при такомъ спокойномъ дѣлѣ, явилось нѣчто въ игривомъ духѣ. Изобразили въ притворѣ на стѣнѣ почтенныхъ лѣтъ старца, опочивающаго на ложѣ, а внизу умѣстили подпись: «Въ седьмый день Господь почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ». Далъ отцу Якову за сіе замѣчаніе и картину велѣлъ замалевать».

«11-го іюля. Позавчера служилъ у насъ въ соборѣ проѣздомъ владыка. Спрашивалъ я отца Троадія: стерта ли въ Благодуховѣ извѣстная картина? и узналъ, что картина еще существуетъ, чѣмъ было и встревожился, но отецъ Троадій успокоилъ меня, что это ничего, и шуточно сказалъ, что «это въ народномъ духѣ», и еще присовокупилъ къ сему нѣкоторый анекдотъ о душѣ въ башмакахъ, и опять все покончили въ самомъ игривомъ. Эко! сколь имъ все весело».

«20-го іюля. Ѣздилъ въ Благодухово и картину велѣлъ состругать при себѣ: въ глупомъ народномъ духу потворствовать не нахожу нужнымъ. Узнавалъ о художникѣ; оказалось, что это понамарь Павелъ упражнялся. Гармонируя съ духомъ времени въ шутовности, велѣлъ сему художнику сѣсть съ моимъ кучеромъ на облучокъ и, прокативъ его сорокъ верстъ, отпустить пѣшечкомъ обратно, чтобы имѣлъ время въ сеѣ проходкѣ поразмыслить о своей живописной фантазіи».

«12-го августа. Дьяконъ Ахилла все давно что-то мурлычить. Недавно узналъ, что это онъ вступилъ въ польскій хоръ и поетъ у Кальярскаго, басомъ, польскія пѣсни. Далъ ему честное слово, что донесу о семъ владыкѣ; но простилъ, потому что вижу, что это учинено имъ по его всегдашнему легкомыслію».

«12-го октября. Былъ у насъ на ревизіи новыи губернаторъ. Заходилъ въ соборъ и въ училище, и въ оба раза, и въ училищѣ, и въ церкви, непремѣнно требовалъ у меня благословенія. Человѣкъ русскій и по обхожденію, и по фамиліи. Очень еще молодъ, учился въ семъ особенномъ училищѣ правовѣдѣнія, и изъ Петербурга въ первый разъ всего выѣхалъ, что сейчасъ на цѣль и замѣтно, ибо все его интересуетъ. Съ особымъ любопытствомъ разспрашивалъ о характерѣ столкновеній духовенства съ властію предво-

дательскою; но, къ сожалѣнію, я его любопытства удовлетворить не могъ, ибо у насъ, что уѣздный Плодомасовъ, что губернской Тугановъ — мужи достойные, столкновений нѣтъ. Говорилъ, что копошенью поляковъ онъ не намѣренъ придавать никакого значенія, и выразился такъ: что «ихъ просто надо игнорировать», какъ бы ихъ нѣтъ, ибо «все это, добавилъ, должно ступшеваться; масса ихъ поглотить, и ихъ слѣда не останется». При семъ не безъ краснорѣчія указалъ, что не должно ставить всякое лыко въ строку, «ибо (его слова) все это только раздуваетъ несогласіе и отвлекаетъ правительственныхъ людей отъ ихъ главныхъ цѣлей». При семъ, развивая свою мысль въ духѣ высшей же, вѣроятно, политики, заговорилъ о національномъ фанатизмѣ и нетерпимости».

«14-го ноября. Рассказываютъ, что одинъ помѣщикъ ѣздилъ къ губернатору жаловаться на неисполненіе крестьянами обязательствъ; губернаторъ, остановивъ потокъ его жалобъ, сказалъ: «прошу васъ, говоря о народѣ, помнить, что я демократъ».

«20-го января 1863 года. Пишу замѣчательную и назидательную исторію о суррогатѣ. Сообщаютъ такую курьезную новѣсть о первомъ свиданіи сего новаго губернатора съ нашимъ предводителемъ Тугановымъ. Сей высшей политики исполненный петербургскій шпигль и Вольтеру нашему отрекомендовалъ себя демократомъ, за что Тугановъ на балѣ въ дворянскомъ собраніи въ глаза при всѣхъ его и похвалилъ, добавивъ, что это направленіе самое прекрасное и особенно въ настоящее время идущее кстаті, такъ какъ у насъ уѣздахъ въ трехъ изрядный голодъ и для любви къ народу открыта широкая дѣятельность. Губернаторъ сему весьма возрадовался, что есть голодъ, но осерчалъ, что ему это до сихъ поръ было неизвѣстно, и, подозвавъ своего правителя, сильно ему выговаривалъ, что тотъ его не извѣстилъ о семъ прежде, причемъ, какъ настоящій торопыга, тотчасъ же велѣлъ донести о семъ въ Петербургъ. Но правитель, оправляя передъ нимъ свою вину, молвилъ, что замѣчаемый въ тѣхъ уѣздахъ голодъ еще не есть настоящій голодъ; ибо, хотя тамъ хлѣбъ и пропалъ, но зато изрядно «родилось просо». Отсюда и началась исторія. «Что такое просо?» — воскликнулъ губернаторъ. «Просо — суррогатъ хлѣба», — отвѣчалъ ученый пра-

витель, вмѣсто того, чтобы просто сказать, что изъ прѣса кашу варять, что, можетъ статья, удовлетворило бы и нашего правовѣда, ибо онъ долженъ быть мастеръ варить кашу. Но, однако, случилось такъ, что сказано ему «суррогатъ». «Стыдитесь,—возразилъ, услыхавъ это слово, вышеполитикъ:—стыдитесь обманывать меня, когда стоитъ войти въ любую фруктовую лавку, чтобы знать на что употребляется просо: въ просѣ виноградъ брать!» Тугановъ серьезно промолчалъ, а черезъ день послалъ изъ комиссiи продовольствiя губернатору списокъ хлѣбныхъ сѣмянъ въ Россiи. Губернаторъ сконфузился, увидавъ тамъ просо, и, призвавъ своего правителя, сказалъ: «Извините, что я вамъ тогда не повѣрилъ, вы правы, *просо — хлѣбъ*». Всенскреннѣйше тебя, любезный демократъ, сожалѣю! Нѣмецъ хотя и полагалъ, что Николай угодникъ овсомъ промышленяетъ, но такъ не виноградничалъ».

«6-го декабря. Постоянно приходятъ вѣсти о контрахъ между предводителемъ Тугановымъ и губернаторомъ, который, говорятъ, отыскиваетъ чѣмъ бы ткнуть предводителя за свое «просо» и, наконецъ, кажется они столкнулись. Губернаторъ все за крестьянъ, а тотъ, Вольтеръ, за свои права и вольности. У одного правовѣдство смыслъ покрывило, такъ что ему надо бы пожелать позабыть то, что онъ узналъ, а у другого — гонору съ Араратскую гору, и уже никакого ни къ какимъ правамъ почтенiя. У нихъ будетъ баталiя».

«20-го декабря. Прiѣхали на Святки семинаристы, и сынъ отца Захарiн, дающiй частныя уроки въ добрыхъ домахъ, привезъ совершенно невѣроятную и дикую новость: какой-то отставной солдатъ, притаясь въ уголкѣ Покровской церкви, снялъ вѣнецъ съ чудотворной иконы Юанна воина и, будучи взятъ съ тѣмъ вѣнцомъ въ домъ своемъ, объяснилъ, что онъ этого вѣнца не красть, а что, жалуюсь на необеспеченность отставного русскаго воина, молилъ сего святого воинственника пособить ему въ его бѣдности, а святой, якобы внявъ ему, проговорилъ: «я ихъ за это накажу въ будущемъ вѣкѣ, а тебѣ нѣ воть покуда это», и съ сими участливыми словами снялъ будто бы своєю рукой съ головы оный драгоценный вѣнецъ и промолвилъ «возьми». Стоитъ ли, кажется, такое объясненiе какого-либо вниманiя? По просу воздѣйствовавшу разсуждено

иначе, и отъ губернатора въ консисторію послѣдоваль за-
прось: могло ли происходить такое чудо? Разумѣется,
что консисторія очутилась въ затрудненіи, ибо нельзя же
ей отвѣчать, что чудо невозможно; но къ чему же, однако,
это направляется? Предводитель Тугановъ по сему случаю
секретно запротестоваль и написалъ, что видить это дѣй-
ствіе неразумнымъ ѣи предпринимаемымъ единственно для
колебанія вѣры и для насмѣшки надъ духовенствомъ. Та-
кимъ образомъ сей старый невѣръ становится за духовен-
ство, а обязанный защищать оное правовѣдецъ надъ нимъ
издѣвается. Нѣтъ, кажется, и вправду уже грядетъ часъ
и нынѣ есть, когда здравый разумъ будетъ не въ состоя-
ніи усматривать во всемъ совершающемся хотя малѣйшую
странность. Самое заступленіе Туганова, такъ какъ оно не
по ревности къ вѣрѣ, а по враждѣ къ губернатору, то
хотя бы это, повидимому, и на пользу въ семъ настоя-
щемъ случаѣ, но, однако, радоваться тутъ нечему, ибо
чего же можно ожидать хорошаго, если въ государствѣ
всѣ одинъ надъ другимъ стануть издѣваться, забывая,
что они одной коронѣ присягали и одной странѣ служатъ?
Плохо-сь!»

«9-го января 1864. Самъ Тугановъ пріѣзжалъ зачѣмъ-то
въ Плодомасово. Я не утерпѣлъ и поѣхаль вчера пови-
даться и узнать насчетъ его борьбы и его протеста за
Іоанна воина. Чудно! Сей Тугановъ, нѣкогда читатель Воль-
тера, заговорилъ со мною съ грустью и въ наидруженнѣй-
шемъ тонѣ. Протестъ свой онъ еще не считаетъ доста-
точно сильнымъ, ибо сказаль, «что я самъ для себя ду-
маю обо всемъ чудодѣйственномъ, то про мой обиходъ при-
миѣ и остается, а не могу же я раздѣлять бездѣльничьихъ
желаній — отнимать у народа то, что одно только пока и
вселяетъ въ него навѣкъ думать, что онъ принадлежитъ
немножечко къ высшей сферѣ бытія, чѣмъ его полосатая
свинья и корова». Какая сухменность въ этихъ словахъ,
но я уже не возражалъ... Что ужъ дѣлать! Боже! помози
Ты хотя *сему несърью*, а то вправду не доспѣтъ бы
намъ до табуннаго скитанія, пожиранія корней и конскаго
ржанія».

«20-го мая. По части шутовства новое преуспѣяніе: по
случаю распространившагося по губерніи вредоноснаго по-
вѣтрія на скоть и людей, въ губерискихъ вѣдомостяхъ на-

печатано внушеніе духовенству — наставлять прихожанъ, «чтобы крестьяне остерегались шарлатанскаго лѣченія знахарей и бабокъ, перѣдко разстраивающихъ здоровье навѣки, а обращались бы тотчасъ за пособіемъ къ мѣстнымъ врачамъ и ветеринарамъ?» А гдѣ же у насъ сіи «мѣстные врачи и ветеринары?» Приюминаю невольно давно читанную мною старую книжечку англійскаго писателя, остроумнѣйшаго пастора Стерна, подъ заглавіемъ «Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди», и заключаю, что, по окончаніи у насъ сего патентованнаго ингилизма, нынѣ начинается *шандизмъ*, ибо и то, и другое не есть ученіе, а есть особое умственное состояніе, которое по Стернову опредѣленію «растворяетъ сердце и легкія, и вертитъ очень быстро многосложное колесо жизни». И что меня еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что Русь вступила въ фазу шандизма, такъ это то, что сей Шанди говорилъ: «если бы мнѣ, какъ Санхъ-Пансѣ, дали выпрять для себя государство, то я выбралъ бы себѣ не коммерческое и не богатое, а такое, въ которомъ бы непрестанно какъ въ шутку, такъ и въ серьезъ смѣялись». Ей-право опасаясь, не насъ ли убогенькихъ разумѣль сей штуковатый Панса, ибо все это какъ разъ къ намъ подходящее, и не богаты, и не тороваты, а ужъ куда какъ гораздо смѣнливы!»

«21-го мая. Помѣщикъ Плодомасовъ вернулся изъ столицы и привезъ и мнѣ, и отцу Захаріи, и дьякону Ахилѣ весьма дорогія трости натурального камыша и показывалъ небольшую стеклянную лампочку съ горящею жидкостью, «керосинъ» или горное масло, что добывается изъ нефти».

«9-го іюня. Я допустилъ въ себѣ постыдную мелочность съ тростями, о которыхъ выше писалъ, и цѣлая прошедшая жизнь моя опрокинулась какъ рѣшето и покрыла меня. Я сижу подъ этимъ рѣшетомъ, какъ ощипанный грачъ, котораго злые ребята припасли, чтобы надъ нимъ потѣшаться. Вотъ поистинѣ печальнѣйшая сторона житейскаго пзмельчанія: я обмелѣлъ, обмелѣлъ всемѣрно и даже до того обмелѣлъ, что безгласной бумагѣ суетности своей довѣрить не въ состояніи, а скажу вкратцѣ: меня смущало, что у меня и у Захаріи одинаковыя трости и почти таковая же подарена Ахилѣ. Боже! на то ли я былъ нѣкогда годенъ, чтобы за тросточку обижаться или, что еще хуже, ухищряться объ ея отличіи? Нѣтъ, не такой я

былъ, не пустяки подобные меня влекли, а занять я былъ мыслью высокою, чтобъ усовершенствовавъ себя въ земной юдоли, увидѣть невечерній свѣтъ и возвратить съ процентами врученный мнѣ отъ Господа талантъ».

Этимъ оканчивались старыя Туберозовскія записки, дочитавъ которыя, старикъ взялъ перо и написалъ новую дату, началъ спокойно и строго выводить на чистой страницѣ: «Было внесено мною своевременно, какъ однажды просвирниинъ сынъ, учитель Варнава Пренотенскій, надъ трупомъ смущалъ неповиновыхъ дѣтей о душѣ человеческой, говоря, что никакой души нѣтъ, потому что нѣтъ ей въ тѣлѣ видимаго гнѣздилища. Гнѣвъ мой противъ сего пустого, но вреднаго человѣка былъ въ оныя времена умными людьми признанъ суетнымъ, и самый поводъ къ сему гнѣву найденъ не заслуживающимъ вниманія. Нынѣ новое происшествіе: когда недавно былъ паводокъ, къ городскому берегу принесло откуда-то сверху неизвѣстное мертвое тѣло. Мать Варнавки, бѣдненькая просвирня, сегодня сказала мнѣ въ слезахъ, что лѣкарь съ городничимъ, вѣроятно по злобѣ къ ея сыну, или въ насмѣшку надъ нимъ, подарили ему онаго утопленника, а онъ, Варнавка, по глупости своей, этотъ подарокъ принялъ, сварилъ мертвеца въ корчагахъ, въ которыхъ она доселѣ мирно залила свое бѣлье, и отваръ вылилъ подъ апортовую яблоньку, а кости, собравъ, повезъ въ губернскій городъ, и что чрезъ сіе она опасается, что ея драгоценнаго сына возмутъ какъ убійцу съ костями сего человѣка. Ее я, какъ умѣлъ, успокоилъ, а городничаго просилъ объяснить: «для какихъ надобностей трупъ утонувшаго человѣка, подлежащій послѣ вскрытія церковному погребенію, былъ отданъ ими учителю Варнавкѣ?» И получилъ въ отвѣтъ, что это сдѣлано ими «въ интересахъ просвѣщенія», то-есть для образованія себя, Варнавки, надъ скелетомъ въ естественныхъ наукахъ. Пресмѣшно, какое раченіе о наукѣ со стороны людей, столь отъ нея далекихъ какъ городничій Порохонцевъ, проведеній полжизни въ кавалерійской конюшнѣ, гдѣ учатся конямъ хвостъ подвязывать, или лѣкарь-лгунъ, принадлежащій къ той наукѣ, члены которой учеными почитаются только отъ круглыхъ невѣждъ, чему и служитъ доказательствомъ его грубѣйшая нелѣпица, якобы онъ, выпивъ по ошибкѣ у П.домасова, вмѣсто водки, рюмку освѣтительнаго керо-

сина, имѣлъ-де цѣлую недѣлю животь свой свѣтящимся. Но какъ бы тамъ ни было, а сваренный Варнавкой утопленникъ превратился въ скелеть. Кости Варнавка отвезъ въ губернію къ фельдшеру въ богоугодное заведеніе. Сей искусникъ въ анатоміи позацѣплялъ всѣ эти косточки одну за другую и составилъ скелеть, который привезенъ сюда въ городъ и нынѣ находится у Препотенскаго, укрѣпившаго его на окнѣ своемъ, что выходитъ какъ разъ противъ алтаря Никитской церкви. Тамъ онъ и стоитъ, служа постояннымъ предметомъ сбора уличной толпы и ссоры, и нестроений домашнихъ у Варнавки съ его простоватою матерью. Мертвецъ сей началъ мстить за себя. Ежедневно началъ онъ спитаться несчастливой матери сего ученаго и смущаетъ покой старухи, неотступно требуя у нея себѣ погребенія. Бѣдная и вполне несчастливая женщина эта молилась, плакала и, на колѣняхъ стоя, просила сына о дарованіи ей сего скелета для погребенія и натурально встрѣтила въ семь наирѣшительнѣйшій отпоръ. Тогда она рѣшилась на мѣру нѣкоего отчаянія и въ отсутствіе сына, собрала кости въ небольшой деревянный ковчежецъ и снесла оныя въ садъ и своими старческими руками закопала эти кости подъ тою же апортовою яблонью, подъ которую вышло Варнавкой разваренное тѣло несчастливца. Но все это вышло неудачно, ибо ученый сынокъ обратно ихъ оттуда ископалъ, и началась съ сими костями новая исторія, еще по сіе время не оконченная. Просто смѣху и сраму достойно, что изъ сего послѣдовало! Похищали они эти кости другъ у дружки до тѣхъ поръ, пока мой дьяконъ Ахилла, которому до всего дѣло, взялся сіе прекратить и такъ немѣшкотно приступилъ къ исполненію этой своей рѣшимости, что я не имѣлъ никакой возможности его удержать и обрезать, и вотъ точно какое-то предощущеніе меня смущаетъ, какъ бы изъ этого пустяка не вышло какой-нибудь вредной глупости для людей путныхъ. А кромѣ того, я ужасно разстроился разговорами съ городничимъ и съ лѣбаремъ, укорявшими меня за мою *ревнивую* (по ихъ словамъ) *истертимость къ нестрію*, тогда какъ, думается имъ, вѣры уже никто не содержитъ, не исключая-де и тѣхъ, кои официально за нее заступаются. Вѣрю! По вѣрѣ моей и сему вѣрю и даже не сомнѣваюсь, но удивляюсь, откуда это взялась у насъ такая ожесточенная вражда и ненависть

къ вѣрѣ? Происходитъ ли сіе отъ стремленій къ свободѣ; но кому же вѣра помѣхой въ дѣлахъ всяческихъ преуспѣяній къ исканію свободы? Отчего настоящіе мыслители такъ не думали?»

Отець Савелій глубоко вздохнулъ, положилъ перо, еще взглянулъ на свой дневникъ и словно еще разъ общимъ генеральнымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ, кого въ жизнь свою вписалъ онъ въ это не безстрастное поминанье, закрылъ и замкнулъ свою демикатовую книгу въ ея старое мѣсто. Затѣмъ онъ подошелъ къ окну, приподнял спущенную коленкоровую штору и, поглядѣвъ за рѣку, выпрямился во весь свой ростъ и благодарственно перекрестился. Небо было закрыто черными тучами и рѣдкія капли дождя уже плесали въ густую пыль; это былъ дождь, прошенный и моленный Туберозовымъ, прошедшимъ днемъ, на мірскомъ молебнѣ, и въ теперешнемъ его появленіи старикъ видѣлъ какъ бы знаменіе, что его молитва не бездѣйственна. Старый Туберозовъ шепталъ слова восторженныхъ хваленій и не замѣтилъ, какъ по лицу его тихо бѣжали слезы, и дождь все частилъ капли за каплей и, наконецъ, засѣялъ какъ сквозь частое сито, освѣжая влажною прохладой слегка воспаленную голову протопопа, который такъ и уснулъ, какъ сидѣлъ у окна, склонясь головой на свои бѣлыя руки.

Между тѣмъ безгромный, тихій дождь пролилъ, воздухъ сталъ чистъ и свѣжъ, небо очистилось, и на востокѣ сѣдой сумракъ начинаетъ серебриться, приготовляя мѣсто зарѣ дня иже во святыхъ отца нашего Меѳодія Песношскаго, дня, которому, какъ мы можемъ вспомнить, дьяконъ Ахилла придавалъ такое особенное и, можно сказать, великое значеніе, что даже велѣлъ кроткой протопопицѣ записать у себя этотъ день на всегдашнюю память.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разсвѣтъ быстро яснѣлъ, и пока солнце умывалось въ туманѣ за дымящимся боромъ, золотыя стрѣлы его лучей уже остро вытягивались на горизонтѣ. Легкій туманъ всполохнулся надъ рѣкой и поползъ вверхъ по скалистому берегу; подъ мостомъ онъ клубится и липнетъ около черныхъ и мокрыхъ свай. Изъ-подъ этого тумана синѣетъ бакша и видѣется бѣлая полоса шоссе. На всемъ еще лежатъ тѣни

лолусвіта, и нигдѣ, ни внутри домовъ, ни на площадяхъ и улицахъ, не замѣтно никакихъ признаковъ пробужденія.

Но вотъ на самомъ верху крутой, нагорной стороны Старого Города, надъ узкою крестовою тропой, что ведетъ по уступамъ кремнистаго обрыва къ рѣкѣ, тонко и прозрачно очерчиваются контуры весьма странной группы. При слабомъ освѣщеніи, при которомъ появляется эта группа, въ ней есть что-то фантастическое. Посрединѣ ея стоитъ человѣкъ, покрытый съ плечъ до земли ниспадающимъ длиннымъ хитономъ, слегка схваченнымъ въ поясьѣ. Фигура эта появилась совершенно незамѣтно, точно выплыла изъ рѣдѣющаго тумана, и стоитъ неподвижно, какъ привидѣніе.

Сувѣрный человѣкъ можетъ подумать, что это старогородскій домовой, пришедшій повздыхать надъ городомъ за часъ до его пробужденія.

Однако, все болѣе и болѣе яснѣющій разсвѣтъ съ каждымъ мгновеніемъ позволяетъ точнѣе видѣть, что это не домовой, и не иной духъ, хотя въ то же время все-таки и не совсѣмъ что-либо обыкновенное. Теперь мы видимъ, что у этой фигуры руки опущены въ карманы. Изъ одного кармана торчатъ очень длинный пруть, съ надвязанною на его концѣ пращей, или, по крайней мѣрѣ, рыболовною лесой, изъ другого — на четырехъ бечевахъ виситъ что-то похожее на тяжелую палицу. Но вотъ шелохнулъ вѣтерокъ, по сонной рѣкѣ тихо сверкнуло мелкою рябью, за узорною рѣшеткой соборнаго храма встрепенулись листочки березы, и пустыя складки широкихъ покрововъ нагорной статуи задвигались тихо и открыли тонкія ноги, въ бѣлыхъ ночныхъ панталонахъ. Въ эту же секунду, какъ обнажились эти тонкія ноги, взади изъ-за нихъ неожиданно выставилось четыре руки, принадлежащія двумъ другимъ фигурамъ, скрывавшимся на второмъ планѣ картины. Услужливыя руки эти захватили раздутыя полы, собрали ихъ и снова обернули ими тоненькія, бѣлыя ноги кумира. Теперь стоило только взглянуть поприлежнѣе, и можно было разсмотрѣть двѣ остальные фигуры. Справа видѣлась женщина. Она бросалась въ глаза прежде всего непомятною выпуклостью своего чрева, на которомъ высоко поднималась узкая тушка. Въ рукахъ у этой женщины мѣдный, блестящій щитъ, посрединѣ котораго былъ прикрѣпленъ большой пукъ волосъ, какъ будто только что снятыхъ съ черепа

вмѣстѣ съ кожей. Съ другой стороны, именно слѣва высокой фигуры, выдавался широкобродый, приземистый, черный дикарь. Подъ лѣвою рукой у него было что-то похожее на орудія пытки, а въ правой онъ держалъ кровавый мѣшокъ, изъ котораго свѣсилась книзу двѣ человѣческія головы, блѣдныя, лишенныя волосъ и, вѣроятно, испустившія послѣдній вздохъ въ пытку. Окрестъ этихъ трехъ лицъ совсѣмъ вѣяло воздухомъ сѣверной саги. Но вотъ свѣтъ, ясное солнце всплыло еще немножко повыше, и таинственной саги какъ не бывало. Это просто три живые, хотя и весьма оригинальные человѣка. Они и еще постояли съ минуту и потомъ двинулись книзу. Спустясь шаговъ десять, они снова остановились, и тотъ, который былъ изъ нихъ выше другихъ и стоялъ впереди, тихонько промолвилъ:

— Смотри, братъ Комаръ, а вѣдь ихъ что-то нынче не видно!

— Да, не видать, — отвѣчалъ чернобородый Комаръ.

— Да ты получше смотри!

Комаръ воззрился за рѣку и черезъ секунду опять произнесъ:

— Нечего смотрѣть: никого не видать.

— А въ городѣ, Господи, тишь-то какая!

— Сонное царство, — замѣтила тихо фигура, державшая мѣдный щитъ подъ рукой.

— Что ты говоришь, Фелиси? — спросила, не разслышавъ, худая фигура.

— Я докладываю вамъ, Воинъ Васильевичъ, что въ городѣ сонное царство, — проговорила въ отвѣтъ женщина.

— Да, сонное царство; но скоро начнутъ просыпаться. Вотъ погляди-ка, Комаръ, оттуда ужъ, кажется, кто-то бултыхнулъ?

Фигура кивнула налѣво къ острову, съ котораго легкій парокъ подымался и тихо клубился подъ мостомъ.

— Бултыхнулъ и есть, — отвѣтилъ Комаръ и началъ слѣдить за двумя тонкими кружками, расширившимися по тихой водѣ. Въ центрѣ передняго изъ этихъ кружковъ, тихо качаясь, вертѣлось что-то въ родѣ зрѣлой, желтой тыквы.

— Ахъ онъ, капалья, опять прежде насъ бултыхнулъ, не дождавшись начальства.

— А вонъ и оттуда готовъ, — молвилъ безстрастно Комаръ.

-- Может ли быть! Ты врешь. Комарище.

— А вонь! поглядите, вонь, идутъ ужъ надъ самую рѣкой!

Всѣ три путника приложили ладони къ бровямъ, и, поглядѣвъ за рѣку, увидали, что тамъ выступало что-то рослое и дебелое, съ ногъ до головы повитое бѣлымъ саваномъ: это «что-то» напоминало какъ нельзя болѣе статую Командора и, какъ та же статуя, двигалось плавно и медленно, но неуклонно приближаясь къ рѣкѣ.

Въ эти минуты свѣтозарный Фебъ быстро выкатилъ на своей огненной колесницѣ еще выше на небо; совсѣмъ разрѣдѣвшій туманъ словно весь пропитало янтарнымъ тономъ. Картина обогривась багрецомъ и лазурью, и въ этомъ яркомъ, могучемъ освѣщеніи, весь облитый лучами солнца, въ волнахъ рѣки показался нагой богатырь съ буйною гривой черныхъ волосъ на большой головѣ. Онъ плылъ противъ теченія воды, сидя на достойномъ его могучемъ красномъ конѣ, который мощно разсѣкалъ широко грудью волну и сердито храпѣлъ темноогненными ноздрями.

Всѣ эти пѣшія лица и плывущій всадникъ стремятся съ разныхъ точекъ къ одному пункту, который, если бы провести отъ нихъ перекрестныя линіи, обозначился непремѣнно на выдающемся посреднѣ рѣки большомъ камнѣ. Въ первой фигурѣ, которая спускается съ горы, мы узнаемъ старгородскаго исправника Вонна Васильевича Порохонцева, отставного ротмистра, длиннаго худого добряка, разрѣшившаго, въ интересахъ науки, учителю Варнавѣ Препотенскому воспользоваться тѣломъ утопленника. На этомъ сухомъ и длинномъ меденатѣ надѣтъ масаковаго цвѣта шелковый халатъ, а на головѣ остренькая гарусная ермолка; изъ одного его кармана, гдѣ покоится его правая рука, торчитъ тоненькое кнутовище съ навязаннымъ на немъ длиннымъ выводнымъ кнутомъ, а около другого, въ который засунута лѣвая рука городничаго, тихо показываются огромная, до-черна закуренная пенковая трубка и сафьяновый восточный кисеть съ охотничьимъ ремешкомъ.

У него за плечомъ слѣва тихо шагаетъ его главный кучеръ Комарь, бариновъ другъ и напереникъ, давно уже утратившій свое крестное имя и отъ всѣхъ называемый Комаремъ. У Комаря вовсе не было съ собой ни пыталъ-

ныхъ орудій, ни двухъ мертвыхъ головъ, ни мѣшка изъ испачканной кровью холстины, а онъ просто несъ подь мышкой скамейку, старенькій пунцовый коверчикъ, да пару бычьихъ туго надутыхъ пузырярей, свизанныхъ одинъ съ другимъ суконною покромкой.

Третій ликъ, за четверть часа столь грозный, съ мѣднымъ щитомъ подь рукой, теперь предстаеть намъ въ скромнѣйшей фигурѣ жены Комаря. «Мать Фелисата», такъ звали эту особу на дворнѣ, была обременена довольно тяжелою ношей, но вся эта ноша тоже отнюдь не была пригодна для битвы. Прежде всего она несла свое чрево, служившее пріютомъ будущему юному Комаренку, потомъ подь рукой у нея былъ ярко заблеставшій на солнцѣ мѣдный тазъ, а въ томъ тазѣ мочалка, въ мочалкѣ—суконная рукавичка, въ суконной рукавичкѣ—кусочекъ камфарнаго мыла; а на головѣ у нея лежала вчетверо сложенная бѣлая простыня.

Картина самаго тихаго свойства.

Подь бѣлымъ покровомъ шедшая тихо съ Зарѣчья фигура тоже вдругъ потеряла свою грандіозность, а съ нею и всякое подобіе съ Командоромъ. Это шель человекъ въ сапогахъ изъ такой точно кожи, въ какую обута нога каждаго смертнаго, носящаго обувь. Шель онъ спокойно, покрытый до пятъ простыней, и когда, подойдя къ рѣкѣ, сбросилъ ее на траву, то въ немъ просто-на-просто представилъя дебелый и нескладный бѣлобрысый увѣздный лѣкарь Шуговкинъ.

Въ кучерявомъ нагомъ всадникѣ, плывущемъ на гнѣдомъ долгогривомъ конѣ, узнается дьяконъ Ахилла, и даже еле мелькающая въ мелкой ряби струй тыква принимаетъ знакомый человѣческій обликъ: въ ней обозначаются два кроткіе голубые глаза и сломанный носъ. Ясно, что это не тыква, а лысая голова Константина Пизонскаго, старческое тѣло котораго скрывается въ свѣжей влагѣ.

Предъ нами стягивается на свое урочное мѣсто компанія старогородскихъ купальщиковъ, которые издавна обыкновенно встрѣчаются здѣсь такимъ образомъ каждое утро погожаго лѣтняго дня и вмѣстѣ наслаждаются свѣжею, утреннею ванной. Посмотримъ на эту сцену.

Первый сбросилъ съ себя свою простыню бѣлый лѣкарь, черезъ минуту онъ снялъ и второй свой покровъ, свою ро-

зовую серпянковую сорочку, и вслѣдъ затѣмъ, шибко разбѣжавшись, бросился кувыркомъ въ рѣку и поплылъ къ большому, широкому камню, который возвышался на одинъ футъ надъ водой на самой срединѣ рѣки. Этотъ камень, дѣйствительно, былъ центромъ ихъ сбора.

Лѣкаръ въ нѣсколько взмаховъ переплылъ пространство, отдѣлявшее его отъ камня, вскочилъ на гладкую верхнюю площадь камня и, захохотавъ, крикнулъ:

— Я опять прежде всѣхъ въ водѣ!—И съ этимъ лѣкаръ гаркнулъ Ахиллѣ:—Плыви скорѣй, Фараонъ! Видишь ли ты его чортушку?—опять, весело смѣясь, закричалъ онъ исправнику, и снова, не ожидая отвѣта отъ ротмистра, звалъ уже Пизонскаго, поманивая его тихонько, какъ уточку:—Гряди, плѣшиве! гряди, плѣшиве!

Межъ тѣмъ къ исправнику, или уѣздному начальнику, который не былъ такъ проворенъ и еще оставался на сушѣ, въ это время подошла Фелисата: она его распоясала и, снявъ съ него халатъ, оставила въ одномъ бѣльѣ и въ пестрой фланелевой фуфайкѣ.

Такъ этотъ воинъ еще приготавлился къ купанью, тогда какъ лѣкаръ, сидя на камнѣ и болтая въ водѣ ногами, вертѣлся во всѣ стороны и весело свисталъ, и вдругъ неожиданно такъ громко треснулъ подплывшаго къ нему Ахиллу ладонью по голой спинѣ, что тотъ даже вскрикнулъ не отъ удара, а отъ громогласнаго звука.

— За что это такъ громко дерешься? — воскликнулъ дьяконъ.

— Не хватай меня за тѣло,—отвѣчалъ лѣкаръ.

— А если у меня такая привычка?

— Отвыкай,—отозвался снова, громко свистя, лѣкаръ.

— Я и отвыкаю, да забываюсь.

Лѣкаръ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ свистать, а дьяконъ, покачавъ головой, плюнулъ и, развязавъ шнурочекъ, которымъ былъ подпоясанъ по своему богатырскому тѣлу, снялъ съ этого шнурочка конскую скребницу и щетку и началъ усердно и съ знаніемъ дѣла мыть гриву своего коня, который, гуляя на чембурѣ, выгибалъ наружу ладнестую спину и бурливо пѣнилъ колънами воду.

Этотъ пейзажъ и жанръ представляли собою простоту старгородской жизни, какъ увертюра представляетъ музыку оперы: но увертюра еще не окончена.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На лѣвомъ берегу, гдѣ оставался медлительный градоначальникъ, кучеръ Комарь разостлалъ коверъ, утвердилъ на немъ принесенную скамейку, покачалъ ее вправо и влево, и убѣдясь, что она стоитъ крѣпко, возгласилъ:

— Садитесь, Воинъ Васильевичъ; крѣпко!

Порохонцевъ подошелъ поспѣшно къ скамьѣ, еще собственноручно пошаталъ ее и сѣлъ не прежде, какъ убѣдясь, что скамья, дѣйствительно, стоитъ крѣпко. Едва только баринъ присѣлъ, Комарь взялъ его сзади подѣ плечи, а Комарева жена, поставивъ на коверъ тазъ съ мочалкой и простыней, принялась разоблачать воинственнаго градоначальника. Сначала она сняла съ него ермолку, потомъ вязаную фуфайку, потомъ туфли, носки, затѣмъ осторожно наложила свои ладони на сухія ребры ротмистра и остановилась, скосивъ въ знакъ вниманія на бокъ свою голову.

— Чтò, Фелиси, кажется, уже ничего: кажется, можно ѣхать?—спросилъ Порохонцевъ.

— Нѣтъ, Воинъ Васильевичъ, еще нульсы бьются,—отвѣчала Фелисата.

— Ну, надо подождать, если бьются: а ты, Комарь, бултыхай.

— Да я бултыхну.

— Ты бултыхай, братецъ, бултыхай! Ты оплыви разокъ, да и выйди, и поѣдемъ.

— Не былъ бы я тогда только, Воинъ Васильевичъ, очень скользкій, чтобы вы опять по анамеднеинему не упали?

— Нѣтъ, ничего; не упаду.

Комарь сбросилъ съ себя, за спиной своего господина, рубашку и, прыгнувъ съ разбѣгу въ воду, шибко заработалъ руками.

— Ишь какъ лихо плаваетъ твой Комарище!—проговорилъ Порохонцевъ.

— Отлично, — отвѣчала Комариха, повидимому, нимало не стѣсняясь сама и не стѣняя никого изъ купальщиковъ своимъ присутствіемъ.

Фелисата, бывшая крѣпостная дѣвушка Порохонцева, давно привыкла быть нянькой своего больного помѣщика, и въ ухаживаніяхъ за нимъ различіе пола для нея не суще-

ствовало. Межь тѣмъ Комарь оплыль камень, на которомъ сидѣли купальщики, и, выскочивъ снова на берегъ, сталъ спиной къ скамѣ, на которой сидѣлъ градоначальникъ, и изогнулся глаголемъ.

Воинъ Васильевичъ взлѣзъ на него верхомъ, обхватился руками за шею и поѣхалъ на немъ въ воду. Ротмистръ обыкновенно такимъ образомъ выѣзжалъ на Комарѣ въ воду, потому что не могъ идти босою ногой по мелкой щебенкѣ, но чуть вода начинала доставать Комарю подмышки, Комарь останавливался и докладывалъ, что камней ужъ нѣтъ, и что онъ чувствуетъ подъ ногами песокъ. Тогда Воинъ Васильевичъ слѣзалъ съ его плечъ и ложился на пузыри. Такъ было и нынче: сухой градоначальникъ легъ, Комарь толкнулъ его въ пятки, и они оба поплыли къ камню, и оба на него взобрались. Небольшой камень этотъ, возвышающійся надъ водой ровною и круглою площадью фута въ два въ діаметрѣ, служилъ теперь помѣщеніемъ для пяти человѣкъ, изъ коихъ четверо: Порохонцевъ, Пизонскій, лѣкарь и Ахилла размѣщались по краямъ, усѣвшись другъ къ другу спинами, а Комарь стоялъ между ними въ узенькомъ четырехугольникѣ, образуемомъ ихъ спинами, и мылъ голову своего господина, остальные бесѣдовали. Пизонскій, дергая своимъ кривымъ носомъ, рассказывалъ, что, какъ вчера смерклось, гдѣ-то ниже моста въ лозахъ, сѣла пара лебедей и ночью подъ дождичекъ все гоготали.

— Лебеди кричали, это къ чьему-то прилету,—замѣтилъ Комарь, продолжая усердно намыливать баринову голову.

— Нѣтъ, это просто къ хорошему дню,—отвѣтилъ Пизонскій.

— Да и кому къ намъ прилетѣть?—вмѣшался лѣкарь:—живемъ какъ кикиморы, цѣлый вѣкъ ничего новаго.

— А на что намъ новое?—отвѣтилъ Пизонскій.—Все у насъ есть; погода прекрасная, сидимъ мы здѣсь на камушкѣ, никто насъ не осуждаетъ; наги мы, и никто насъ не испугаетъ. А пріѣдетъ новый человѣкъ, все это ему покажется не такъ, и пойдетъ онъ разбирать...

— Поидетъ разбирать, зачѣмъ они голые сидятъ?—фамильярно перебилъ Комарь.

— Спросить: зачѣмъ это держать такого начальника, котораго баба моетъ?—подсказалъ лѣкарь.

— А вѣдь и правда!—воскликнулъ, тревожно поворотясь на мѣстѣ. ротмистръ.

Комарь подулъ себѣ въ усы, улыбнулся и тихо проговорилъ:

— Скажетъ: затѣмъ это исправникъ на Комарѣ верхомъ ѣздитъ?

— Молчи, Комарище!

— Полюбопытствуютъ, полюбопытствуютъ и объ этомъ,— снова отозвался кроткій Пизонскій, и вслѣдъ затѣмъ вздохнулъ и добавилъ:—А теперь безъ новостей мы вотъ сидимъ, какъ въ раю; сами мы наги, а видимъ красу: видимъ лѣсъ, видимъ горы, видимъ храмы, воды, зелень; вонъ тамъ выводки утныя подъ бережкомъ попискиваютъ; вонъ рыба мелкота цѣлою стаей играетъ. Сила Господня!

Звукъ двухъ послѣднихъ словъ, которыя громче другихъ произнесъ Пизонскій, сначала раскатился по рѣкѣ, потомъ еще разъ перекинулся на взгорьѣ и, наконецъ, нѣсколько гулче отозвался на Зарѣчьи. Услыхавъ эти перелпвы, Пизонскій поднялъ надъ своею лысою головою устремленный вверхъ указательный палецъ и сказалъ:

— Трижды сила Господня тебѣ отвѣчаетъ: чего еще лучше, какъ жить въ такой тишинѣ и въ ней все и окончить.

— Правда, истинная правда, — отвѣчала, вздохнувъ, ротмистръ. — Вотъ мы съ лѣкаремъ маленькую новость сдѣлали: дали Варнавѣ мертваго человѣка сварить, а и то сколько пошло изъ этого вздора! Кстати, дьяконъ: ты, братъ, не забудь, что ты обѣщала отобрать у Варнавки эти кости!

— Что мнѣ забывать; я не аристократъ, чтобы на меня орать сто кратъ; я что обѣщала, то и сдѣлала.

— Какъ сдѣлала? Неужто и сдѣлала?

— А, разумѣется, сдѣлала.

— Дьяконъ, ты это врешь, голубчикъ.

Ахилла промолчала.

— Что-жъ ты молчишь? Расскажи же, какъ ты это отобрала у него эти кости? А? Да что ты, какого чорта нынче солидничаешь?

— А отчего же мнѣ и не солидничать, когда мнѣ талия моя на то позволяетъ? — отозвался не безъ важности Ахилла. — Вы съ лѣкаремъ нагадили, а я вами глуности

исправилъ; влѣзь къ Варнавкѣ въ окошко, сгребь въ кулечекъ всѣ эти кости...

— И что же дальше, Ахиллушка? Что, милый, дальше, что?

— Да вотъ тутъ безтолковщина вышла.

— Говори же скорѣй, говори!

— А что говорить, когда я самъ не знаю: кто у меня ихъ, эти кости, назадъ укралъ.

Порохонцевъ подпрыгнуть и вскричалъ:

— Какъ, опять украдены?

— То-есть, какъ тебѣ сказать, украдены? Я не знаю, украдены онѣ или нѣтъ, а только я ихъ принесъ домой, и всѣ какъ надо высыпалъ на дворѣ въ телѣжку, чтобы схоронить, а теперь утромъ глянулъ: ихъ опять нѣтъ, и всего вотъ этотъ одинъ хвостикъ остался.

Лѣкарь захохоталъ.

— Чего ты смѣешься?—проговорилъ слегка сердившійся на него дяконъ.

— Хвостикъ у тебя остался?

Ахилла разсердился.

— Разумѣется, хвостикъ,—отвѣчалъ онъ:—а то это что же такое?

Дяконъ отвязалъ отъ скребницы привязанную веревочкой щиколоточную человѣческую косточку и, сунувъ ее лѣкарю, сухо добавилъ:—на, разглядывай, если тебѣ не вѣрится.

— Да развѣ у людей бываютъ хвостики?

— А то развѣ не бываютъ?

— Значить и ты съ хвостомъ?

— Я?—переспросилъ Ахилла.

— Да, ты.

Лѣкарь опять расхохотался, а дяконъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Послушай, отецъ лѣкарь, ты шути, шути, только пропорцію знай: ты помни, что я духовная особа!

— Ну, да, ладно! Ты скажи хоть, гдѣ у тебя астрагелюсъ?

Незнакомое слово «астрагелюсъ» произвело на дякона необычайное впечатлѣніе: ему почудилось что-то чрезвычайно обидное въ этомъ латинскомъ названіи щиколотки, и онъ, покачавъ на лѣкаря укоризненно головой, глубоко вздохнулъ и медленно произнесъ:

— Ну, никогда я не ожидалъ, чтобы ты былъ такой подлець!

— Я подлець?

— А, разумеется, послѣ того, какъ ты смѣлъ меня, духовное лицо, такую глупость спросить,—ты больше ничего какъ подлець. А ты послушай: я тебѣ давеча спустилъ, когда ты пошутилъ про хвостикъ, но ужъ этого ты бойся.

— Ужасно!

— Нѣтъ, не ужасно, а ты въ самомъ дѣлѣ бойся, потому что мнѣ ужъ это ваше нынѣшнее вольномысліе надоѣло и я еще вчера отцу Савелью сказалъ, что онъ не умѣетъ, а что если я возьмусь, такъ и всю эту вольнодумную гадость, которая у насъ завелась, сразу выдуну.

— Да развѣ astragalus сказать—это вольнодумство?

— Цыть!—крикнулъ дяконъ.

— Вотъ, дуракъ,—произнесъ, пожавъ плечами, лѣкарь.

— Цыть! — загремѣлъ Ахилла, поднявъ свой кулакъ и засверкавъ грозно глазами.

— Тыфу, осель; съ нимъ нельзя говорить!

— А, а, я осель; со мной нельзя говорить! Ну, братъ, такъ я же вамъ не Савелій; пойдемъ въ омутъ!

И съ этими словами дяконъ, перемахнувъ въ лѣвую руку чумбуръ своего коня, правую обхватилъ лѣкаря поперекъ его тѣла и бросился съ нимъ въ воду. Они погрузились, выплыли и опять погрузились. Хотя по дѣйствіямъ дякона можно было заключить, что онъ отнюдь не хотѣлъ утопить врача, а только подвергалъ пыткѣ окунаньемъ и барахтаясь съ нимъ, держалъ полегоньку къ берегу; но три челвѣка, оставшіеся на камнѣ, и стоявшая на противоположномъ берегу Фелсата, слыша отчаянные крики лѣкаря, пришли въ такой неописанный ужасъ, что подняли крикъ, который не могъ не произвестъ повсемѣстной тревоги.

Такъ дяконъ Ахилла началъ искорененіе водворившагося въ Старь-Городѣ пагубнаго вольномыслія, и мы будемъ видѣть, какія великія послѣдствія повлечетъ за собою это энергическое начало.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Крикъ и шумъ, поднятый по этому случаю кунальщиками, пробудилъ еле вздремнуваго у окна протопопа; старикъ испугался, вскочилъ и, взглянувъ за рѣку, рѣшительно

не могъ себѣ ничего объяснить, какъ подъ ономъ у него остановилось щегольское тюльбюри, запряженное кровною сѣрою лошадыю. Въ тюльбюри сидѣла молодая дама въ черномъ платьѣ: она правила лошадыю сама, а возлѣ нея помѣщался рядомъ маленькій казачокъ. Это была молодая вдова помѣщица Александра Ивановна Серболова, нѣкогда ученица Туберозова, которую онъ очень любилъ и о которой всегда отзывался съ самымъ теплымъ сочувствіемъ. Увидавъ протопопа, молодая дама привѣтливо ему поклонилась и дружественно привѣтствовала.

— Александра Ивановна, пріймите дань моего наиглубочайшаго почтенія! — отвѣчалъ протопопъ. — Всегдашняя радость моя, когда я васъ вижу. Жена сейчасъ встанетъ, позвольте мнѣ просить васъ ко мнѣ на чашку чая.

Но дама отказалась и сказала, что она пріѣхала съ тѣмъ, чтобы помолиться объ усопшемъ мужѣ и просить Туберозова поспѣшить для нея въ церковь.

— Готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Пожалуйста; вы начинайте обѣдню, а я заѣду на минутку къ старушкѣ Препотенской, она иначе обидится.

Съ этими словами дама кивнула головой, и легкій экипажецъ ея скрылся. Протопопъ Савелій началъ спѣшно дѣлать свой всегда тщательно содержимый туалетъ, послалъ дѣвочку велѣть ударить къ заутренѣ и велѣлъ ей забѣжать за дьякономъ Ахиллой, а самъ сталъ передъ кивотомъ на правило. Черезъ полчаса раздался ударъ соборнаго колокола, а черезъ нѣсколько минутъ позже и дѣвочка возвратилась, но возвратилась съ извѣстіемъ, что дьякона Ахиллу она не только не нашла, но что и никому неизвѣстно, гдѣ онъ. Ждать было некогда, и отецъ Туберозовъ, взявъ свою трость съ надписью «жезлъ Аароновъ расцвѣлъ», вышелъ изъ дому и направился къ собору. Не прошло затѣмъ и десяти минутъ, какъ глазамъ протопопицы, Натальи Николаевны, предсталъ дьяконъ Ахилла. Онъ былъ, что называется, весь виѣ себя.

— Маменька, — воскликнулъ онъ: — все, что я вчера вамъ обѣщалъ о мертвыхъ костяхъ, вышло вздоръ.

— Ну, я такъ тебѣ и говорила, что это вздоръ, — отвѣчала Наталья Николаевна.

— Нѣтъ, позвольте же, надо знать, почему этотъ вздоръ выходитъ? Я вчера, какъ вамъ и обѣщалъ, — я этого сваре-

наго Варнавкой человекѣ останки, какъ слѣдуетъ, выкралъ у него въ окнѣ и снесъ въ кулькѣ къ себѣ на дворъ и высыпалъ въ телѣгу, но днесъ поглядѣлъ, а въ телѣгѣ ничего нѣтъ! Я же тому не виноватъ?

— Да кто-жъ тебя винить?

— То-то и есть: я даже вналъ въ сомнѣніе, не схоронилъ ли я ихъ ночью, да не засыпалъ ли, но на купаньи меня лѣкаръ разсердилъ, и потомъ я прямо съ купанья бросился къ Варнавѣ; окошки закрыты болтами, а я заглянулъ въ щелочку и вижу, что этотъ обваренный опять весь цѣликомъ на крючечкѣ виситъ! Гдѣ отецъ протопопъ? Я все хочу ему рассказать.

Наталя Николаевна послала дякона встѣдъ за мужемъ, и шагистый Ахилла догналъ Туберозова на полудорогѣ.

— Чего это ты такъ... и бѣжишь, и пыхтишь, и сопишь, и топчешь? — спросилъ его, услышавъ его шаги, Савелій.

— Это у меня... отецъ Савелій, всегда, когда бѣжу... Вы развѣ не замѣтили?

— Нѣтъ, я этого не замѣчалъ, а ты отчего же объ этомъ лѣкарю не скажешь, онъ можетъ помочь.

— Ну, вотъ лѣкарю! Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, про него, отецъ Савелій, да и онъ ничего не поможетъ. Мнѣ венгерецъ такого лѣкарства давалъ, что говорить, «только выпей, такъ не будешь ни согѣть, ни дышать!» однакоже я все выпилъ, а меня не взяло. А нашъ лѣкаръ... да я, отецъ протопопъ, имъ сегодня и разстроень. Я сегодня, отецъ протопопъ, вскипѣлъ на нашего лѣкаря. Вѣдь этакая, отецъ протопопъ, наглость...—Дьяконъ пригнулся къ уху отца Савелія и добавилъ вслухъ:—представьте вы себѣ, какая наглость!

— Ничего особеннаго не вижу, — отвѣчалъ протопопъ, тихо всходя на ступени собора:—astragelus есть кость во щиколоткѣ, и я не вижу, для чего ты могъ тутъ разсердиться.

Дьяконъ сдѣлалъ шагъ назадъ и въ изумленіи воскликнулъ:—Такъ это щиколотка!

— Да.

Ахилла ударилъ себя ладонью по лбу и еще громче крикнулъ:

— Ахъ, я дуракъ!

— А что ты сдѣлалъ?

— Нѣтъ, вы, сдѣлайте милость, назовите меня, пожалуйста, дуракомъ!

— Да скажи, за что назвать?

— Нѣтъ, ужъ вы смѣло называйте, потому что я вѣдь этого лѣкаря чуть не утопилъ.

— Ну, изволь, братецъ, исполняю твою просьбу: бо-пистину ты дуракъ, и я тебѣ предсказываю, что если ты еще отъ подобныхъ своихъ глупыхъ обычаевъ не отста-нешь, то ты безъ того не заключишь жизнь, чтобы кого-нибудь не угодить на смерть.

— Полноте, отецъ Савелій, я не совсѣмъ безъ понятій.

— Нѣтъ, не «полноте», а это правда. Что это, въ са-момъ дѣлѣ, ты духовное лицо, у тебя полголовы сѣдая, а между тѣмъ, куда ты ни оборотишься, всюду у тебя скан-даль: тамъ ты нашумѣлъ, тутъ ты накричалъ, тамъ то по-валилъ, здѣсь это опрокинулъ; такъ вездѣ за собой и ве-дешь безпорядокъ.

— Да что же такое, отецъ Савелій, я валяю и опроки-дываю? Вѣдь этакъ круглымъ числомъ можно на человѣка ни вѣсть что наговорить.

— Постоянно, постоянно за тобой по пятамъ идетъ без-порядокъ!

— Не знаю я, отчего это такъ, и все же такъ, зна-чить, это не по моей винѣ, а по нескладности, потому что у меня такая природа, а въ другую сторону вы это на-прасно располагаете. И скорѣе за порядокъ теперь стою, а не за безпорядокъ, и въ этомъ расчисленіи все это и сдѣлалъ.

И вслѣдъ за симъ Ахилла скороговоркой, но со всѣми деталями разсказалъ, какъ онъ вчера украсть костякъ у Вар-навы Препотенскаго и какъ этотъ костякъ опять пропалъ у него и очутился на старомъ мѣстѣ. Туберозовъ слушалъ Ахиллу, все болѣе и болѣе раскрывая глаза, и, невольно сдѣ-лавъ нѣсколько шаговъ назадъ, воскликнулъ:

— Великій Господи, что это за злополучный человѣкъ!

— Кто это, отецъ Савелій?— съ немалымъ удивленіемъ воскликнулъ и Ахилла.

— Ты, искренній мой, ты!

— А по какой причинѣ я злополученъ?

— Кто, какой злой духъ научаетъ тебя все это дѣлать?

— Да что такое дѣлать?

— Лазить, похищать, ссориться!

— Это вы меня научили, — отвѣчала спокойно и искренно дьяконъ: — вы сказали: путемъ или не путемъ этому надо положить конецъ, я и положилъ. Я вашу волю исполнилъ.

Туберозовъ только покачалъ головой и, повернувшись лицомъ къ дверямъ, вошелъ въ притворъ, гдѣ стояла на колѣняхъ и молилась Серболова, а въ углу, на погребальныхъ носилкахъ, сидѣлъ, сбивая щелчками пыль съ своихъ панталонъ, учитель Препотенскій, лицо котораго сіяло на этотъ разъ радостнымъ восторгомъ: онъ глядѣлъ въ глаза протопопу и дьякону, и улыбался. Онъ, очевидно, слышалъ, если не весь разговоръ, который они вели на сходахъ храма, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя слова ихъ. Но зачѣмъ, какъ, съ какого повода, появляется здѣсь, обжавшій храма, учитель? Это удивляетъ и Ахиллу, и Туберозова, съ тою лишь разницею, что Ахилла не можетъ отрѣшиться отъ той мысли: зачѣмъ здѣсь Препотенскій, а чинный Савелій выбросилъ эту мысль вонъ изъ головы тотчасъ, какъ предъ нимъ распахнулись двери, открывающія алтарь, которому онъ привыкъ предстоять со страхомъ и трепетомъ. Прошелъ часъ; скорбная служба отиѣта. Серболова и ея дальній кузень, нѣкто Дарьяновъ, напились у отца Савелія чаю и ушли: Серболова уѣзжаетъ домой подъ вечеръ, когда схлынетъ солнечный жаръ. Она теперь хочетъ отдохнуть. Дарьяновъ придетъ къ ней обѣдать въ домикъ старушки Препотенской; а отецъ Туберозовъ условился туда же придти нѣсколько позже, чтобы напиться чаю и проводить свою любимѣйшую духовную дочь.

Но гдѣ же Ахилла и гдѣ Препотенскій?

Учитель исчезъ изъ церкви, какъ только началась служба, а дьяконъ бѣжалъ тотчасъ, какъ ее окончилъ. Отцу Савелію, который прилежъ отдохнуть, такъ и кажется, что они гдѣ-нибудь носятся и другъ друга гонять. Это былъ «сонъ въ руку»: дьяконъ и Варнава приготовлялись къ большому сраженію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тяжелъ, скученъ и утомителенъ видъ пустынныхъ улицъ, нашихъ уѣздныхъ городовъ во всякое время; но особенно убійственъ онъ своею мертвенностію въ жаркій лѣтній пол-

день. Густая сѣрая пыль, мѣстами изборужденная слѣдами прокатившихся по ней колесъ, сонная и увядшая муравка, окаймляющая немощныя улицы къ сторонѣ воображаемыхъ тротуаровъ; сѣдые, подгнившіе и покосившіеся заборы; замкнутыя тяжелыми замками церковныя двери; деревянныя лавочки, брошенныя хозяевами и заставленныя двумя, крестьяна-крестьянскими, досками; все это, среди полдневнаго жара, дремлетъ до такой степени заразительно, что человѣкъ, осужденный жить среди такой обстановки, и самъ теряетъ всякую бодрость и тоже томится и дремлетъ.

Въ такую именно пору, Валеріанъ Николаевичъ Дарьяновъ прошелъ нѣсколько пустыхъ улицъ и, наконецъ, повернулъ въ очень узенькій переулочекъ, который наглухо запирался старымъ рѣшетчатымъ заборомъ. За заборомъ видна была церковь. Пригнувъ низко голову, Дарьяновъ вошелъ въ низенькую калиточку, на церковный погостъ. Здѣсь, въ углу этого погоста, мѣстилась едва замѣтная хибара церковнаго сторожа, а въ глубинѣ, за цѣлымъ лѣсомъ ветхихъ надмогильныхъ крестовъ, ютился низенькій трехъконный домикъ просвирни Препотенской.

На погостѣ не было той густой пыли, которая сплошнымъ слоемъ лежала по всему пространству городской площади и улицъ. Тутъ, напротивъ, стлалась зеленая мурава. и двѣ курицы, желавшія понѣжиться въ пыли, на солнечномъ припекѣ, должны были выйти для этого за калитку и лечь подъ ея порогомъ на улицѣ. Здѣсь онѣ закапывались въ пыль, такъ что ихъ почти нельзя было и замѣтить, и лежали обыкновенно каждый день въ полной увѣренности, что ихъ никто не побеспокоитъ; при появленіи перешагнувшаго черезъ нихъ Дарьянова, онѣ даже не шевельнулись и не тронулись; а только открыли по одному изъ своихъ янтарныхъ глазъ и, проводивъ соннымъ взглядомъ гостя, слова завели ихъ выпуклыми сѣрыми вѣками. Дарьяновъ прямо направился къ калиткѣ домика Препотенскихъ и постучалъ въ тяжелое желѣзное кольцо. Отвѣта не было. Вездѣ тишь: ни собака не тявкнетъ, ни голосъ человѣческій не окликнетъ. Дарьяновъ постучалъ снова, но оиять безуспѣшно. Тогда онъ, отложивъ всякую надежду кого-нибудь дозваться, прошелъ подъ жердочку въ малину, которою густо обросъ просвирнинъ домикъ, и заглянулъ въ одно изъ его оконъ. Окна были закрыты отъ солнца став-

нями, но сквозь неплотныя створы этихъ ставень свободно можно было видѣть все помѣщеніе. Это была комната большаѣ, высокая, почти безъ мебели и съ двумя дверями, изъ которыхъ за одною видѣлась другая, крошечная синяя каморочка, съ высокою постелью, закрытою доскутовымъ ситцевымъ одѣяломъ.

Большая пустая комната принадлежала учителю Варнаву, а маленькая каморочка—его матери: въ этомъ и состоялъ весь ихъ домъ, если не считать кухоньки, въ которой негдѣ было повернуться около загниѣтки.

Теперь ни въ одной изъ этихъ комнатъ не было видно ни души, но Дарьяновъ слышалъ, что въ сѣняхъ, за дверью, кто-то сильно работаетъ сѣчкой, а въ саду, подъ окномъ, кто-то другой не то третъ кирпичъ, не то пилитъ терпугомъ какое-то желѣзо. Еще болѣе убѣжденный теперь, что стукомъ здѣсь никого не докличешься, Дарьяновъ перешелъ къ забору, огораживавшему садикъ, и, отыскавъ между досками щелочку, началъ чрезъ нее новое обозрѣніе, но это было не такъ легко: у самаго забора росли густыя кусты, не позволявшіе разглядѣть человѣка, производившаго шумъ кирпичомъ или напилкомъ. Дарьяновъ нашелся вынужденнымъ взять другой обсерваціонный пунктъ. Ступивъ носкомъ сапога на одну, слегка выдавшуюся доску, а рукою ухватясь за верхній край забора, онъ поднялся и увидѣлъ маленькій, но очень густой и опрятный садикъ, посрединѣ котораго руками просвирни была пробита чистенькая, усыпанная желтымъ пескомъ дорожка. На этой дорожкѣ, прямо на землѣ, сидѣлъ учитель Варнава. Онъ сидѣлъ, разставивъ вытянутыя ноги, какъ дѣлаютъ это играющія въ мячъ дѣти. Въ ногахъ у учителя, между колѣнами, лежала на пескѣ цѣлая груда человѣческихъ костей и листъ синей сахарной бумаги. Учитель держалъ въ каждой своей рукѣ по цѣлому кирпичу и ожесточенно теръ ими одинъ о другой надъ бумагой. Потъ лилъ ручьями по лицу Препотенскаго, несмотря на то, что учитель сидѣлъ въ тѣни, и не обременялъ себя излишнимъ туалетомъ. Онъ былъ босой, въ одной рубашкѣ и панталонахъ, подстегнутыхъ только одною подтяжкой.

— Варнава Васильевичъ! Отоприте мнѣ, Варнава Васильевичъ!—закричалъ ему Дарьяновъ, но зовъ этотъ пропалъ безслѣдно. Препотенскій попрежнему теръ ожесто-

ченно свои кирпичи, локти его ходили одинъ противъ другаго какъ два кривошила; мокрые волосы трепались въ тактъ изъ стороны въ сторону; самъ онъ также качался, какъ подвижной цилиндръ, и ничего не слышалъ, и ни на что не откликался.

Гость могъ бы скорѣе добиться отвѣта у мертвыхъ, по-чющихъ на покинутомъ кладбищѣ, чѣмъ у погруженнаго въ свои занятія учителя. Угадывая это, Дарьяновъ болѣе и не звалъ его, а прыгнулъ на заборъ и перелетѣлъ въ садъ Препотенскаго. Какъ ни легкокъ былъ этотъ прыжокъ, но старья, разошедшіяся доски все-таки застучали, и пораженный этимъ стукомъ учитель быстро выпустилъ изъ рукъ свои кирпичи и, бросившись на четвереньки, схватилъ въ охапку разсыпанныя предъ нимъ человѣческія кости. Препотенскій, очевидно, былъ въ большомъ перепугѣ, но не могъ бѣжать. Не оставляя своего распростертаго положенія, онъ только тревожно смотрѣлъ въ шевелившійся густой малинникъ и все тщательнѣе и тщательнѣе забиралъ въ руки лежавшія подъ нимъ кости. Въ тотъ моментъ, когда предъ учителемъ раздвинулись самые близкіе ряды малины, онъ быстро вскочилъ на свои длинныя ноги и предсталъ удивленнымъ глазамъ Дарьянова въ самомъ странномъ видѣ. Растрепанная и всклооченная голова Препотенскаго, его потное, захватанное краснымъ кирпичомъ лицо, испуганные глаза и длинная полураздѣтая фигура, нагруженная человѣческими костями, а съ пояса рассыпанная мелкимъ, тертымъ кирпичомъ, издали совсѣмъ какъ будто залитая кровью, дѣлала его скорѣе похожимъ на людоѣда-дикаря, чѣмъ на человѣка, который занимается дѣломъ просвѣщенія.

— Ну, батюшка, Варнава Васильевичъ, прилежно же вы работаете! Васъ даже не дозвелься, — началъ, выходя, гость, разсмотрѣвъ котораго Варнава вдругъ просіялъ, захлопалъ глазами и воскликнулъ:

— Такъ это вы! А я вѣдь думалъ, что это Ахилка.

И съ этими словами учитель отрадно разжалъ свои руки, и дѣлая груда человѣческихъ костей рухнула на дорожку, точно будто онъ вдругъ весь самъ выпотрошился.

— Ахъ, Валерьянъ Николаичъ, — заговорилъ онъ: — если бы вы знали, какія здѣсь съ нами дѣлаются дѣла. Нѣтъ,

чортъ возьми, чтобъ еще послѣ всего этого въ этой проклятой Россіи оставаться!

— Батюшки! Что же это такое? Нельзя ли рассказать?

— Конечно можно, если только... если вы не шпионъ.

— Надѣюсь.

— Такъ садитесь на лавочку, а я буду работать. Сядьте-жь пожалуйста, мнѣ при васъ даже пріятно, потому что все-таки есть свидѣтель, а я буду работать и рассказывать.

Гость принялъ приглашеніе и попросилъ хозяина рассказать, что у него за горе и съ конхъ поръ оно началось.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

— Горе мое, Валерьянъ Николаевичъ, началось съ минуты моего рожденія,—заговорилъ Препотенскій:—и заключается это горе, главнымъ образомъ, въ томъ, что я рожденъ моею матерью!

— Утѣшьтесь, другъ любезный, всѣ люди рождены своими матерями,—проговорилъ, отирая со лба потъ. Дарьяновъ.—Одинъ Макдугъ былъ вырѣзанъ изъ чрева, да и то для того, чтобы Макбета не побѣдилъ—женой рожденный.

— Ну да, Макбета!.. Какой тамъ Макбетъ? Намъ не Макбетовъ нужны, а науки: но что же дѣлать, когда здѣсь учиться невозможно. Я Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что и въ Петербургъ, и въ Неаполѣ, и во всякой странѣ, если гдѣ чело-вѣкъ захочетъ учиться, онъ нигдѣ не встрѣтитъ такихъ препятствій, какъ у насъ. Говорятъ Испанія... Да что же такое Испанія? Въ Испаніи Библии лютеранскихъ нельзя имѣть, но тамъ и заговоры, и возстанія, и все дѣлается. Я увѣренъ, что пусть бы тамъ кто-нибудь завелъ себѣ кости, чтобы учиться, такъ ему этого не запретятъ. А тутъ съ перваго дня, какъ я завелъ кости, моя собственная родная мать пошла ко мнѣ приставать: «Дай. дитя мое, Варнаша, я *его* лучше схороню». Кого это: *его*, спрашивается? Что это еще за *онъ*? Почему эти кости *онъ*, а не *она*? Правъ я или нѣтъ?

— Совершенно правы.

— Прекрасно-съ! Теперь говорятъ, будто я мою мать честью не урезониваю. Не правда-съ! напротивъ, я ей говорилъ: «Маменька, не трогайте костей, это глупо; вы, говорю, не понимаете, онѣ мнѣ нужны, я по нимъ чело-вѣка изучаю». Ну, а что вы съ нею прикажете, когда она отвѣ-

чаетъ: «Другъ мой, Варнаша, нѣтъ, все-таки лучше я его схорю...» Вѣдь это же изъ рукъ вонь!

— Ужь именно.

— Да то ли еще одно: она ихъ въ поминанье записала-сь!

— Будто?

— Честью васъ увѣряю! такъ и записано: «помяни Господи раба твоего *имрека*».

— Что вы за чудо рассказываете?

— Да вотъ вамъ и чудо, а изъ этого чуда скандалъ!

— Ну?

— Да, конечно-сь! А вы какъ изволите разсуждать? Вѣдь это все имѣетъ связь съ церковью. Вѣдь отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній и даже уголовщипной пахнеть?

— Господи мой!

— Именно-сь, именно вамъ говорю, потому что моя мать записываетъ людей, которыхъ не знаетъ какъ и назвать, а отъ этого понятно, что у ея приходскаго попа, когда онъ станетъ читать ея поминанье, сейчасъ полицейскіе инстинкты разыгрываются: что это за люди *имреки*, безъ имени?

— Вы бы се уговорили не писать?

— Уговариваль-сь. Я говорилъ ей: не молитесь вы, пожалуйста, маменька, за него, онъ изъ жидовъ. Не вѣрять! «Лжешь, говоритъ, это тебя бѣсъ научаетъ меня обманывать, я знаю, что жида съ хвостиками!» Никогда, говорю, ни у какихъ ни у жидовъ, ни у не-жидовъ никакихъ хвостиковъ нѣтъ. Ну и споръ: я какъ слѣдуетъ стою за евреевъ, а она противъ; я спорю — нѣтъ хвостовъ, а она твердитъ: есть! Я «нѣтъ», она «есть». «Нѣтъ», «есть!» А ужъ потомъ какъ разволнуется, такъ только кричитъ: «Кш-ш-шь, кш-ш-шь», да какъ на курицу, на меня ладошами предъ самымъ носомъ хлопаешь. Ну, представьте же вы себѣ, еще говорить, нужна свобода женщинамъ. Отлично-сь, я и самъ за женскую свободу; но это надо съ толкомъ: молодой, развитой женщиной, которая хочетъ не стѣсняться своими дѣйствіями, давайте свободу, но старухамъ... Нѣтъ-сь, я первый противъ этого, и даже удивляюсь, какъ этого никто не разовѣетъ въ литературѣ. Вѣдь этимъ пользуются самые вредные люди. Не угодно ли вамъ, попъ Захарія, и опъ вдругъ за женскую эмансипацію! Да, да-сь, онъ за мою

мать. «Ежели ты, говорить, имѣешь право не вѣрить въ Бога, такъ она такой же человѣкъ и имѣеть право вѣрить!» Слышите, *такой* же. Не будь этихъ взглядовъ, моя мать давно бы мнѣ сдалась и уступила: она бы у меня и въ церковь не ходила, и бросила бы свое просвирничанье, а пошла бы къ Бизюкиной въ няньки, а это ее все противъ меня вооружаютъ или Ахилка, или самъ Туберововъ.

— Ну, полноте, пожалуйста!

— Да какъ же полноте, когда я на это имѣю доказательства. Туберововъ никогда не любилъ меня, но теперь онъ меня за естественныя науки просто ненавидитъ, потому что я его срѣзалъ.

— Какъ же это вы его срѣзали?

— Я сто разъ его срѣзывалъ, даже на той недѣлѣ еще разъ обрѣзалъ. Онъ въ смотрительской комнатѣ, въ училищѣ, пустился ораторствовать, что праздничные дни будто заключаютъ въ себѣ что-то особенное этакое, а я его при всѣхъ и осадилъ. Я ему очень просто при всѣхъ указалъ на математически доказанную невѣрность исчисления праздничныхъ дней. Гдѣ же, говорю, наши праздники? У васъ Рождество, а за границей оно уже тринадцать дней назадъ было. Вѣдь правъ я?

— То-есть, двѣнадцать, а не тринадцать.

— Да, кажется, что двѣнадцать, но не въ томъ дѣло, а онъ сейчасъ застучалъ по столу ладонью и закричалъ: «Эй, гляди, математикъ, не добрался бы когда-нибудь за это до твоей физики!» Во-первыхъ, что такое онъ здѣсь разумѣеть подъ словомъ *физики*?.. Вы понимаете — это и невѣжество, да и цинизмъ, а потому я васъ спрашивало, развѣ это отвѣтъ?

Гость разсмѣялся и сказалъ, что это хотя и отвѣтъ, но, дѣйствительно, очень странный отвѣтъ.

— Да какъ же-съ! разумѣется глупо; но вѣдь этакихъ вещей идетъ цѣлый рядъ-съ. И вотъ, напримѣръ, даже вчера еще вечеромъ иду я отъ Бизюкиной, а передо мною немножко впереди идетъ комиссаръ Данилка, знаете тотъ шляющійся, который за два цѣлковыхъ ѣздилъ у Глича лошадь воровать, когда Ахилла масло билъ. Я съ Данилой и разговорился. Что, говорю, Данило, гдѣ ты былъ? Отвѣчаетъ, что былъ у исправника, отъ почтмейстерши ягоды приносилъ, и слышалъ какъ тамъ читали, что въ чухон-

скомъ городѣ Ревелѣ мертвый человѣкъ безъ тлѣнія сто лѣтъ лежалъ, а теперь его велѣли похоронить. «Не знаю, насколько правды, что было такое происшествіе, но только послѣ тамъ тоже и про васъ говорка была», сообщилъ мнѣ Данило. Я, разумѣется, встревожился, а онъ меня успокоиваетъ: «не про самихъ про васъ, говоритъ, а про вашихъ мертвыхъ людей, которыхъ вы у себя содержите». Понимаете ли вы эту интригу! Я далъ Данилкѣ двугривенный: что жъ дѣлать? это не хорошо, но шпионы нужны, и я всегда говорю, что шпионы нужны, и мы съ Бизюкиной въ этомъ совершенно согласны. Безъ шпионовъ нельзя обойтись, вводя новыя ученія, потому что надо штудировать общество. Да-съ, ну такъ вотъ... про что это я говорилъ? Да! Я далъ Данилкѣ двугривенный и говорю: рассказывай все. Онъ мнѣ и рассказалъ, что какъ прочитали эту газету, такъ дьяконъ и повелъ рѣчь о моихъ костяхъ. «Я, говоритъ, нарочно и газету эту принесъ, потому что на это вниманіе обращаю». А совсѣмъ вретъ, потому что онъ ничего никогда не читаетъ, а въ этой газетѣ ему Данилка отъ Ляпныхъ орѣховъ принесъ. «Это, говоритъ, Воинъ Васильичъ, ваша съ лѣкаремъ большая ошибка была дать Варнавѣ утопленника; но это можно поправить». Городничій, конечно, знаетъ мой характеръ, и говоритъ, что я не отдамъ, и я бы, конечно, и не отдалъ. Но Ахилла говоритъ: «У него, говоритъ, ихъ очень просто можно отобрать и преспокойно предать погребенію». Городничій говоритъ: «не дать ли квартальному предписаніе, чтобъ отобрать кости?» Но этотъ бандитъ: «мнѣ ничего», говоритъ, «не нужно: я ихъ сейчасъ безъ предписанія отберу и уложу въ гробикъ въ дѣтскій, да и кончено».

Препотенскій вдругъ рванулся къ костямъ, накрылъ ихъ руками, какъ насѣдка покрываетъ крыломъ испуганныхъ приближеніемъ коршуна цыплятъ, и произнесъ нервнымъ голосомъ:

— Нѣтъ-съ, извините! пока я живъ, это не кончено. И того съ васъ довольно, что вы все это нѣсколько замедляете!

— Что же это такое «они» замедляютъ

— Ну, будто вы не понимаете?

— Революцію, что ли?

Учитель прекратилъ работу и съ усмѣшкою кивнулъ головой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Отобравъ эти свѣдѣнія отъ Данилки, — продолжалъ Варнава: — я сейчасъ же повернулъ къ Блзюкиной, чтобъ она объ этомъ знала, а черезъ часъ прихожу домой и уже не застаю у себя ни одной кости. Гдѣ онѣ? кричу, гдѣ? А эта госпожа, моя родительница, отвѣчаетъ: «Не сердись, говоритъ, другъ мой, Варнашенъка (очень хорошее имя, изволите видѣть, дали, чтобъ его еще передѣлывать въ Варнашенекъ, да въ Черташенекъ), не сердись, говоритъ, ихъ начальство къ себѣ потребовало». — Что за вздоръ, кричу, что за вздоръ: какое начальство? «А безъ тебя, говоритъ, отецъ дьяконъ Ахилла приходилъ въ окно и всѣ ихъ забралъ и понесъ». Нравится вамъ: «Начальство, говоритъ, потребовало, и Ахилла понесъ». Да вы, говорю, хоть бы мозгами-то, если они у васъ есть, шевельнули: какое же дьяконъ начальство? «Другъ мой», говоритъ, «что ты, что ты это? да вѣдь онъ помазанъ!» Скажите вы, сдѣлайте ваше одолженіе! Вы вотъ смѣтаетесь, вамъ это смѣшно; но мнѣ это, стало-быть, не смѣшно было, когда я самъ къ этому бандиту пошелъ. Да-съ; Ахилка говоритъ, что я трусь, и это и всѣ такъ думаютъ; но я вчера доказалъ, что я не трусь; а я прямо пошелъ къ Ахилкѣ. Я прихожу, онъ дрыхнетъ. Я постучалъ въ окно и говорю: Отдайте мнѣ, Ахилла Андречъ, мои кости? Онъ, во-первыхъ, насилиду проснулся и, знаете, начинаетъ со мною кобениться; «на что онѣ, говоритъ, тебѣ кости (что это за фамиллярное «ты»? что это за короткость?) Ты безъ костей складнѣе». Это, говорю, не ваше дѣло, какъ я складнѣй. «Нѣтъ; совсѣмъ напротивъ. Мое, говоритъ, это дѣло: я священнослужитель». Но, вы же, говорю, вѣдь не имѣете права отнимать чужую собственность? «А развѣ кости, говоритъ, это развѣ собственность? А ты бы, говоритъ, еще то понялъ, что этакую собственность тебѣ даже не позволено содержать?» А я отвѣчаю, что и красть же, говорю, священнослужителямъ тоже вѣрно не позволено: вы, говорю, вѣрно хорошенько английскихъ законовъ не знаете. Въ Англии васъ за это повѣспли бы. «Да ты, говоритъ, если ужъ про разные законы сталъ разсуждать, то ты еще знаешь ли, что, если тебя за это въ жацдармекую канцелярію отправить, такъ тебя тамъ сейчасъ спустятъ по-поясъ въ подполь, да начнутъ въ два

пука пороть. Вотъ тебѣ и будетъ Англія? Что? Хорошо тебѣ отъ этого станеть?» А я ему и отвѣчаю: Вы, говорю, все знаете, вамъ даже извѣстно уже во сколько пуковъ тамъ порють. А онъ: «Конечно, говорить, извѣстно: это по самому по простому правилу, кто самъ претерпѣвалъ, тотъ и понять можетъ, что съ обѣихъ сторонъ стануть съ пучьями и начнутъ донимать какъ наилучше». Прекрасная. говорю, картина; а онъ: «Да, говорить, ты это замѣть, а теперъ лучше, братъ, слушай меня, забудь про всѣ свои глупости и уходи», и съ этимъ, слышу, онъ опять завалился на свое логово. Ну, тутъ уже, разумѣется, я все понять, какъ онъ проврался, но чтобъ еще болѣе отъ него вывѣдать, я говорю ему: но вѣдь вы же, говорю, дьяконъ, и въ жандармахъ не служите, чтобы законы наблюдать. А онъ, представьте себѣ, ничего этого не понялъ, къ чему это я подвелъ, и отляпалъ: «А ты почему, говорить, знаешь, что я не служу въ жандармахъ? Анъ у меня можетъ и бѣлая рукавица есть и я ее тебѣ, пожалуй, сейчасъ и покажу, если ты еще будешь мнѣ мѣшать спать». Но я, разумѣется, уже до этого не сталъ дожидаться, потому что, во-первыхъ, меня это не интересовало, а во-вторыхъ, я уже все, что мнѣ нужно было знать, то вывѣдалъ, а потомъ, зная его скотскія привычки драться... Нѣтъ-съ, говорю, не хочу и вовсе не интересуюсь вашими доказательствами, и сейчасъ же пошелъ къ Бизюкинымъ, чтобы поскорѣй рассказать все это Дарьѣ Николаевнѣ. Дарья Николаевна точно такъ же, какъ и я сейчасъ, и говорить, что она и сама подозрѣвала, что они всѣ здѣсь служатъ въ тайной полиціи.

— Кто служитъ въ тайной полиціи?—спросилъ Варнаву его изумленный собесѣдникъ.

— Да вотъ всѣ эти наши различные люди, а особенно попы: Савелій, Ахилла.

— Ну, батюшка, вы съ своею Дарьей Николаевной, просто сказать, рехнулись.

— Нѣтъ-съ; Дарью Николаевну на этотъ счетъ не обманешь: она вѣдь ужъ много вынесла отъ такихъ молодцовъ.

— Вретъ она, ваша Дарья Николаевна,—ничего она ни отъ кого не вынесла.

— Кто не вынесъ? Дарья Николаевна!?

— Да.

— Покорно васъ благодарю!—отвѣчалъ съ комическимъ поклономъ учитель.

— А что такое?

— Помилуйте, да вѣдь ее сѣкли,—съ гордостью пропизнесъ Препотенскій.

— Въ дѣтствѣ; да и то, видно, очень мало.

— Нѣтъ-съ, не въ дѣтствѣ, а всего за два дня до ея свадьбы.

— Вы меня все больше и больше удивляете.

— Нечего удивляться: это фактъ-съ.

— Ну, простите мое невѣжество,—я не зналъ этого факта.

— Да какъ же-съ, я вѣдь и говорю, что это всякому надо знать, чтобы судить. Дѣло началось съ того, что Дарья Николаевна тогда рѣшилась отъ отца уйти.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Какъ вы странно это спрашиваете!

— Я потому такъ спрашиваю, что отецъ, кажется, ее не гналъ, ни тѣшилъ, ни неволилъ.

— Ну, да мало ли что! Ни къ чему не неволилъ, а такъ просто захотѣла уйти,—и ушла. Чего же ей было съ отцомъ жить? Бизюкинъ ея младшаго братишку училъ, и онъ это одобрилъ, и самъ согласился съ ней перевѣнчаться, чтобъ отецъ на нее права не имѣлъ, а отецъ ее не позволялъ ей идти за Бизюкина и считалъ его за дурака, а она, рѣшившись сдѣлать скандалъ, ужъ, разумѣется, уступить не могла и сдѣлала по-своему... Она такъ распорядимась, что ужъ за другого ее выдавать нечего было думать, и обо всемъ этомъ, понимаете, совершенно честно сказала отцу. Да вы слушаете ли меня, Валерьянъ Николаевичъ?

— Не только слушаю, но съ каждымъ вашимъ словомъ усугубляю мое любопытство.

— Оно такъ и слѣдуетъ, потому что интересъ сейчасъ будетъ возрастать. Итакъ, она честно и прямо раскрыла отцу имѣющій значеніе фактъ, а онъ, ни болѣе ни менѣе, какъ сдѣлалъ слѣдующую подлость; онъ сказалъ ей: «Съѣзди мой другъ, завтра къ теткѣ и расскажи еще это ей». Дарья Николаевна, ничего не подозрѣвая, взяла да и поѣхала, а они ее тамъ вдвоемъ съ этой барыней и высѣкли. Она прямо отъ нихъ кинулась къ жандармскому офицеру. «Освидѣтельствуйте, говорить, и донесите въ Петербургъ,—я не хочу этого скрывать,— пусть всѣ знаютъ, что за учрежденіе

такое родители». А тотъ: «ни свидѣльствовать, говорить, васъ не хочу, ни доносить не стану. Я заодно съ вашимъ старикомъ и даже охотно помочь бы ему, если бь онъ собрался повторить». Ну, что же еще послѣ этого ожидать? Вотъ вамъ-съ наша и тайная полиція. Родной отецъ, родная тетка, и вдругъ оказывается, что всѣ они не что иное, какъ та же тайная полиція! Дарья Николаевна одно говоритъ: по крайней мѣрѣ, говорить, я одно выиграла, что я ихъ изучила и знаю, и потому, когда я ей вчера сообщилъ мои открытія надъ Ахилкой, она говоритъ: «Это такъ и есть, онъ шпионъ! И теперь, говорить, въ нашемъ опасномъ положеніи самый главный вопросъ, чтобы ваши кости достать и по нимъ какъ можно злѣе учить и учить. Ахилка, говорить, ночью еще никуда не могъ ихъ сбыть, и вы если тотчасъ къ нему прокрадетесь, то вы можете унести ихъ назадъ. Одно только, говорить,—не попадайтесь, а то онъ можетъ васъ набить...»

— Какъ «набить»?

— Это такъ она сказала, потому что она знаетъ Ахилкины привычки; но, впрочемъ, она говоритъ: «нѣтъ ничего, вы намотайте себѣ на шею мой толстый ковровый платокъ и надѣньте на голову мой ватный капоръ, такъ этакъ, если онъ васъ и поймаетъ, и выбьетъ, вамъ будетъ мягко и не больно. Я всѣмъ этимъ, какъ она учила, хорошенько обмотался и пошелъ. Прихожу къ этому скоту на дворъ во второй разъ... Собака было залаяла, но Дарья Николаевна это предвидѣла и дала мнѣ для собаки кусокъ шпротки. Я кормлю собаку и иду, и вижу прямо предо мною стоитъ телѣга; я къ телѣгѣ, и все въ ней нашель,—всѣ мои кости!

— Ну, тутъ, конечно, скорѣй за работу?

— Ужъ, разумѣется! Я духомъ снялъ съ головы Дарьи Николаевниной капоръ, завязалъ въ него кости и во всю рысь назадъ.

— Тѣмъ эта исторія и кончилась?

— Какъ кончилась? Напротивъ, она теперь въ самомъ разгарѣ. Хотите я доскажу?

— Ахъ, сдѣлайте милость!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Начну съ объясненія того, какъ и почему я попалъ нынче въ церковь? Сегодня утромъ рано пріѣзжаетъ къ намъ

Александра Ивановна Серболова. Вы, конечно, ее знаете не хуже меня: она вѣрующая, и ея убѣжденія касательно многого очень отсталыя, но она моеѣ матери кой-чѣмъ помогаетъ, и потому я жертвую и заставляю себя съ нею не спорить. Но къ чему это я говорю? Ахъ, да! какъ она прѣхала, мамешка мнѣ и говоритъ: «встань, такой-сякой, другъ мой. Варнаша. проводи Александру Ивановну въ церковь, чтобы на нее акцизниковы собаки не бросились». Я пошелъ. Я, вы знаете, въ церковь никогда не хожу; но вѣдь я же понимаю, что тамъ меня ни Ахилла, ни Савелій тронуть не смѣютъ; я и пошелъ. Но, стоя тамъ, я вдругъ вспомнилъ, что оставилъ отпертою свою комнату, гдѣ кости, и побѣжалъ домой. Прихожу,—маменьки нѣтъ; смотрю на стѣну: нѣтъ ни одной косточки!

— Схоронила?

— Да-съ.

— Безъ шутокъ, схоронила?

— Да полноте, пожалуйста: какія съ ней шутки! Я сталъ ее просить: маменька, милая, я почитать васъ буду, только скажите честно, гдѣ мои кости? «Не спрашивай, говоритъ, Варнаша, имъ, мой другъ, теперь покойно». Все дѣлалъ: плакалъ, убить себя грозился, наконецъ даже общалъ ей Богу молиться,—нѣтъ-таки не сказала! Злой-презлой я шелъ въ училище, съ самою твердою рѣшимостью взять нынче ночью заступъ, разрыть имъ одну изъ этихъ могилъ на погостѣ и достать себѣ новыя кости, чтобы меня не переспорили, и я бы это непременно и сдѣлалъ. А между тѣмъ, вѣдь это тоже, небось, называется преступленіемъ?

— Да еще и большимъ.

— Ну, вотъ видите! А кто бы меня подъ это подвель?.. мать. И это бы непременно случилось; но вдругъ на мое счастье приходитъ въ классъ мальчишка и говоритъ, что на берегу свинья какія-то кости вырыла. Я бросился, въ полной надеждѣ, что это мои кости—такъ и вышло! Народъ твердитъ: «зарыть»... Я говорю: прочь. Какъ вдругъ слышу—Ахилла... Я схватилъ кости и бѣжать. Ахилла меня за сюртукъ. Я повернулся... трахъ! пола къ чорту; Ахилла меня за воротникъ,—я трахъ... воротникъ къ чорту; Ахилла меня за жилетъ,—я трахъ... жилетъ пополамъ; онъ меня за шею,—я трахъ и убѣжалъ, и вотъ здѣсь свжу и отчищаю ихъ, а вы меня опять испугали. Я думалъ, что это опять Ахилла.

— Да помилуйте, пойдеть къ вамъ Ахилла, да еще чезъ заборъ! Вѣдь онъ дьяконъ.

— Онъ дьяконъ! Говорите-ка вы «дьяконъ». Много онъ на это смотритъ. Мнѣ комиссаръ Данилка вчера говорилъ, что онъ, прощаясь, сказалъ Туберовову: «Ну, говоритъ. отецъ Савелій, пока я этого Варнаву не сокрушу, не зовите меня Ахилла-дьяконъ, а зовите меня всѣ *Ахилла-воинъ*». Что же, пусть воюеть, я его не боюсь, но я съ этихъ норъ знаю что дѣлать. Я рѣшилъ, что мнѣ здѣсь больше не жить: я кое съ кѣмъ въ Петербургѣ въ перенискѣ; тамъ одинъ баринъ устраиваетъ одно предпріятіе, и я уйду въ Петербургъ. Я вамъ скажу, я уже пробовалъ, мы съ Дарьей Николаевной посылали туда нѣсколько стаетекъ, оттуда все отвѣчаютъ: «Рѣзче». Прекрасно, что «рѣзче»; я тамъ и буду рѣзокъ, я тамъ церемониться не стану, но здѣсь, помилуйте, духу не взведешь, когда за мертвую кость чуть жизнию не заплатишься. А съ другой стороны, посудите, и тамъ, въ Петербургѣ, какая пошла подлость; даже самыя благонамбренившія газеты начинаютъ подтрунивать надъ распространяющею у насъ страстью къ естественнымъ наукамъ! Читали вы это?

— Кажется, что-то похожее читалъ.

— Ага! такъ и вы это поняли? Такъ скажите же мнѣ, зачѣмъ же они въ такомъ случаѣ манили насъ работать надъ лягушкой и все прочее?

— Не знаю.

— Не знаете? Ну, такъ я же вамъ скажу, что имъ это такъ не пройдетъ! Да-съ; я вотъ заберу мои кости, поѣду въ Петербургъ, да тамъ прямо въ рожи имъ этии костями, въ рожи! И пусть меня ведутъ къ своему мировому.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

— Ха-ха-ха! Вы прекрасно сдѣлаете! — внезапно проговорила Серболова, стоявшая до этой минуты за густымъ вишневымъ кустомъ и ни однимъ изъ собесѣдниковъ не замѣченная.

Препотенскій захватилъ на груди разстегнутую рубашку, приподнялся и, подтянувъ другою рукой свои испачканные въ киричѣ панталоны, проговорилъ:

— Вы, Александра Ивановна, простите, что я такъ не одѣтъ...

— Ничего; съ рабочаго человѣка туалета не взыскиваютъ; но идите, васъ мать зоветъ обѣдать.

— Итъ, Александра Ивановна, я обѣдать не пойду. Мы съ матерью не можемъ болѣе жить; между нами все кончено.

— А вы бы постыдились такъ говорить, она васъ любитъ!

— Напрасно вы меня стыдите. Она съ моими врагами дружить; она мои кости хоронитъ; а я какъ-нибудь папирску у лампы закурю, такъ она и за то сердится...

— Зачѣмъ же свои папиросы у ея лампы закуриваете? Развѣ вамъ другого огня итъ?

— Да вѣдь это же плуно!

Серболова улыбнулась и сказала:

— Покорно васъ благодарю.

— Итъ; я не вамъ, а я говорю о лампадѣ: вѣдь все равно огонь.

— Ну, потому-то и закурите у другого.

— Все равно, на нее чѣмъ-нибудь другимъ не угодить. Вонъ я вчера нашей собакѣ немножко супу далъ изъ миски, а маменька и объ этомъ расплакалась и миску съ досады разбила: «Не годится, говоритъ, она теперь; се собака *нанюхала*». Ну, я васъ спрашиваю: вы, Валеріанъ Николаичъ, знаете физику: можно ли что-нибудь *нанюхать*? Можно *понюхать*, можно *вынюхать*, но *нанюхать*! Вѣдь это дуракъ одинъ сказать можетъ!

— Но вѣдь вы могли и не давать собакѣ изъ этой чашки?

— Могъ, да на что же это?

— Чтобы вашу мать не огорчать.

— Да, вотъ вы какъ на это смотрите! По-моему никакая хитрость не достойна честнаго человѣка.

— А вѣтъ лошадиную ветчину при старой матери достойно?

— Ага! ужъ она вамъ и на это накаловалась! Что жъ, я изъ любознательности купилъ у знакомаго татарина копченыхъ жеребьячихъ реберъ. Это, повѣрьте, очень вкусная вещь. Мы съ Дарьей Николаевной Бизюкиной два ребра за завтракомъ съѣли и дѣтей ея накормили, а третье—понесъ маменькѣ, и маменька, ничего не зная, отлично ѣла и хвалила, а потомъ вдругъ, какъ я ей сказалъ, и бѣда пошла.

— Угостилъ,—отнеслась къ Дарьянову, улыбувшись, Серболова.—Впрочемъ, пусть это не къ обѣду воспоминается... Поидемте лучше обѣдать.

— Нѣтъ-съ, я вѣдь вамъ сказалъ, что я не пойду, и не пойду.

— Да вы на хлѣбъ и на соль-то за что же сердитесь?

— Не сержусь, а мнѣ отсюда отойти нельзя. Я въ такомъ положеніи, что отовсюду жду всякихъ гадостей.

Серболова тихо засмѣялась, подала руку Дарьянову, и они пошли обѣдать, оставивъ учителя надъ его костями.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Просвирня Препотенская, маленькая старушка съ крошечнымъ личикомъ и вѣчно изумленными добрыми глазками, покрытыми бровями, имѣющими фигуру французскихъ апострофовъ, извинилась предъ Дарьяновымъ, что она не слыхала, какъ онъ долго стучалъ, и непосредственно за симъ пригнулась къ нему надъ столомъ и спросила шопотомъ:

— Варнашу моего видѣли?

Тотъ отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Убиваетъ онъ меня, Валерьянъ Николаичъ, до безконечности,—жаловалась старушка.

— Да Богъ съ нимъ, что вы огорчаетесь? Онъ молодъ; постарѣеть, женится и перемѣнится.

— Перемѣнится... Пѣтъ, какъ его, дружокъ, возможно женить? невозможно. Онъ ужъ весь до сихъ поръ, до безконечности извертѣлся: въ Господа Бога не вѣрять до безконечности; молоко и мясо по вѣмъ постамъ, даже и въ Странную недѣлю ѣсть до безконечности, а я, дружокъ мой, правду вамъ сказать, въ вечернее время ихъ до безконечности боюсь; все ихъ до безконечности тревожусь...

Черныя апострофы надъ глазками крошечной робкой старушки задвигались, и она, вздрогнувъ, зазелетала:

— И, кромѣ того, все мнѣ, другъ мой, видится такіе до безконечности страшные сны, что я, какъ проснусь, сейчасъ шепчу: «святѣй Симеонъ, разгадай мой сонъ», но все, если бъ я могла себя съ кѣмъ-нибудь въ домѣ разговорить, я бы терпѣла; а то возьмите же, что я постоянно одна и постоянно съ мертвецами. Я, мои дружочки, отпѣтаго покойника не боюсь, а Варнаша не позволяетъ ихъ отпѣть.

— Ну, вы на него не сердитесь, — вѣдь онъ добрый.

— Добрый, конечно, онъ добрый, я не хочу на него глать, что онъ золь. Я была его счастливая мать, и онъ

прежде ко мнѣ былъ добръ даже до безконечности, пока въ шестой классъ по философіи перешелъ. Онъ, бывало, когда домой прѣзжалъ, и въ церковь ходилъ, и къ отцу Савелію я его водила, и отецъ Савелій даже его до безконечности ласкали и по бездѣлицѣ ему кое-чѣмъ помогали, но тутъ вдругъ, — и сама не знаю, что съ нимъ подѣлалось: все началъ уметь. И съ тѣхъ поръ, какъ прѣдетъ изъ семинаріи, все разъ отъ разу хуже да хуже, и, наконецъ, даже такъ противъ всего хорошаго ожесточился, что на крестинахъ у отца Захаріи зачалъ на самого отца протопопа метаться. Ахъ, тяжело это мнѣ, душечки! — продолжала старушка, горько сморщившись. — Теперь опять я третьяго дня узнала, что они съ акцизничихой, съ Бизюкиной, вдругъ въ соусѣ лягушечкѣ ѣли! Господи! Господи! каково это матери вынести? А что съ голоду, что-ль, это дѣлается? Испорченъ онъ. Я, какъ вы хотите, я иначе и не полагаю, что онъ испорченъ. Мнѣ отецъ Захарія въ «Домашней Бесѣдѣ» нарочно читалъ тамъ: одинъ благородный сынъ бѣсновался, десять человѣкъ удержатъ не могли. Такъ и Варнава! его никто не удержитъ. Робость имѣеть страшную, даже и недавно, всего еще года нѣтъ, какъ я его вечерами сама, куда нужно, провожала; но если расходится, кричитъ: «Не выдамъ своихъ! не выдамъ», да этакъ рукою машетъ, да приговариваетъ: «нѣтъ; рѣзать всѣхъ, рѣзать!» Такъ живу и постоянно гляжу, что его въ полицію и въ острогъ.

Просвирня опять юркнула, обтерла въ кухнѣ платочкомъ слезы и, снова появивъ, заговорила:

— Я его, признаюсь вамъ, я его наговорной водой всякій день пою. Онъ, конечно, этого не знаетъ и не замѣчаетъ, но я пою, только не помогаеть, — да и грѣхъ. А отецъ Савелій говоритъ одно: что стоило бы мнѣ его куда-то въ Ташкентъ сослать. — Отчего же, говорю, еще не попробовать лаской? — А потому, говоритъ, что изъ него лаской ничего не будетъ, — у него, онъ находитъ, будто совсѣмъ природы чувствъ нѣтъ. А мнѣ, если и такъ, мнѣ, дѣтки мои, его все-таки жалко... — И просвирня снова исчезла.

— Экое несчастное твореніе! — прошептала вслѣдъ вышедшей старушкѣ молодая дама.

— Ужъ именно, — подтвердилъ ей собесѣдникъ и приба-

вилъ: — а тотъ болванъ еще ломается и даже теперь обѣ-
дать не идетъ.

— Подите, приведите его въ самомъ дѣлѣ.

— Да вѣдь упрямъ, какъ лошадь, не пойдетъ.

— Ну, какъ не пойдетъ? Скажите ему, что я ему при-
казываю, что я агентъ тайной полиціи и приказываю ему,
чтобъ онъ сейчасъ шелъ, а то я донесу, что онъ въ Пе-
тербургъ собирается.

Дарьяновъ засмѣялся, всталъ и пошелъ за Варнавою.
Между тѣмъ учитель, употребившій это время на то, чтобы
спрятать свое сокровище, чувствовалъ здоровый аппетитъ
и при новомъ приглашеніи къ столу не безъ труда выдер-
живалъ характеръ и отказывался.

Чтобы вывести этого добровольнаго мученика изъ его за-
труднительнаго положенія, посланный за нимъ молодой че-
ловѣкъ нагнулся таинственно къ его уху и шепнулъ ему
то, что было сказано Серболовой.

— Она шпионъ! — воскликнулъ, весь покрывшись румян-
цемъ, Варнава.

— Да.

— И можетъ-быть...

— Что?

— Можетъ-быть и вы?..

— Да, и я.

Варнава дружески сжалъ его руку и проговорилъ:

— Вотъ это благодарю, что вы не дѣлаете изъ этого
гаины. — И затѣмъ онъ съ чистою совѣстью пошелъ обѣ-
дать. — Извольте, я вамъ повинуюсь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Шутка удалась. Варнава имѣлъ предлогъ явиться и при-
томъ явиться съ достоинствомъ. Онъ вошелъ въ комнату,
какъ жертва враждебныхъ силъ, и помѣстился въ узкомъ
концѣ стола противъ Дарьянова. Между ними двумя, съ
третьей стороны, сидѣла Серболова, а четвертая сторона
стола оставалась пустою. Сама просвирня обыкновенно ни-
когда не садилась за столъ съ сыномъ, не садилась она и
нынче съ гостями, а только служила имъ. Старушка была
теперь въ восторгѣ, что видитъ передъ собою своего много-
ученнаго сына; радость и печаль одолевали другъ друга на
ея лицѣ, вѣки ея глазъ были красны; нижняя губа тихо

вздрагивала и ветхія ея ножки не ходили, а все бѣгали, причемъ она постоянно старалась и на бѣгу, и при остановкахъ брать такіе обороты, чтобы лица ея никому не было видно.

— Остановить васъ теперь невозможно?—шутя говорилъ ей Дарьяновъ.

— Нѣтъ, невозможно, Валерьянъ Николаичъ,—отвѣчала она весело и, снова убѣгая, спѣшно проглатывала въ кухонькѣ непрощенную слезу.

Гости поднимались на хитрость, чтобы удерживать старушку, и хвалили ея стряпню; но она скромно отклоняла все эти похвалы, говоря, что она только умѣетъ готовить самое простое.

— Но простос-то ваше очень вкусно.

— Нѣтъ; гдѣ ему быть вкуснымъ, а только развѣ для здоровья оно, говорятъ, самое лучшее: да и то и не знаю: вотъ Варнаша всегда это кушанье кушаетъ, а посмотрите какой онъ: точно пустой!

— Гм! — произнесъ Варнаша, укоризненно взглянувъ на мать, и покачалъ головой.

— Да что же ты! Ей-Богу ты, Варнаша, пустой!

— Вы еще разъ это повторите!—отозвался учитель.

— Да что же тутъ, Варнаша, тебѣ такого обиднаго? Молока ты утромъ пьешь до безконечности; чаю съ булкой кушаешь до безконечности; жаркого и каши тоже, а встанешь изъ-за стола опять весь до безконечности пустой, — это болѣзнь. Я говорю, послушай меня, сынокъ...

— Маменька! — перебилъ ее, сердито крикнувъ, учитель.

— Что-жъ тутъ такого, Варнаша? Я говорю: скажи, Варнаша, какъ встанешь утромъ: «наполни, Господи, мою пустоту» и вкуси...

— Маменька!—еще громче воскликнулъ Препотенскій.

— Да что ты, дурачокъ, чего сердишься? Я говорю: скажи: «наполни, Господи, пустоту мою» и вкуси пѣтой просвирки, потому я, знаете, — обратилась она къ гостямъ: — я и за себя, и за него всегда одну часточку вынимаю, чтобы намъ съ нимъ на томъ свѣтѣ въ одной скиннѣ быть, а онъ не хочетъ вкусить. Почему такъ?

— Почему? вы хотите знать: почему? — извольте-съ: потому, что я не хочу съ вами нигдѣ въ одномъ мѣстѣ быть! Понимаете; нигдѣ ни на этомъ свѣтѣ, ни на какомъ другомъ.

Но прежде чѣмъ учитель досказалъ эту рѣчь, старушка поблѣднѣла, затряслась, и двѣ завитыя фаянсовыя тарелки, выскользнувъ изъ ея рукъ, ударились о полъ, зазвенѣли и разбились вдребезги.

— Варнаша!—воскликнула она.—Это ты отъ меня отрекся!

— Да-съ, да-съ, да-съ, отрекся и отрекаюсь! Вы мнѣ и здѣсь надоѣли, не только чтобъ еще на томъ свѣтѣ я пожелать съ вами видѣться.

— Тс! тс! тс! — останавливала сына, плача, просвирня и начала громко хлопать у него подъ носомъ въ ладони, чтобы не слышать его отреченія. Но Варнава кричалъ гораздо громче, чѣмъ хлопала его мать. Тогда она бросилась къ образу и, махая предъ иконой растопыренными пальцами своихъ слабыхъ рукъ, въ изступленіи закричала:

— Не слушай его, Господи! не слушай! не слушай!—и съ этимъ пала въ уголь и зарыдала.

Эта тяжелая и совершенно неожиданная сцена взволновала всѣхъ при ней присутствовавшихъ, кромѣ одного Препотенскаго. Учитель оставался совершенно спокойнымъ и вѣлъ съ непокидавшимъ его никогда апетитомъ. Серболова встала изъ-за стола и вышла вслѣдъ за убѣжавшей старушкой. Дарьяновъ видѣлъ, какъ просвирня обняла Александру Ивановну. Онъ поднялся и затворилъ дверь въ комнату, гдѣ были женщины, а самъ сталъ у окна.

Препотенскій попрежнему вѣлъ.

— Александра Ивановна когда ѣдетъ домой?—спросилъ онъ, ворочая во рту шницъ.

— Какъ схлынетъ жаръ, — вымолилъ ему сухо въ отвѣтъ Дарьяновъ.

— Вонъ когда!—протянулъ Препотенскій.

— Да, у нея здѣсь еще будетъ Туберозовъ.

— Туберозовъ? У насъ? въ нашемъ домѣ?

— Да, въ вашемъ домѣ, но не у васъ, а у Александрины.

Дарьяновъ вѣлъ послѣдній разговоръ съ Препотенскимъ отвернувшись и глядя на дворъ; но при этомъ словѣ онъ оборотился къ учителю лицомъ и сказалъ сквозь едва замѣтную улыбку:

— А вы, кажется, все-таки Туберозова-то побаиваетесь!

— Я? Я его боюсь?

— Ну, да; я вижу, что у васъ какъ будто даже пось позеленѣлъ, когда я сказалъ, что онъ сюда придетъ.

— Носъ позеленѣлъ? Увѣрю васъ, что вамъ это такъ только показалось, а что я его не боюсь, такъ я вамъ это нынче же докажу.

И съ этимъ Препотенскій поднялся съ своего мѣста и торопливо вышелъ. Гостю и въ голову не приходило, какія смѣлыя мысли родились и зрѣли въ эту минуту въ отчаянной головѣ Варнавы; а благосклонный читатель узнаеть объ этомъ изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Выйдя изъ комнаты, Препотенскій юркнулъ въ небольшой сарай и, сбросивъ здѣсь съ себя верхнее платье, полѣзъ на сѣноваль, а оттуда, съ трудомъ раздвинувъ двѣ потолочины, спустился чрезъ довольно узкую щель въ небольшой, запертой снаружи, амбарчикъ. Въ этомъ амбарчикѣ былъ всякій домашній скарбъ. Тутъ стояли кадочки, наполь, висѣлъ окорочекъ ветчины, торчали на колкахъ пучки чебору, мяты и укропу. Учитель ничего этого не тронулъ, но онъ взлѣзъ на высокій сосновый ларь, покрытый покатой крышей, досталъ съ него большія и разлзтыя липовыя ночвы, чистыя какъ стекло зеркальнаго магазина, и тотчасъ же началъ спускаться съ ними назадъ въ сарай, гдѣ имъ очень искусно были спрятаны злополучныя кости.

За учителемъ никто, рѣшительно, не присматривалъ, но онъ, какъ человѣкъ, уже привыкшій мечтать объ «опасномъ положеніи», ничему не вѣрилъ; онъ отъ всего жался и хоронился, чтобы ему не воспрелятствовали докончить свое предпріятіе и совершить оное въ свое время съ полною торжественностью. Прошло уже около часа съ тѣхъ поръ, какъ Варнава заключился въ сараѣ, на дворѣ начало вечерѣть, и вотъ у уютной калиточки просвирина домика звякнуло кольцо.

Это пришелъ Губерозовъ. Варнавѣ въ его сараѣ слышно, какъ подъ крѣпко ступающими ногами большого протопана гнутся и скрипятъ ступени ветхаго крыльца; слышны привѣтствія и благожеланія, которыя онъ выражаетъ Серболовой и старушкѣ Препотенской. Варнава, однако, все еще не выходитъ и не обнаруживаетъ, что такое онъ намѣренъ устроить.

— Ну, что моя вдовица Напская, что твой ученикъ сынъ?—заговорилъ отецъ Савелій ко вдовѣ, выставившей

на свое открытое крылечко бѣлый столикъ, за которымъ компанія должна была пить чай.

— Варнаша мой? А Богъ его знаетъ, отецъ протопонь: — онъ вѣрно оробѣлъ и гдѣ-нибудь отъ васъ спрятался?

— Чего жь ему въ своемъ домѣ прятаться?

— Онъ васъ, отецъ протопонь, очень боится.

— Господи помилуй, чего меня бояться? Пусть лучше себя боится и бережетъ, — и Туберозовъ началъ рассказывать Дарьянову и Серболовой, какъ его удивилъ своими похождениями вчерашней ночи Ахилла.

— Кто его объ этомъ просилъ? кто ему поручилъ? кто приказывалъ? — рассуждалъ старикъ, и отвѣчалъ: — никто, самъ вздумалъ съ Варнавой Василичемъ перевѣдаться, и надѣлали на весь городъ разговоръ.

— А вы, отецъ протопонь, развѣ ему этого не приказывали? — спросила старушка.

— Ну, скажите пожалуйста: стану я такія глупости приказывать! — отозвался Туберозовъ и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, а межъ тѣмъ ушло еще полчаса, и гости стали собираться по домамъ. Варнава все не показывался, но зато, чуть только кучеръ Серболовой подалъ къ крыльцу лошадь, ворота сарая, скрывавшаго учителя, съ шумомъ распахнулись, и онъ торжественно предсталъ глазамъ изумленныхъ его появленіемъ зрителей.

Препотенскій былъ облаченъ во всѣ свои обычныя одежды и обѣими руками поддерживалъ на головѣ своей похищенныя имъ у матери новыя ночки, на которыхъ тѣлеса симметрически были разложены извѣстныя человѣческія кости.

Прежде чѣмъ кто-нибудь могъ рѣшить, что можетъ значить появленіе Препотенскаго съ такою ношей, учитель прошель съ нею величественнымъ шагомъ мимо крыльца, на которомъ стоялъ Туберозовъ, показалъ ему языкъ и вышелъ чрезъ кладбище на улицу.

Гости просвири только ахнули и не утерпѣли, чтобы не посмотрѣть, чѣмъ окончится эта демонстрація. Выйдя вслѣдъ за Варнавой на тихую улицу, они увидали, что учитель подвигался тихо. въ-розвалъ, и несъ свою ношу осторожно, какъ будто это была не доска, уложенная изсохшими костями, а драгоценный и хрупкій сосудъ, взрѣзъ съ краями полный еще болѣе многоцѣнною жидкостью; но сзади ихъ вдругъ послышался тихій, прерываемый одышкой

плачь, и за спинами у нихъ появилась облитая слезами просвирня.

Бѣдная старуха дрожала и, судорожно кусая кончики сложенныхъ вмѣстѣ всѣхъ пяти пальцевъ руки, шептала:

— Что это онъ? что это онъ такое носить по городу?

И съ этимъ, уразумѣвъ дѣло, она болѣзненно визгнула и, съ несвойственною ея лѣтамъ рѣзвостью, бросилась въ погоню за сыномъ. Ветхая просфирня бѣжала подпрыгивая и подскакивая, какъ бѣгаютъ дурно летающія птицы, прежде чѣмъ имъ подняться на воздухъ, а Варнава шель тихо; но, тѣмъ не менѣе, все-таки трудно было рѣшить, могла ли бы просвирня и при такомъ быстромъ аллюрѣ догнать своего сына, потому что онъ былъ ужъ въ концѣ улицы, которую та только что начала. Быть или не быть этому — рѣшилъ случай, давшій всей этой процессіи и погонѣ совершенно неожиданный оборотъ.

Въ то самое время, какъ вдова понеслась съ неизвѣстными цѣлями за своимъ ученымъ сыномъ, откуда-то сверху раздалось громкое и веселое:

— «Эй! ур-р-ре-ре: не бей его! не бей! не бей!»

Присутствовавшіе при этой сценѣ оглянулись по направленію, откуда происходилъ этотъ крикъ, и увидѣли на голубцѣ одной изъ сосѣднихъ крышъ оборванца, который держалъ въ рукѣ тонкій шестъ, какимъ обыкновенно охотники до голубинаго лета пугаютъ турмановъ. Этотъ крикунъ былъ старогородскій бирючъ, фактотумъ и пролетарій, праздношатающійся мѣщанинъ, по прозванію комиссаръ Данилка. Онъ пугалъ въ это время своихъ турмановъ и не упустилъ случая, смѣха ради, испугать и учителя. Цѣль комиссара Данилки была достигнута какъ нельзя болѣе, потому что Препотенскій, едва лишь услышалъ его предостерегающій кликъ, какъ тотчасъ же перемѣнилъ шагъ и бросился впередъ съ быстротою лани.

Шибко скакалъ Варнава по пустой улицѣ, а съ нимъ вмѣстѣ скакали, прыгали и разлетались въ разныя стороны кости, уложенныя на его плоскихъ ночвахъ; но все-таки онъ не столько уходилъ отъ одной бѣды, сколько спѣшили навстрѣчу другой, несравненно болѣе опасной: на ближайшемъ перекресткѣ улицы испуганнымъ и полнымъ страха глазамъ учителя Варнавы предсталъ въ гораздо большей противъ обыкновеннаго величинѣ своей грозный дьяконъ Ахилла.

По пословицѣ: впереди стояла затрещина, а сзади—тычокъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Чуть только бѣдный учитель завидѣлъ Ахиллу, ноги его подкосились и стали; но черезъ мгновеніе отдрогнули, какъ сильно нагнетенныя пружины, и въ три сильныхъ прыжка перенесли Варнаву черезъ такое разстояніе, котораго человѣку въ спокойномъ состояніи не перескочить бы и въ десять прыжковъ. Этимъ Варнава былъ почти спасенъ: онъ теперь находился какъ разъ подъ окномъ акцизничихи Бизюкиной, и на его великое счастье сама ученая дама стояла у открытаго окна.

— Берите! — крикнулъ ей, задыхаясь, Препотенскій:— за мной гонятся шпионы и духовенство! — съ этимъ онъ сунулъ ей въ окно свои почвы съ костями, но самъ былъ такъ обезсиленъ, что не могъ больше двинуться и прислонился съ стѣнѣ, гдѣ тутъ же съ нимъ рядомъ сейчасъ очутился Ахилла и, тоже задыхаясь, держалъ его за руку.

Дьяконъ и учитель похожи были на двухъ друзей, которые только что пробѣжались въ горѣлки и отдыхаютъ. Въ лицѣ дьякона не было ни малѣйшей злобы: ему скорѣй было весело. Тяжко дыша и поводя вокругъ глазами, онъ замѣтилъ посреди дороги два торчація изъ пыли человѣческія ребра и, обратясь къ Препотенскому, сказалъ ему:

— Что же ты не поднимаешь вонъ этихъ твоихъ астрелюсовъ?

— Отойдите прочь, я тогда подниму.

— Ну, хорошо: я отожду,—и дьяконъ со всею свойственною ему простотой и откровенностію подошелъ къ окну, поднялся на цыпочки и, заглянувъ въ комнаты, проговорилъ:

— Послушайте, совѣтница, а вы, право, напрасно за этого учителя заступааетесь.

Но вмѣсто ожидаемаго отвѣта отъ «совѣтницы», Ахиллѣ предсталъ самъ либеральный акцизный чиновникъ Бизюкинъ и показалъ ему голый черепъ скелета.

— Послушай, спрячь, сдѣлай милость, это, а то я разсержусь, — попросилъ вѣжливо Ахилла; но, вмѣсто отвѣта, изъ дома послышался самый оскорбительный хохотъ, и самъ акцизный, стоя у окна, началъ, смѣясь, громко щелкать на дьякона челюстями скелета.

— Перебью васъ, еретики! — взревѣлъ Ахилла и сгрѣбъ въ обѣ руки лежавшій у фундамента большой булыжный камень съ непремѣннымъ намѣреніемъ бросить эту шести-пудовую бомбу въ своихъ оскорбителей, но въ это самое время, какъ онъ, сверкая глазами, готовъ былъ вергнуть поднятую глыбу, его сзади кто-то сжалъ за руку, и знакомый голосъ повелительно произнесъ:

— Брось!

Это былъ голосъ Туберозова. Протопопъ Савелій стоялъ строгій и дрожащій отъ гнѣва и одышки. Ахилла его послушалъ; онъ сверкнулъ покраснѣвшими отъ ярости глазами на аклизника и бросилъ въ сторону камень съ такою силой, что онъ ушелъ на цѣлый вершокъ въ землю.

— Иди домой,—шепнулъ ему, и самъ отходит, Савелій.

Ахилла не возразилъ и въ этомъ и пошелъ домой тихо и сконфуженно, какъ обличенный въ шалости добронравный школьникъ.

— Боже! какой глупый и досадный случай!—произнесъ, едва переводя духъ, Туберозовъ, когда съ нимъ поровнялся его давишній собесѣдникъ Дарьяновъ.

— Да не безпокойтесь: ничего изъ этого не будетъ.

— Какъ не будетъ-съ? будетъ то, что Ахиллу отдадутъ подь судъ! Вы развѣ не слыхали, что онъ кричалъ, грозя камнемъ? Онъ хотѣлъ ихъ всѣхъ перебить!

— А увидите, что все это кончится однимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ-съ; это не кончится смѣхомъ и здѣсь нѣтъ никакого смѣха, а есть глупость, которою дрянные люди могутъ воспользоваться.

И протопопъ, ускоривъ шагъ, шибко пошелъ домой, выписывая сердитые эсы концомъ своей трости.

Въ слѣдующей части нашей хроники мы увидимъ, какія все это будетъ имѣть послѣдствія и кто изъ двухъ прорицателей правѣе.

Оглавленіе

І ТОМА.

	стр.
Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ <i>Р. Сементковскаго</i>	5
Соборяне. (Хроника).	
Часть первая.	67